

**СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
ФГБОУ ВО «ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

ОТРАЖЕНИЯ

Первые опыты художественного перевода

Альманах

Выпуск 13

**Редакторы и составители:
К. С. Корконосенко, О. В. Матвиенко**

**Санкт-Петербург — Донецк
2023**

УДК 82-822=03
ББК 84(0)
О-862

Ответственная за выпуск А. В. Кузьмина

С предложениями и пожеланиями обращаться по адресу:

Донецк, 283001, ул. Университетская, 24. ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», кафедра зарубежной литературы. Матвиенко О. В.

Тексты для публикации можно также направлять по электронной почте kmlkf@list.ru или на адрес редактора сборника matvizar@gmail.com. Присланные материалы не возвращаются и не рецензируются.

Издание носит некоммерческий характер и не поступает в продажу.

Проект реализован при поддержке Ассоциации преподавателей русского языка и литературы «РОПРЯЛ»

Рецензенты:

В. Е. Багно, член-корреспондент РАН, научный руководитель ИРЛИ РАН

Е. В. Филатова, д. филол. н., заведующая кафедрой английского языка для естественных и гуманитарных специальностей ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Печатается по решению ученого совета факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», протокол № 7 от 27.09.2023 г.

О-862   **Отражения. Первые опыты художественного перевода:** Альманах. Вып. 13. Ред. и сост. К. С. Корконосенко, О. В. Матвиенко; [отв. за выпуск А. В. Кузьмина]. СПб.; Донецк, 2023. 208 с.

В тринадцатый выпуск сборника «Отражения» по сложившейся традиции вошли лучшие переводы золотого фонда классической и современной словесности, выполненные победителями Международного конкурса начинающих переводчиков им. Э. Л. Линецкой (2022 г.), который ежегодно проводится Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге. Кроме того, в альманахе опубликованы переводы призеров республиканского конкурса для школьников «Мои первые переводы» (Донецк, 2020–2022), переводы студентов и преподавателей ДонГУ. Рубрика «В переводческой мастерской» представляет авторскую подборку К. Белого, материалы **Переводы призеров II конкурса «День переводчика», проведенного Институтом иностранных языков Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина (весна 2023 года)**

УДК 82-822=03
ББК 84(0)

ISBN 978-5-6043747-8-8

© Союз писателей Санкт-Петербурга, 2023

© Донецкий государственный университет,
2023

© Корконосенко К. С., Матвиенко О. В.,
составление, 2023

От составителя

Дорогой читатель!

Перед Вами уже тринадцатый по счету выпуск переводческого альманаха «Отражения».

Мы продолжаем наш проект и публикуем материалы очередного Международного конкурса начинающих переводчиков им. Э. Л. Линецкой, состоявшегося в 2022 году. Конкурс, который ежегодно проводится под эгидой Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге и популяризирует классические традиции Петербургской (Ленинградской) школы перевода, объединил в виртуальном русскоязычном пространстве людей, увлеченных художественным переводом. Приятно отметить, что география участников конкурса и соответственно альманаха «Отражения» расширяется с каждым новым выпуском; авторы присылают свои работы отовсюду, от США и Западной Европы до Средней Азии, от Санкт-Петербурга до Донбасса. Благодаря конкурсу «Отражения» регулярно пополняются, по выражению классика, «хорошими и разными» переводами с английского, немецкого, французского, испанского, итальянского, венгерского, китайского, а в этот раз — еще и с идиша! Публикуя лучшие переводы иностранной поэзии и прозы, надеемся, что читатели смогут обогатить свое представление о классической и современной словесности, порадоваться удачным переводческим решениям.

Рубрика «В переводческой мастерской» предлагает ознакомиться с талантливыми переводами из поэзии Р. М. Рильке петербуржца, участника семинара В. А. Дымищица Константина Белого. В этой же рубрике представлены тексты проекта «Переводы поэзии Уильяма Карлоса Уильямса» — работы студентов 3 курса ИИЯ РУДН, выполненные под руководством д.ф.н., проф. М. Р. Ненароковой, а также лучшие переводы II конкурса «День переводчика», прошедшего весной 2023 года в Институте иностранных языков Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина.

В разделе «Опыт художественного перевода в Донбассе» мы публикуем тексты местных переводчиков. Конечно, о полноценной школе речь пока не идет, но донбассовцам есть на кого равняться: Петербургская школа художественного перевода задает нам высочайший исполнительский уровень. В этот раз в рубрике напечатаны работы Наты Потемкиной — писательницы и журналистки, дончанки по рождению, израильтянки по паспорту, американки по месту жительства. Кроме того, в этом выпуске присутствуют и лучшие переводы начинающих — лауреатов республиканского конкурса «Мои первые переводы» (2020, 2022, 2023), который ежегодно проводится Донецким государственным университетом для старшеклассников Донбасса.

Пользуясь случаем, напоминаю, что редколлегия ждет Ваши переводческие подборки. То, что Вы переводите «для себя», чему посвящаете свободное время и отдаете душевные силы. Тексты, которые Вы шлифуете и совершенствуете, добиваясь идеального звучания, безупречного стиля.

Надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Увлекательного Вам чтения!

Ольга Матвиенко

Слово о конкурсе

Каждый год, начиная с 2009-го, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) совместно с Союзом писателей Санкт-Петербурга проводит Конкурс начинающих переводчиков имени Э. Л. Линецкой. С идеей организации такого конкурса выступили ученики Эльги Львовны, бывшие участники ее семинара — Т. Н. Чернышева, М. Д. Яснов, В. Е. Багно и В. Н. Андреев.

Конкурс проводится при финансовой поддержке Института перевода в Москве; цель его — сохранение традиций отечественной школы художественного перевода, а задача — на конкурсной основе отметить лучшие переводы поэзии и прозы, выполненные начинающими переводчиками на материале предложенных заданий.

Для участников Конкурса не устанавливается ограничений по возрасту, гражданству и месту жительства. Начинающим может считать себя всякий переводчик, делающий первые шаги в художественном переводе, не состоящий ни в каком профессиональном союзе и имеющий не более трех переводных публикаций.

Диапазон заданий год от года меняется: на конкурс предлагаются тексты на разных языках, в номинациях Проза и Поэзия. В 2023 году к уже традиционным английскому, венгерскому, испанскому, итальянскому, китайскому, немецкому и французскому мы добавили турецкий и арабский. Информация о конкурсе помещается на сайт Пушкинского Дома, а потом, уже без усилий оргкомитета, передается по социальным сетям.

Награждения в Большом зале Пушкинского Дома проходят и торжественно, и весело. Это праздник для всех любителей перевода. Отрадno, что на этом празднике завязывается общение лауреатов и с профессиональными переводчиками, и между собой, и этот заинтересованный диалог продолжается и потом, выходя за рамки конкурсных заданий.

Один из результатов такого общения — издание лучших переводов 2022 года в нынешнем выпуске «Отражений» под двойным грифом — Союза писателей Санкт-Петербурга и Донецкого государственного университета. Я живу в Петербурге, а мой соредaktor, многократная победительница Конкурса начинающих переводчиков Ольга Матвиенко — в Донецке. Ее ежегодную работу над альманахом я считаю подвижничеством.

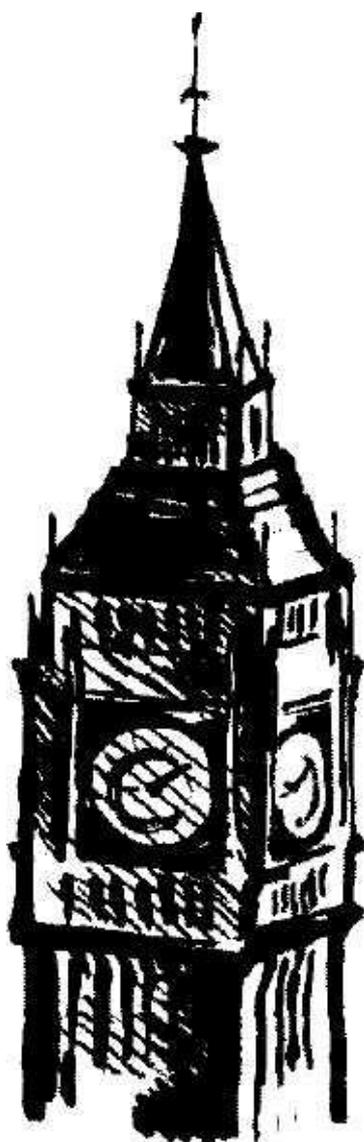
Этот совместный проект интересен читателям, поэтому работа над ним продолжится и в будущем.

*Кирилл Корконосенко,
эксперт и организатор конкурса*

**МАТЕРИАЛЫ КОНКУРСА
НАЧИНАЮЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ
ИМ. Э. Л. ЛИНЕЦКОЙ
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2022)**

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО

АНГЛИЙСКАЯ ПРОЗА

DYLAN THOMAS TO VERNON WATKINS

Lobster Pot. Mousehole, Cornwall, 15th July 1937

I'm sorry that this is such a short and inadequate letter.

I'll do much better next time.

Dear Vernon,

If, in some weeks time, you see a dog-like shape with a torn tail and a spaniel eye, its tail between its legs, come cringing and snuffling up Heatherslade gravel, it will be me; look carefully at its smarmy rump that asks to be kicked, its trembling, penholding paw that scribbles, "kick me", in the dust. It will deserve your anger. But, really, the Grief of the Sea was this: I was fooling about with a copy of the poem, playing the pleasant, time-wasting game of altering, unasked for, somebody else's work; and then, when I met Keidrych with the manuscripts I had collected, blindly, and carelessly I must have included among them the for-my-own-benefit, not-to-be-shown copy instead of the original. I hope you forgive me: that's the truth. I was worried when I saw the first number of *Wales*, with Thowdlerized version in it, and should, anyway, in few days have sent off an explanation to you. Further than that I Cannot Go, but you may still kick me when we meet in Pennard again – and I'm hoping that will be soon.

Yes I thought "*Wales*" was good, too. I had actually very little myself to do with the editing, though Keidrych goes up to Cambridge next year I shall probably – and with you as colleague, or whatever it is, if you'd be – take it all over. And no more Nigel Heseltine when we do: he can crawl back into the woodwork, or lift up his stone again. [...]

My own news is very big and simple. I was married three days ago; to Caitlin Macnamara; in Penzance registry office; with no money, with no prospect of money, no attendant friends or relatives, and in complete happiness. We've been meaning to from the first day we met, and now we are free and glad. We're moving next week – for how long depends on several things, but mostly on one – to a studio some miles away, in Newlyn, a studio above a fish-market & where gulls fly in to breakfast. But I shall be trying to come home soon for at least a few days, along with Caitlin: I think you'll like [her] very much, she looks like the princess on the top of a Christmas Tree. Or like a stage Wendy; but for the God's sake, don't tell her that.

Write soon as you can, and bless me.

Love to all the family.

Yours always,

Dylan

ДИЛАН ТОМАС — ВЕРНОНУ УОТКИНСУ

«Горшочек с омарами». Маусхол, Корнуолл, 15 июля 1937 г.

Прошу прощения за такое короткое и неудовлетворительное письмо.
В следующий раз я напишу значительно лучше.

Дорогой Вернон,

Если через несколько недель ты увидишь фигуру, похожую на собаку, с поджатым ободранным хвостом и взглядом спаниеля, которая съезжившись и понурившись, идет по гравию Хизерслейда¹, то это буду я; посмотри внимательно на его виляющий зад, который так и просит пинка, на его дрожащую, ручкодержашую лапу, которая выцарапывает в пыли каракули «пни меня». Это заслужит твой гнев. Но, на самом деле, Печаль Моря² была такова: я дурачился с экземпляром стиха, играя в приятную, занимавшую время игру, по изменению, без спроса, чужой работы; а затем, когда я встретил Кейдрича с рукописями, которые я собрал, не глядя и по небрежности, я вместо оригинала должно быть включил в них экземпляр, предназначенный для себя, а не для показа. Я надеюсь, ты простишь меня: это правда. Я встревожился, когда увидел первый номер «Уэльса» с Тоудлеризированной³ версией стиха в нем, и должен был, во всяком случае, через несколько дней послать тебе объяснение. На большее Я Пойти Не Могу⁴, но ты все равно можешь дать мне пинка, когда мы снова встретимся в Пеннарде — и я надеюсь, что это произойдет скоро.

Да, я тоже думаю, что «Уэльс» хорош. На самом деле, я очень мало имел отношения к редактированию, хотя, когда Кейдрич поедет в Кембридж в следующем году, я, вероятно, — и с тобой как с коллегой, или кем ты там захочешь быть, если ты согласишься, — возьму все это на себя. И больше никакого Найджела Хезелтайна, когда мы это сделаем: он может катиться куда подальше. [...]

Моя собственная новость очень важная и обычная. Я женился три дня назад; на Кейтлин Макнамара; в отделе регистрации Пензанса; без денег, без малейшей надежды на получение денег, без сопровождающих друзей или родственников, и в полном счастье. Мы хотели этого с первого дня нашей встречи, и теперь мы свободны и счастливы. На следующей неделе мы

---

¹ Дом Вернона Уоткинса в Пеннарде. — *Здесь и далее примечания переводчицы.*

² Игра слов: название поэмы Вернона Уоткинса, которую изменил Дилан Томас, «Griefs of the Sea»; здесь он употребил словосочетание «the Grief of the Sea».

³ Игра слов: Томас Боудлер переработал пьесы Уильяма Шекспира, чтобы их могли читать женщины и дети. В дальнейшем стал использоваться термин «бодлеризация» — в уничижительном смысле — форма цензуры, очищение от всего вредного или оскорбительного. Дилан Томас заменил первую букву данного термина на начальные буквы своей фамилии, чтобы подчеркнуть, как жестоко он расправился со стихом Вернона Уоткинса.

⁴ Игра слов: здесь Дилан Томас употребил словосочетание «I Cannot Go», что означает «На том стою», слова изначально принадлежат Мартину Лютеру («На том стою, и не могу иначе. Да поможет мне Бог. Аминь»).

переезжаем — надолго ли, зависит от нескольких вещей, но в основном от одной — в квартирку-студию в нескольких милях отсюда, в Ньюлине, квартирка над рыбным рынком, куда чайки прилетают позавтракать. Но я постараюсь поскорее вернуться домой, хотя бы на несколько дней, вместе с Кейтлин: думаю, она тебе очень понравится, она похожа на принцессу на верхушке Рождественской Елки. Или на театральную Венди; но, ради Бога, не говори ей об этом.

Напиши как можно скорее и благослови меня.

С любовью ко всей твоей семье.

Всегда твой,

Дилан.

Перевод Полины Носовой (nosova.polina@yandex.ru), клинического психолога и старшего преподавателя кафедры клинической психологии Института медицины и психологии В. Зельмана Новосибирского государственного университета. Это ее первый опыт художественного перевода. Перевод занял третье место в номинации «английская проза» (2022)

АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

Gerard Manley Hopkins (1844–1889). The Times Are Nightfall

The times are nightfall, look, their light grows less;
The times are winter, watch, a world undone:
They waste, they wither worse; they as they run
Or bring more or more blazon man's distress.
And I not help. Nor word now of success:
All is from wreck, here, there, to rescue one —
Work which to see scarce so much as begun
Makes welcome death, does dear forgetfulness.

Or what is else? There is your world within.
There rid the dragons, root out there the sin.
Your will is law in that small commonweal...

Джерард Мэнли Хопкинс (1844–1889). Настала ночь

Настала ночь, смотри, как меркнет свет;
Пришла зима, взгляни на крах всего,
Что вянет, гибнет; время таково,
Что смена дней — предвестник новых бед.
Не в силах я помочь. И слово — нет:
Всё тщетно, ведь спасенье одного —
Лишь капля в море — ясно, отчего
Нет веры, что оставишь яркий след.

А мир другой? В твоей душе есть он.
Пусть будет в нём порок искоренён.
В том мире волен ты писать закон...

Перевод Светланы Товстик (svetlana.tovstik@mail.ru), студентки 2 курса магистратуры, направление «Лингвистика» (профиль: отраслевой перевод), Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет, Барнаул. Перевод занял третье место в номинации «английская поэзия» (2022)

Джерард Мэнли Хопкинс (1844–1889). Ложится тьма

Ложится тьма, гляди — слабеет свет;
Всё стынет, посмотри, как мир дрожит:
Всё тщетно, всё напрасно; и бежит
Всё прочь, и всё приносит сонмы бед.
Я не помощник. И советов нет:
В руинах всё и здесь, и там лежит
Спасенья ради — жалок этот вид,
И манит смерть, раскрыв забвенья плед.

Иль всё не так? Скрыт мир внутри у всех.
Убей драконов, вырви с корнем грех.
Ты тут король, и в воле — твой успех...

Перевод Константина Белого (snekot@gmail.com), удостоен почетной грамоты в номинации «английская поэзия» (2022)

Джерард Мэнли Хопкинс (1844-1889). Час сумерек

Час сумерек, и свет помалу гаснет.
Час холодов, и мир почти застыл.
Преграды множатся, слабеет пыл,
Не время тает — жизнь течёт напрасно...

Удача? Это воле неподвластно.
Руины рок везде нагромоздил,
Не тщишь исправить — неостанет сил.
Смерть и забвенье ближе всякий час, но

Знай: у тебя есть малый мир внутри.
С грехом борись, драконов усмири,
Там свой закон поставь — и вольно правь.

Перевод Ольги Матвиенко (matvizar@gmail.com), доцента кафедры зарубежной литературы Донецкого национального университета

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО

HEMEЦКАЯ ПРОЗА

Klabund (1890–1928). Der sterbende Soldat

Tag und Nacht sind nicht mehr. Sind versunken wie Segelschiffe hinterm Horizont des Meeres. Ich weiß nicht mehr von Tag und Nacht. Von Sonne und von den grauen Krähen der Dämmerung. Von der Erde und von der runden Kugel des Glücks. Wir marschieren. Wir marschieren bei Tag. Wir marschieren bei Nacht. Wir schlafen in der Nacht. Wir schlafen am Tag. Wir schießen Tag und Nacht. Wenn ich mich umdrehe, steht die Zeit wie eine rosaschwarze Wand vor mir. Kein Tag. Keine Nacht. Kein Monat. Kein Jahr. Nur ein blutendes Feld, blutrote Ackererde, aus dem unsere Leiber wie weiße Blumen in den Himmel wachsen. Wie Tau netzt der Himmel meine Augen. Ich möchte immer blühen. Schmale Lilie. Schwertlilie. Ich habe nie so stark an mich geglaubt. Wenn ich die Hand hebe, werde ich eine Granate im Fluge aufhalten. Ich habe Durst. Nach Wasser. Nach Feuer. Ich will Feuer schlucken wie die östlichen Zauberer. Mein Pferd ist tot. Es muß irgendwo neben oder unter mir liegen. Worauf soll ich nun reiten? Ich werde auf einem toten Engländer in die Hölle reiten. Aber Lilli will es nicht. Sie faßt meine Hand, ich bin ja blind, und wird mit mir den Himmel suchen gehen. Lilli, sag' ich, hier riecht es nach Veilchen, hier ist der Himmel. Sie läßt meine Hand los. Ich sehe sie nicht mehr. Da vorn ist eine andere Hand. Eine leuchtende Hand. Rauchgeschwärzt. Sie greift nach dem Haus mit dem Schindeldache. Die Hand wird auf einmal Mund. Sie frißt das Haus. Kaut an ihm. Wenn der Wachtmeister wüßte, daß ich hier so faul liege, während er Appell hält. »Ulan Bubenreuther«, wird er rufen. »Ulan Bubenreuther...?« Niemand meldet sich. »Ulan Bubenreuther vermißt...« Ich habe Durst. Ich möchte etwas trinken. Etwas Heißes. Ich friere. Heißen Tee. Ich muß lachen, wenn ich an die polnischen Juden denke, die uns immer Tee verkauften: »Gebe Sie Münz, Herr, kriege Sie heiße Tei...« Sie haben keine Heimat. Niemand hat eine Heimat. Nur der Tod. Er ist überall zu Hause. Wo ist die kleine Stadt, in der ich geboren wurde? Die engen Straßen gehen krumm und gebückt vor Alter. Die jungen Mädchen laufen Schlittschuh. Bürger eilen mit wichtigen Mienen zu Geschäft, Versammlung oder Kneipe. Die Oder rauscht unter den Schollen. Die Patina des Marienkirchturms glänzt in der Wintersonne violett und grün. Es muß wer gestorben sein – der Küster läutet die Glocken. Ich will leise mit der Lanze winken. Vielleicht, daß er mich sieht.

1914

Клабунд (1890–1928). Умирающий солдат

Дня и ночи больше нет. Утонули, как парусники за морским горизонтом. Я забыл о дне и о ночи. О солнце и о серых воронах на закате. О земле и о счастье. Мы маршируем. Мы маршируем днем. Мы маршируем ночью. Мы спим ночью. Мы спим днем. Мы стреляем днем и ночью. Когда я

оборачиваюсь, время стоит передо мной красно-черной стеной. Ни дня. Ни ночи. Ни месяца. Ни года. Только кровоточащее поле, кроваво-красная пашня, откуда наши тела белыми цветками тянутся к небу. Подобно росе увлажняет небо мои глаза. Я хочу цвести вечно. Тонкая лилия. Ирис. Я никогда так твердо не верил в себя. Подняв руку, я на лету поймаю гранату. Меня мучает жажда. Воды. Огня. Я хочу глотать огонь подобно восточным волшебникам. Моя лошадь мертва. Она должна лежать где-то рядом или подо мной. И на чем же мне теперь ездить? Въеду в ад на мертвом англичанине. Но Лили этого не хочет. Она берет меня за руку, я ведь слеп, и идет со мной искать рай. Лили, говорю я, здесь пахнет фиалками, вот он рай. Она отпускает мою руку. Я больше ее не вижу. Впереди другая рука. Светящаяся рука. Закоптелая. Она хватает дом с гонтовой крышей. Рука вдруг становится ртом. Она ест дом. Жует его. Знал бы только старший сержант, что я здесь так лениво разлегся, пока он ведет переключку. “Улан Бубэнройтер”, он закричит. “Улан Бубэнройтер...?” Никто не объявляется. “Улан Бубэнройтер пропал...”. Меня мучает жажда. Я хочу чего-нибудь выпить. Чего-нибудь горячего. Я замерзаю. Горячего чаю. Я невольно смеюсь, когда думаю о польских еврейках, которые всегда продавали нам чай: “Падай манетку, господин, получи горячева чая...” У них нет родины. Ни у кого нет родины. Только у смерти. Она везде своя. Где тот маленький город, в котором я родился? Узкие улочки извиваются и горбятся от старости. Юные девушки катаются на коньках. Горожане с важными минами спешат по делам, на встречу или в кабаки. Одер шумит подо льдом. Патины башни Мариенкирхе переливаются в свете зимнего солнца зеленым и фиолетовым. Должно быть, кто-то умер — дьячок звенит в колокола. Я хочу осторожно подать ему знак пикой. Может быть, он меня заметит.

Перевод Анастасии Горбачевой (anastasa2404@gmail.com), ученицы 11 класса ГБОУ СОШ 605 с углубленным изучением немецкого языка (Санкт-Петербург). Перевод занял второе место в номинации «немецкая проза» (2022)

Клабунд (1890–1928). Умиравший солдат

Дня и ночи теперь нет. Сгинули, как корабли за морским горизонтом. Я позабыл о дне и ночи. О солнце и серых воронах на заре. О земном шаре и колесе удачи. Мы маршируем. Маршируем днём. Маршируем ночью. Спим днём. Спим ночью. Стреляем днём и ночью. Когда я оглядываюсь по сторонам, время обносит меня розово-чёрной стеной. Нет дня. Нет ночи. Нет месяца. Нет года. Одно лишь кровавое поле, багровая пашня, из которой, словно белые цветы, тянутся к небесам наши тела. Точно роса, небо смачивает мне веки. Хочу вечно цвести. Стройной лилией. Светлой лилией. Никогда ещё я так не верил в себя. Мне только руку поднять — и поймаю на лету гранату. Хочется пить. Воды. Огня. Хочу глотать огонь, как восточные фокусники. Моя лошадь убита. Лежит, наверное, рядом или подо мной. На

ком мне теперь скакать? Поскачу в ад на мёртвом британке. Но Лили этого не хочет. Она берёт меня ослепшего за руку и собирается искать со мной рай. Лили, говорю я ей, здесь пахнет фиалками, здесь и есть рай. Она отпускает мою руку. Больше я её не вижу. Вон там вдали ещё одна рука. Пылает светом. Вся закоптилась от дыма. Она хватается дом с деревянной крышей. Вдруг рука превращается в рот. Заглатывает этот дом. Жуёт его. Знал бы вахмистр, что я тут лениво разлэгся, пока он проводит поверку. «Улан Бубенройтер!» — крикнет он. «Улан Бубенройтер?..» Никто не отзовется. «Улана Бубенройтера нет...» Пить. Мне хочется пить. Чего-нибудь горячего. Я весь замёрз. Горячего чая. Забавно вспоминать польских евреев, которые вечно продавали нам чай. «Не поспекуйтесь, господин, возьмите чайку...» У них нет дома. Ни у кого нет дома. Есть только смерть. А её дом повсюду. Где тот городок, в котором я родился? Узкие улицы, состарившись, идут вкривь и вкось. Катаются на коньках девочки. С важными лицами спешат в лавки, в пивные или на собрания жители. Шумит подо льдом Одер. Отливает на солнце фиолетовым и зелёным патина на колокольне церкви Святой Марии. Кто-то, видимо, умер — пономарь звонит в колокола. Помахать бы ему пикой. Вдруг он меня заметит.

Перевод Ксении Ивановой (californiadreaming85@yandex.ru). Родилась и живет в Чите (Забайкальский край). Окончила Читинский институт Байкальского государственного университета экономики и права (финансово-экономический факультет). Иностранными языками увлекается с детства: с начальных классов школы изучала немецкий и английский. Художественным переводом занимается в качестве хобби. С 2020 года принимает участие в конкурсах перевода — переводит прозу и стихи в языковых парах немецкий-русский, английский-русский, русский-английский. Данный перевод занял третье место в номинации «немецкая проза» (2022)

Клабунд (1890–1928). Умиравший солдат

Дня и ночи больше нет. Они исчезли, будто парусники за горизонтом. Я позабыл о дне и ночи. О солнце и серых сумеречных воронах. О земле и круге колеса фортуны. Мы шагаем. Мы шагаем днем. Мы шагаем ночью. Мы спим ночью. Мы спим днем. Мы стреляем днем и ночью. Когда я оборачиваюсь, перед лицом розово-черной стеной стоит время. Нет дня. Нет ночи. Нет месяца. Нет года. Лишь кровоточащее поле, кроваво-красная земля, а из нее, словно белые цветы, тянутся к небу наши тела. Небо росой окропляет мне глаза. Я бы хотел вечно цвести. Тонкой лилией. Ирисом. Я никогда еще не был так уверен в себе. Если я подниму руку, то остановлю снаряд на лету. Мне хочется пить. Воды. Огня. Мне хочется проглотить огонь, как это делают факиры. Мой конь погиб. Наверное, лежит где-то рядом или подо мной. Как же мне дальше скакать? Поскачу на мертвом англичанине в ад. Но Лилли этого не хочет. Она берет меня за руку, ведь я ослеп, и отправляется вместе со мной искать рай. Лилли, говорю я, здесь пахнет фиалками, вот он, рай. Она отпускает меня. Я больше ее не вижу.

Передо мной еще одна рука. Светящаяся рука. В пятнах копоти. Она хватается дом, покрытый дранкой. Тут же рука превращается в рот. Она пожирает дом. Жует его. Знал бы вахтмистр, что я тут валяюсь без дела, пока он делает перекличку. «Улан Бубенройтер!» — выкрикнет он. «Улан Бубенройтер?..» Никто не отзовется. «Улан Бубенройтер отсутствует...» Я чувствую жажду. Мне хочется чего-нибудь попить. Горячего. Мне холодно. Горячего чая. Как не засмеяться, вспоминая польских евреев, вечно предлагавших нам чай. «Дай монетку, господин, получай горячий чай». У них нет родины. Ни у кого нет родины. Только у смерти. Она везде как дома. Где тот городок, в котором я родился? Узкие улочки изгибаются и кривятся от старости. Девочки катаются на коньках. Жители с важным видом торопятся по магазинам, на собрания или в кабаки. Подо льдинами шуршит Одер. В лучах зимнего солнца отсвечивает фиолетовым и зеленым патина на колокольне Мариенкирхе. Наверное, кто-то умер: служитель звонит в колокола. Мне хочется помахать ему копьём. Быть может, он меня увидит.

Перевод Ольги Токаревой (ov-tokareva@mail.ru). Окончила Санкт-Петербургский государственный горный институт имени Г. В. Плеханова (технический университет) и Санкт-Петербургский государственный университет. Кандидат филологических наук. Преподаёт английский язык в Санкт-Петербургском горном университете и переводит научные статьи. В студенчестве изучала немецкий и испанский как второй и третий иностранные языки. Перевод занял третье место в номинации «немецкая проза» (2022)

Клабунд (1890–1928) Умиравший солдат

Дня и ночи больше нет. Канули, словно парусники, за морской горизонт. Я перестал понимать, где день, а где ночь. Где солнце, а где серое воронье сумерек. Где круги ада, а где райские сферы. Мы идем. Мы идем днем. Мы идем ночью. Мы спим ночью. Мы спим днем. Мы стреляем днем и ночью. Оглядываясь назад, я вижу перед собой лишь розово-черную стену времени. Нет дней. Нет ночей. Нет месяцев. Нет лет. Только кровоточащее поле, кровавокрасная пашня, из которой, словно белые цветы, тянутся к небу наши тела. Небо святой водой окропляет мои глаза. Я бы хотел цвести вечно. Изящной лилией. Ирисом. Никогда еще у меня не было такой сильной веры в себя. Я рукой могу остановить летящую гранату. Я жажду. Воды. Огня. Я хочу глотать огонь, как факир. Моя лошадь мертва. Она лежит где-то тут сбоку или подо мной. И на ком же мне теперь скакать? В ад я поеду на мертвом английском скакуне. Но моя Лили противится. Она поймала меня за руку — я ведь слепой — и мы идем на поиски неба. «Лили, — говорю я, — здесь пахнет фиалкой, здесь небо». Она отпускает мою руку. Я больше не вижу ее. Там, впереди, другая рука. Горящая рука. Рука, черная от копоти. Она хватается крытый дранкой дом. И моментально превращается в рот. Она жрет дом. Жует его. Знал бы вахтмистр, что я тут разлежусь во время переклички. «Улан Бубенрейтер, — выкрикивает он. — Улан Бубенрейтер?.. — в ответ молчание. — Улан Бубенрейтер отсутствует...». Я

хочу пить. Я хочу чего-нибудь попить. Чего-нибудь горячего. Мне холодно. Горячего чаю. Мне делается смешно, когда я вспоминаю польских евреев, вечно продававших нам чай: «Давайте денежку, господин, получайте горячий тэ...» У них нет родины. Ни у кого нет родины. Только у смерти. У нее родина повсюду. Где тот маленький город, в котором я родился? Где узкие улицы скособочились и сгорбились от старости. Где девушки катаются на коньках. Где горожане с важными лицами спешат по делам, на собрание или пропустить стаканчик. Где Одер шумит подо льдом. Где в лучах зимнего солнца сверкает фиалковым и зеленым патина на башне Мариенкирхе. Должно быть, кто-то умер: пономарь звонит в колокола. Помашу тихонько пикой. Может, он меня и увидит.

Перевод Ольги Протопоповой (olenenok.olya11@gmail.com). Занял третье место в номинации «немецкая проза» (2022)

Клабунд (1890–1928). Умиравший солдат

Дня и ночи больше нет. Затонули, как парусники за морским горизонтом. Я уже не отличаю дня от ночи. Солнца от серого воронья сумерек. Землю от шарика рулетки. Мы маршируем. Маршируем днём. Маршируем ночью. Спим ночью. Спим днём. Стреляем днём и ночью. Оборачиваюсь, и время встаёт передо мной розово-чёрной стеной. Ни дня. Ни ночи. Ни месяца. Ни года. Одно сочащееся кровью поле, кроваво-красная пахота, из которой наши тела прорастают белыми цветами в небо. Небо, как роса, туманит мне глаза. Хорошо бы цвести вечно. Чахлой лилией. Гладиолусом. Я никогда так сильно в себя не верил. Стоит поднять руку — и я остановлю на лету гранату. Хочется пить. Ещё воды. Ещё огня. Хочу глотать огонь, как восточные факиры. Лошадь моя пала. Наверно, она где-то рядом — или подо мной. А на чём же мне теперь скакать? Рвану-ка я в пекло верхом на мёртвом англичанине. Но Лилли против. Она схватит меня за руку, я ведь слепой, и пустится со мной на поиски неба. Лилли, скажу я, здесь же пахнет фиалками, это небо! Она отпускает мою руку. Я больше её не вижу. Там впереди другая рука. Светящаяся. Закопчённая. Она тянется к дому с черепичной крышей. Вдруг рука превращается в глотку. Заглатывает дом. Жуёт его. Знал бы вахмистр, что я тут разлёживаюсь, пока он проводит построение. "Улан Бубенройтер", — выкликнет он. — "Улан Бубенройтер...?" Никто не докладывает. "Улан Бубенройтер пропал без вести..." Хочу пить. Выпить бы чего-то. Чего-нибудь горячего. Меня знобит. Горячего чаю. Как вспомню, до чего ж смешные эти польские евреи, которые всегда продавали нам чай: «Шоб вы-таки были здоровы, панове, с вас монетка, с нас горячий ча-ий». У них нет родины. Ни у кого её нет. Только у смерти. Вот она-то везде дома. Где маленький городишко, в котором я появился на свет? Узкие улочки согнулись и покривились от старости. Барышни катаются на коньках. Горожане с важным видом спешат в лавку, на собрание или в пивнушку.

Подо льдом шумит Одер. Пати́на на колокольне Мариенкирхе отливает на зимнем солнце фиолетово-зелёным. Должно быть, кто-то умер — служка трезвонит в колокола. Я хочу тихонько подать ему знак пикой. Вдруг он меня заметит.

Перевод Ольги Матвиенко (matvizar@gmail.com), доцента кафедры зарубежной литературы Донецкого национального университета. Удостоен почетной грамоты в номинации «немецкая проза» (2022)

НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ

Klabund (1890–1928). Der Friede

Der Friede stürzt ins Land
Gleich einem Schaf, von Wölfen
angerissen.
Er trägt ein grau Gewand,
Zerflattert und zersplissen.

Sein Antlitz ist zerfressen,
Sein Auge ohne Glanz.
Er hat vergessen
Den eignen Namen ganz.

Gleich einem alten Kind
(Gealtert früh in Harmen)
Steht er im Abendwind
Und bettelt um Erbarmen.

Es glänzt sein blondes Haar,
Der Sonne doch ein Teilchen.
Er bietet lächelnd dar
Ein welches Herz und welke
Veilchen.
1920

Клабунд (1890–1928). Мир

Упал на землю мир
Овечкой бедной, жертвой
волчьей стаи.
Лохмотья, что до дыр
Протёрты, с плеч свисают.

Его лицо в увечьях,
А взгляд холодный пуст.
Забыл навечно,
Как его зовут.

Как молодой старик
(Он постарел от боли)
Он на ветру стоит,
О милости он молит.

И свет его волос
Сияет солнцем ярко.
С улыбкой держит он
Сухое сердце и фиалку.

Перевод Надежды Новиковой (krovojatkina@mail.ru). Живет в Санкт-Петербурге. В 2016 году получила педагогическое образование по немецкому языку. По опыту больше педагог, по призванию больше переводчик. О конкурсе узнала случайно из соцсетей. В свободное время пишет стихи и песни. Перевод занял первое место в номинации «немецкая поэзия» (2022)

Клабунд (1890–1928). Мир

И рушится весь мир,
Как падает овца от волчьей хватки.
На нём наряд до дыр
Изношен и заплатки.

Изъеден лик. Сокрыта
В глазах его беда.
И позабыто
Им имя навсегда.

Ребёнок как старик
(Лишенья старят рано),
Он на ветру стоит,
И милость молит рьяно.

А волосы светлы,
Как солнца зайчик зыбкий.
Он сердце и цветы
Увявшие отдаст с улыбкой.

Перевод Константина Белого (snekot@gmail.com). Живет в Москве и Петербурге, окончил МГУ им. М. В. Ломоносова, работает главным аналитиком института ИНИЦИАТ в составе Университета им. П. Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург). Пробовал себя в переводе с английского, французского, немецкого. Лауреат нескольких конкурсов перевода, участник переводческой мастерской В. А. Дымишица. В 2021 году занял второе место в номинации «немецкая поэзия». Данный перевод занял второе место в номинации «немецкая поэзия» (2022)

Клабунд (1890-1928). Мир

На землю брошен мир
Овечкою, растерзанной волками.
Одежды серые до дыр
Растрепаны ветрами.

Клабунд (1890–1928). Мир

Мир входит в каждый дом,
Как агнец, угодивший в лапы волчьи.
Одежда вся на нём
Серá, свисают ключья.

Лик истекает кровью,
Тускл взгляд очей его.
И он не помнит
Прозванья своего.

Вокруг ревут ветра,
Он о пощаде молит,
Как малое дитя
Состарившись от горя.

И всё ж в золотых кудрях
Весёлый луч играет.
А он фиалок прах
И прах сердечный предлагает.

Перевод Натальи Небогатиковой (natasha.nebogatikova@gmail.com), студентки 3 курса бакалавриата филологического факультета СПбГУ по специальности «Межъязыковая коммуникация и перевод (немецкий язык)». Перевод занял второе место в номинации «немецкая поэзия» (2022)

Клабунд (1890–1928). Покой

На землю, как подкошенный, покой
Пал агнцем, истерзанным волками.
На нём одежды — серой пеленой,
Истёрты и изорваны, свисают
лоскутками.

Лицо его в морщинах,
И блеск погас в глазах.
И память обратила
Его же имя в прах.

Ребенок иль старик
(Стареют в скорби рано),
Он на ветру поник,
Моля о состраданье.

Блеск солнца в волосах,
Стоит с улыбкой жалкой,
Душа увядающая в руках,
Увядающие фиалки.

*Перевод Анны Комовой
(sirin8@yandex.ru). Живет и работает в
Сочи, преподает немецкий язык. По
специальности учитель, а не
переводчик, но любит литературный
перевод и поиски по многочисленным
словарям «того самого» слова, которое
передает и сохранит на родном языке
авторские образы, характеры и
настроения. Перевод занял третье
место в номинации «немецкая поэзия»
(2022)*

Клабунд (1890–1928). Мир

На землю рухнул мир,
Овцой, что задрана волками,
Оборванный мундир
Сер и потерт местами.

Обгрызено лицо,
В глазах нет блеска ныне,
Забыл в конце концов.
Свое, похоже, имя,

Как старое дитя,
Обижен, бога ради
Он на ветру, кряхтя,
Всех молит о пощаде.

Весь лик его изъеден злой тоской,
Весь взгляд его — померкший и
стеклянный.
Давно он позабыл, кто он такой,
Навек потерянный и безымянный.

До срока повзрослевшее дитя
(Всему виной — невзгоды и
страдания),
Он замер, ветер в сумерках лоя,
О милосердье слёзно умоляя.

Его золотых кудрей блестит пожар —
Лучи, что спряли солнечною прялкой.
С улыбкой свой он преподносит дар:
Увядающий дух. Увядающие фиалки.

*Перевод Елены Пещаницкой
(scarletreindeer@yandex.ru), студентки 4
курса филологического факультета
СмолГУ (Смоленск), специальность:
Лингвистика (перевод и переводоведение).
Перевод занял третье место в номинации
«немецкая поэзия» (2022)*

Клабунд (1890–1928). Мир

В страну ворвался мир —
Волками загнанный барашек.
Бедняга сер и сир,
Потрёпан, ошарашен,

В тряпье одет и худ,
Глаза смотреть устали...
И как его зовут,
Припомнит он едва ли.

Дитя войны, от бед
Состарившись до срока,
Он молча ждёт к себе
Участья хоть немного.

Увядшие цветы
И сердце предлагает.
Как солнце, прядь волос
На лбу его сияет.

*Перевод Веры Соломахиной
(veroniqueSVRN@yandex.ru). Окончила
факультет романо-германской
филологии Воронежского
государственного университета,
преподаватель английского языка.
Второй язык — французский.
Самостоятельно понемногу
знакомилась с другими языками
(испанским, итальянским, немецким,
чешским, польским). Перевод удостоен
почетной грамоты в номинации
«немецкая поэзия» (2022)*

Луч на его вихрах дрожит,
А он с улыбкой жалкой
Протянет вам — от всей души
Поникшей — сникшие фиалки.

*Перевод Ольги Матвиенко
(matvizar@gmail.com), доцента кафедры
зарубежной литературы Донецкого
национального университета*

ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОЗА

Henri Gougaud. Departements et territoires d'outre-mort

Le 12 septembre 1322, un meine greffier nommé Sicre consigna sur les registres de l'Inquisition de Toulouse les minutes d'un procès ordinaire et mineur, si l'on en croit le ton peu dramatique du dialogue établi entre le juge et son coupable. Le délit, quoique rare, n'était pas à l'évidence inspiré par Satan. C'est pourquoi sans doute l'évêque accusateur nommé Tourbier (technocrate religieux, sévère et maigre, à l'intelligence un peu raide mais aiguë) choisit ce jour-la de traiter sa victime avec la familiarité paternelle que les commissaires de police témoignent parfois aux récidivistes sans envergure. L'accusé – Jean Tisserand — assumait apparemment sans rechigner un piètre destin de pauvre bougre mal aimé, vivant depuis l'enfance de menus travaux domestiques. Il avoua ainsi son crime devant son juge:

— Aux environs de Pâques, je fus charitablement engagé par l'abbé de la paroisse Saint-Etienne, que Dieu garde, pour balayer et laver à grande eau son église, chaque jour, après le dernier office. Or, un soir, au crépuscule, me trouvant seul vivant en ce lieu, j'aperçus dans l'ombre d'un pilier un homme pâle et bien vêtu qui me fit signe de venir à lui. Je m'approchai, et levant ma lanterne devant son visage je reconnus maître Guillaume Davy, un honorable marchand chez qui j'avais autrefois servi. Je fus aussitôt pris d'effroi car maître Guillaume Davy, un honorable marchand chez qui j'avais autre-fois servi. Je fus aussitôt pris d'effroi car maître Guillaume était mort depuis six mois. Je tombai à genoux en le suppliant de ne point me tourmenter, car je ne doutai pas un instant de voir là son fantôme.

Il nie pria doucement de me relever et me dit ces mots apaisants:

«— Je ne suis en effet qu'un spectre revenu des limbes pour te demander un service que tu peux seul me rendre. Peu de temps avant ma mort j'ai emprunté quatre écus d'or à mon cousin Arnaud, que tu connais. Par malheur j'ai trépassé avant d'avoir acquitté ma dette. S'il te plaît, cours chez moi ce soir même. Dans le malelas de mon lit tu trouveras une bourse. Porte-la sans tarder à mon débiteur, en l'assurant de ma reconnaissance.

«Je promis à maître Guillaume d'agir selon ses vœux, après quoi j'osai lui demander s'il avait rencontré des anges ou des démons dans l'au-delà. Il me regarda d'un air pitoyable et ne me répondit pas. Puis il disparut derrière le pilier. Je ne l'ai jamais revu.»

Ainsi parla Jean Tisserand.

— Sais-tu, lui répondit l'évêque Tourbier (je l'imagine souriant avec condescendance sur son estrade épiscopale), sais-tu qu'il n'est pas très catholique de rencontrer des morts ? Notre mère l'Eglise, hors l'enfer, le purgatoire et le paradis, ne laisse point de place dans l'au-delà pour ces limbes fantomatiques dont tu parles. Tes visions, mon fils, sont donc hérétiques.

Avec l'humble naïveté des pauvres, l'accusé protesta:

— Dieu me garde de toute hérésie, monseigneur. Je suis un fidèle serviteur de l'Eglise. J'admets puisque vous le dites, que mes visions ne sont point catholiques.

Veillez donc considérer, s'il vous plaît, qu'elles ne m'ont pas visité.

— Cependant, reprit l'évêque Tourbier, maître Arnaud nous a dit qu'en effet son défunt cousin lui devait ces quatre écus que tu lui as apportés de sa part. Comment savais-tu que Guillaume Davy les lui avait empruntés?

— Hélas, monseigneur, je l'ignorais. Quand il le fit, j'avais quitté son service depuis près de deux ans.

Ici finit l'interrogatoire de Jean Tisserand. L'inquisiteur probablement agacé par la bonne foi de sa victime, coupa court et condamna le pauvre homme à dix ans de bannissement. Jean Tisserand quitta donc la ville et se fit vagabond. Sa trace aurait été définitivement perdue si un curé de campagne ne l'avait recueilli en son presbytère, mourant de faim, un soir d'hiver. Ce curé le confessa et jugea ses tribulations tellement extraordinaires qu'il les consigna sur parchemin, à l'encre indélébile. Voici ce que dit ce document, récemment retrouvé dans les ruines d'une église pyrénéenne par l'archéologue médiéval Germain Solis:

«Moi, Jean Tisserand, je confesse avoir été visité, en l'an 1322, par le fantôme de Guillaume Davy, mon maître défunt, dans l'église Saint-Etienne de Toulouse. Ayant accepté, par charité chrétienne, de rendre au dit fantôme quelque menu service, je fus jugé hérétique par l'évêque Tourbier, inquisiteur, qui me bannit. Je m'en fus donc hors la ville, privé de ressources, et parvins en pays narbonnais où je me louai pour la vengeance. L'hiver venu, harcelé par la misère, et ne voulant point mourir hors de ma maison, je résolus de revenir à Toulouse, bien que j'y fusse hors la loi. Sur le chemin du retour, dans une auberge, j'appris que l'évêque Tourbier avait trépassé au sortir de l'automne. Cette nouvelle ne m'attrista guère et me conforta dans ma résolution. Par malheur, je ne pus promptement la mener à bien, contraint de mendier pour vivre, d'errer par les villages et de cogner aux portes closes, en quête de pain. Or, un soir de février, contemplant tristement la plaine par le portail ouvert d'une bergerie déserte où j'avais élu domicile, je vis venir à moi un homme grand et maigre vêtu d'une robe brodée d'or. Comme son apparence était fantomatique je fermai les yeux, ne voulant point à nouveau tomber dans le péché d'hérésie visionnaire. Il me fallut pourtant répondre à la voix rugueuse qui m'interpella, et que je reconnus bien:

«— Jean Tisserand, me dit cette voix, regarde-moi, je ne te veux aucun mal.

«J'obéis, et sur le seuil de mon abri (que Dieu me pardonne) je vis dressé, tout droit, l'évêque Tourbier. Je faillis mourir de terreur mais je parvins à lui demander à voix tremblante :

«— N'êtes-vous point défunt?

«Il me répondit tristement:

«— Je le suis, et j'ai besoin de ton aide.

«— Monseigneur, lui dis-je désespéré, épargnez-moi, j'ai assez souffert par votre faute.

«Alors il me supplia de le pardonner, ce que je fis volontiere. Puis il voulut que je revienne à Toulouse et demande audience à une noble dame que je ne veux point nommer. Je devais dire à cette dame de se rendre à la demeure épiscopale et d'y prendre, en un endroit secret qu'il me décrit exactement, une certaine somme d'argent destinée à la pieuse éducation du fils qu'elle avait eu de lui. Je n'eus jamais l'intention d'obéir à ses ordres. Grâce à Dieu, je ne mourrai point hérétique dans cette accueillante maison où la maladie me terrasse.»

La confession finit ici. Le parchemin sur lequel eile fut inscrite fut à dessein dissimulé par le pauvre curé qui le recueillit. Pauvre, cet homme d'église, nommé Saury, ne le resta pas longtemps. Une étude récente a démontré qu'il a accompli pour son compte la moitié de la mission confiée à Jean Tisserand. Il s'en fut à la demeure épiscopale et prit, dans sa cachette, l'argent destiné à l'éducation du fils illégitime. Cet argent lui permit d'acheter une charge d'évêque. On prétend qu'il ne dut qu'à sa clairvoyante bonté — effectivement indiscutable — d'être nommé, quelques années plus tard, grand inquisiteur.

Анри Гуго. Замёртвские департаменты и территории

«Я, Жан Тиссеран, собственной персоной, признаю, что в 1322 году в Тулузе в церкви Святого Этьена мне явился призрак Гийома Дави, моего покойного господина. Из христианского милосердия я согласился оказать упомянутому призраку одну небольшую услугу, потому-то епископ Турбье, инквизитор, счёл меня еретиком и отправил в изгнание. Покинул я город ничего за душой не имея, добрался до нарбоннских земель и нанялся собирать виноград. Когда пришла зима, преследуемый нищетой, и отчаянно не желая умереть вдали от родного крова, я решил вернуться в Тулузу, хотя там оказался бы вне закона. По пути домой, на постоялом дворе, я узнал, что епископ Турбье на исходе осени преставился. Эта новость отнюдь меня не опечалила и только утвердила в намерении. К несчастью, я не мог его осуществить тотчас, принуждённый жить подаянием, скитаться по селениям и колотить в запертые двери в поисках хлеба. Как-то раз, февральским вечером, с печалью глядя на долину через открытые ворота заброшенной овчарни, что стала моим временным приютом, я увидел шагавшего навстречу высокого худощавого человека в шитом золотом одеянии. Поскольку в его появлении было что-то потустороннее, я закрыл глаза, ведь ещё раз впасть в грех ереси из-за созерцания привидений нисколько не хотелось. Но волея-неволей пришлось ответить хриплому голосу, который звучал так знакомо:

— Жан Тиссеран, — произнёс он, — посмотри на меня, я совсем не желаю тебе зла.

Я повиновался и (да простит меня Господь) увидел, что на пороге моего прибежища стоит, выпрямившись во весь рост, епископ Турбье. Я едва не испустил дух от ужаса, но, хотя голос мой и дрожал, сумел вымолвить:

— Разве Вы не усопли?

Он с грустью отвечал:

— Усоп. И нуждаюсь в твоей помощи.

— Монсеньор, — в отчаянии обратился я к нему, — помилосердствуйте, я уже довольно выстрадал по Вашей вине.

Тут он принялся умолять меня о прощении, и я охотно простил. Затем он пожелал, чтобы я вернулся в Тулузу и попросил аудиенции у одной знатной дамы, чьё имя мне упоминать не хочется. Даме я должен был сообщить, что ей следует отправиться к дому епископа Турбье и забрать из укромного местечка, которое он мне подробно описал, деньги на душеполезное образование её сына, прижитого с Турбье. У меня и в мыслях не было подчиняться его приказам. Слава Богу, в этом гостеприимном доме, где настигла меня болезнь, еретиком я не умру».

На этом исповедь заканчивалась. Пергамент, на котором она была записана, нарочно спрятал приютивший Тиссерана бедняк кюре. Бедный этот церковник, по имени Сори, недолго оставался бедным. В ходе недавнего расследования выяснилось, что лично он наполовину выполнил миссию, возложенную на Жана Тиссерана. Кюре поспешил в дом Турбье и забрал из тайника деньги на образование его незаконнорождённого сына. На эти средства Сори смог купить сан епископа. Говорят, что исключительно благодаря своему дару провидения, — конечно же, неоспоримому, — через несколько лет он снискал звание великого инквизитора.

Перевод Ирины Ачкасовой (achkasovairina@bk.ru). Живет в Ростове-на-Дону. Окончила романо-германское отделение филологического факультета и магистратуру по специальности «международные отношения». Перевод занял первое место в номинации «французская проза» (2022)

Анри Гюго. Загробные владения Франции

«Я, Жан Тиссеран, исповедуюсь в том, что в 1322 году от Рождества Христова в церкви святого Этьена в Тулузе посетил меня дух Гийома Дави, покойного моего патрона. Из христианского милосердия согласился я оказать небольшую услугу вышеупомянутому духу, за что признан был еретиком и отправлен в изгнание инквизитором, епископом Турбье. Покинул я город, и понеже не имел я достаточных средств к существованию, нанялся я в нарбоннских землях сборщиком винограда. С приходом зимы, мучимый невзгодами и не желая умереть вдали от родного дома, решил я вернуться в Тулузу, пусть даже и вопреки закону. По дороге назад, на одном постоялом дворе узнал я, что поздней осенью скончался епископ Турбье. Новость эта нимало не огорчила меня, но лишь укрепила в принятом решении. К несчастью, не мог я тотчас возвратиться, ибо принужден был просить подаяние, скитаясь по деревням и стучась в закрытые двери в поисках куска хлеба. Однажды февральским вечером, созерцая в печали равнину у открытых ворот пустой овчарни, где обрел я временное пристанище, увидел

я, как идет мне навстречу высокий худой человек в расшитых золотом одеждах. Похож он был на призрака, посему закрыл я глаза, не желая вновь впадать в грех еретического видения.

Однако принужден я был откликнуться на знакомый грубый голос:

«Жан Тиссеран, — повелел голос, — посмотри на меня, не причиню я тебе зла».

Подчинился я и узрел на пороге своего убежища (да простит меня Господь) стоящего предо мной епископа Турбье.

Едва я не умер от страха, но все же голосом дрожащим спросил:

— Разве не упокоились вы?

Ответил он мне с грустью:

— Упокоился, но нуждаюсь я в твоей помощи.

— Монсеньор, — взмолился я, — пощадите меня, ибо я уже достаточно настрадался по вашей вине.

Тогда умолил он простить его, что я и сделал охотно. Затем пожелал он, чтобы возвратился я в Тулузу и испросил аудиенции у одной знатной дамы, имя коей я назвать не желаю. Должен был я сообщить упомянутой даме, что следует ей отправиться в дом епископа и забрать из его дома, из тайного места, которое описал он мне весьма подробно, некоторую сумму серебром, предназначенную на набожное учение сына, которого прижила она с ним. Не намерен был я выполнять эти поручения. По милости господней не умру я еретиком в сем гостеприимном доме, где подкосил меня недуг».

Здесь заканчивается исповедь Жана Тиссерана. Бедный кюре, выслушавший ее, с умыслом утаил пергамент с признанием умиравшего. Правда, бедным этот служитель Божий по имени Сори оставался недолго. Результаты современных исследований доказывают, что священник не без выгоды для себя выполнил часть поручения, возложенного на Жана Тиссерана. Сори пошел в дом Турбье и забрал из тайника серебро, предназначенное на обучение незаконнорожденного ребенка. Эти деньги позволили ему приобрести сан епископа. Весьма вероятно, что именно благодаря дальновидности — это качество, бесспорно, выделяло Сори из многих — через несколько лет его назначили Великим инквизитором.

Перевод Лизы Дорфман (lisa_1980@list.ru, Lisa_1980@list.ru). Работает в благотворительном фонде. Параллельно семь лет преподавала английский язык в СПбГУ и еще год — в ГИКиТ. Занималась на интернет-курсах в школе художественного перевода «Азарт» <https://pervodasart.ru/>. Перевод занял третье место в номинации «французская проза» (2022)

ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ

Henri Michaux. Année maudite
(Из сборника “Épreuves, exorcismes (1940–1944)”)

Année
année maudite
année collée
année-nausée
année qui en est quatre
qui en est cinq
année qui sera bientôt toute notre vie

Buveuse
taraudeuse
ornée de bernés
Année, la narine au vent
mais rien ne vient
Souffrance
sur ta coque vide!

Anxiété
sur ta coque vide!

Famine
sur ta coque vide!

Année, année, année
que nous ânonnons sans fin
compagnons de la cendre
des débris calcinés
poursuivis de plis
poursuivis de plaies

A quand ton vin?

Singeuse de grandeur
mal balancée
balancée de ci de là
d'ici à là...
Et s'échappera-ton jamais de toi?

Анри Мишо
Година-гадина

Година
година-гадина
година — ей-ей навыворот
година — ей прям вывернуло
година, где год за четыре
год за пять
година — в ней скоро свернётся вся жизнь

Год-пропоец
молотобоец
сразил разинь
Година-по-ветру-ноздрю-держи
но всё миражи, муляжи.

Страданье
в скорлупке лжи!

Тревога
в скорлупке лжи!

Бесхлебье
в скорлупке лжи!

Године, године, године-не-не
угодничаем без конца
наперсники пепла
от хлама, что был в огне
вослед — изжога
вослед — ожоги

А когда, год, плеснёшь винца?

Макак величанья
кривишь-качаешься
вихляешь меж веленьем и чаяньем
от «чаянье» до «вели»...
От тебя увильнём ли?

Перевод Ирины Ачкасовой (achkasovairina@bk.ru). Живет в Ростове-на-Дону. Окончила романо-германское отделение филологического факультета и магистратуру по специальности «международные отношения». Перевод занял первое место в номинации «французская поэзия» (2022)

Анри Мишо
Проклятое время (из сб. «Испытания, заклинания»)

Время
Проклято
Сорвано
Вырвано
Время — год
За пять идет
Время наше — безвременье

В пьяном угаре
Сверлит-буравит
Обведет вокруг пальца
Время — нос по ветру
Ничего нового
Боль-беда — твоя скорлупа!

Тревога-тоска — твоя скорлупа!

Голод-нужда — твоя скорлупа!

Время, время, время
Беспрерывно бормочем
Неразлучные с прахом
Обгорело-обуглилось
В погоню за ним
Шрамы морщины
Сколько еще пропьешь?

Пыжится
Мечется
Оттуда-отсюда
туда-сюда...
Когда же выскользнем из тебя?

Перевод Лизы Дорфман (lisa.1980@list.ru, Lisa.1980@list.ru). Работает в благотворительном фонде. Параллельно семь лет преподавала английский язык в СПбГУ и еще год — в ГИКиТ. Занималась на интернет-курсах в школе художественного перевода «Азарт» <https://perevodasart.ru>. Перевод занял второе место в номинации «французская поэзия» (2022)

Анри Мишо. Год-гад

Год-гад
Год-гад — тюрьма
Год-гад — вина
Год-гад — хула
Год-гад, и их четыре
Их пять уже
Год-гад, а в скором вся наша жизнь

Пройдоха
Пропивоха
приманит-обманет
Год-гад, нос по ветру
Но воз и ныне там
Скорби
На твою шелуху!

Тревога
На твою шелуху!

Голод
На твою шелуху!
Год-гад, год-гад, год-гад
Бормочем мы без конца
Приспешники пепелищ
Обуглившихся руин
Сбегающие от ран
Сбегающие от мин

Когда вино твоё?

Оскалы величия
в агонии
Гонимый отовсюду
Отсюда туда...
Избавимся ль мы наконец от тебя?

Перевод Маргариты Мартикайнен (st.margarita1988@gmail.com). Учится в магистратуре Института иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена. Любит французский язык и французскую поэзию, особенно поэзию XX века. Перевод занял третье место в номинации «французская поэзия» (2022)

ПЕРЕВОДЫ С ИСПАНСКОГО

ИСПАНСКАЯ ПРОЗА

Ramón Gómez de la Serna Prólogo a la edición de 1960 de las *Greguerías* (fragmentos)

Desde 1910 –hace cincuenta años– me dedico a la greguería, que nació aquel día de escepticismo y cansancio en que cogí todos los ingredientes de mi laboratorio, frasco por frasco, y los mezclé, surgiendo de su precipitado, depuración y disolución radical, la greguería. Desde entonces, la greguería es para mí la flor de todo lo que queda, lo que vive, lo que resiste más al descreimiento. La greguería ha sido perseguida, denigrada, y yo he llorado y reído por eso entremezcladamente, porque eso me ha dado pena y me ha hecho gracia. Cuando se publicaron por primera vez en los periódicos, muchos lectores se daban de baja. "¡Cámbielas de nombre", me decía el director; pero yo me negué terminantemente.

Las cosas apelmazadas y trascendentales deben desaparecer, incluso la máxima, dura como una piedra, dura como los antiguos rencores contra la vida.

El encuentro con la greguería fue lo que me trajo la suerte.

Gracias a las *Greguerías* he vivido, he conferenciado, he viajado, he tenido contraseña universal.

En realidad, me dedico a la greguería desde mi niñez, y al ama de cría ya le lanzaba greguerías.

Es lo único que no improviso nunca. Me las concede esa adolescencia de la vida que es pareja de nuestra adolescencia o de nuestra vejez... Tienen que ser lentas y naturales. Son una gota de los siglos que atraviesa mi cráneo.

Se puede improvisar una novela, pero no una greguería.

¿Que por qué se llaman *Greguerías*?

Al encontrar el género me di cuenta de que había que buscar una palabra que no fuese reflexiva ni demasiado usada, para bautizarle bien.

Entonces metí la mano en el gran bombo de las palabras, y al azar, que debe ser el bautizador de los mejores hallazgos, saqué una bola...

Era "greguería", aún en singular; pero yo planté esa bolita y tuve un jardín de greguerías. Me quedé con la palabra por lo eufónica y por los secretos que tiene en su sexo.

Greguería, algarabía, gritería confusa. (En los anteriores diccionarios significaba el griterío de los cerditos cuando van detrás de su mamá.)

Lo que gritan los seres confusamente desde su inconsciencia, lo que gritan las cosas.

Por lo menos no puede haber duda de que he bautizado un género con una palabra que estaba perdida en el diccionario, que no era nombre de nada y que ahora, al ser pronunciada por alguien en un diario, o por un micrófono, hace que resulte aludido yo, que cambié su sentido, que la convertí en lo que no era.

Como fue lo bautizado personalmente, en plenitud de soledad y de independencia, me recuerda con rejuvenecedora fruición aquella tarde de junio en que me di cuenta del género y de su nombre.

La cosa sucedió en el piso primero derecha de la casa número 11 de la calle de la Puebla, en la villa y corte de Madrid.

Era un día aplastado por una tormenta de verano. Tenía hinchada la frente. Me asomaba al balcón y volvía a meterme dentro y a sentarme.

Vivía aún don Jacinto Octavio Picón —secretario perpetuo de la Academia—, y yo estaba harto de don Jacinto Octavio Picón.

Sobre mi mesa, las tijeras, abiertas como cuando los pelícanos abren el pico a los días de calor, estorbaban la idea. Las cerré.

Por fin, en una última llamada del balcón, dándome un golpe contra la esquina del diván al salir a buscar lo que estaba entre cielo y tierra, encontré la invención de la "greguería".

Sí... Yo quería decir, yo había pensado... recordando el Arno en Florencia... frente a aquella pensión en que habité... que... la orilla de allá... Sí, la orilla de allá quería estar a la orilla de acá... Eso, ese deseo inaudito pero real... Esa perturbación de la estabilidad de las orillas, ¿qué era?... Era... "una greguería", y me acordé de "esa" palabra que no sabía bien lo que significaba y fui al diccionario para ver lo que era...

Y ya siempre greguería será una cosa insustituible, de tal modo que si no se llama "greguería", será inútil que luche por ser "greguería", y además, los demás denunciarán al contrabandista y pronunciarán la palabra "greguería". He ahí un fenómeno y un misterio.

Greguerías

El libro es un pájaro con más de cien alas para volar.

Los rosales son poetas que quisieron ser rosales.

Escribir es que le dejen a uno llorar y reír a solas.

Los haikai son telegramas poéticos.

El sillín del piano es el sacacorchos del concierto.

Al inventarse el cine las nubes paradas en las fotografías comenzaron a andar.

El timbalero es el cocinero de la orquesta, y tiene a su cargo dos paellas.

Los violoncelistas siempre están dando azotes a sus violoncelos.

El violín colgado parece un pollo asado.

El acordeón se toca abrochando y desabrochando sus botones de calzoncillo.

El pianista se calienta los pies en los pedales.

Рамон Гомес де ла Серна «Грегери». Предисловие к изданию 1960 года (отрывки)

Я пишу грегери с 1910 года — вот уже пятьдесят лет. Все началось в тот день, когда в приступе скептицизма и переутомления я схватил одну за другой все склянки своей творческой лаборатории и смешал их содержимое. Что-то выпало в осадок, что-то очистилось и совершенно растворилось, и родилась грегери. С тех пор я вижу в ней цветок, венец всего живого, всего,

что остается, что в конце концов берет верх над неверием. Грегерию преследовали и презирали, и это заставляло меня плакать и хохотать одновременно — мне было и горько, и смешно. Когда мои находки были впервые опубликованы в газетах, многие читатели отменили подписку. «Нужно поменять название», — сказал редактор, но я категорически отказался.

Концентрированные, многозначительные вещи должны исчезнуть. Например, афоризм — твердый, как камень, как застарелая обида на саму жизнь.

Встреча с грегерией принесла мне удачу.

Благодаря «Грегериам» я жил, читал лекции, путешествовал. Они стали моим универсальным паролем.

На самом деле я сочиняю грегерию с детства. Еще когда няня подходила к колыбельке, я выкрикивал их ей навстречу.

Это единственный жанр, где я не способен импровизировать. Грегерию возникают из того юного восприятия жизни, которое бывает у нас в отрочестве или в старости... Они должны быть медленными и естественными. Слово многовековая капля времени падает мне на череп.

Роман можно придумать сходу. Грегерию — никогда.

Но откуда это название, «грегерию»?

Открыв жанр, я понял, что должен дать ему подходящее имя, найти такое слово, которое было бы не слишком привычным, но и не слишком глубокомысленным.

Тогда я запустил руку в громадный лотерейный барабан слов и наудачу — а именно так даются названия самым лучшим открытиям — вытащил свой шар...

Мне досталась «грегерию», в единственном числе. Но я посадил этот шарик, и разросся целый сад грегерий. Слово понравилось мне своим звучанием и тайной принадлежности к роду.

Грегерию, абракадабра, непонятный вскрик. (В старых словарях говорится, что так называется визг поросенка, спешащего за своей мамой).

Так кричит в растерянности живое существо еще до того, как в нем проснулось сознание. Так кричат вещи.

По крайней мере, нет сомнений в том, что я нарек свое изобретение именем, затерявшимся в словаре, ничего не обозначающим. И теперь, напечатанное в газете или сказанное в микрофон, это слово так или иначе напоминает обо мне, ведь это я изменил его смысл, сделал его тем, чем оно никогда не было.

Поскольку крещение происходило лично, и нам хватало одиночества и свободы, я с восторгом и удовлетворением, словно возвращающим молодость, вспоминаю тот июньский вечер, когда мне пришли в голову и жанр, и его название.

Это случилось в квартире справа на первом этаже дома номер одиннадцать по улице Калье-де-ла-Пуэбла города Мадрида.

День задыхался под мучительной тяжестью лета. Я бродил туда-сюда с

отекившим лицом, то выбираясь на балкон, то возвращаясь внутрь, чтобы присесть.

Тогда еще был жив дон Хасинто Октавио Пикон, постоянный секретарь Королевской академии испанского языка. Дон Хасинто Октавио Пикон надоел мне до смерти.

Ножницы на столе, раскрытые, как клюв пеликана в жаркие дни, мешали ухватить идею. Я закрыл их.

Наконец, в свою очередную вылазку на балкон, ударившись об угол дивана, когда я снова шел искать что-то меж небом и землей, я и открыл «грегерию».

Да... Я хотел сказать, я подумал тогда... вспоминая вид на Арно во Флоренции... перед домом, где я жил... подумал, что... берег напротив... Да, тот берег хотел бы оказаться на этом берегу... Вот оно, это желание, неслыханное, но реальное... Это внезапное смятение берегов, таких непоколебимых, что это было?.. Это... «грегерия»! Я вспомнил «то самое» слово, не зная точно, что оно означает, и полез в словарь в надежде узнать...

С того самого момента грегерия — вещь единственная в своем роде. Тому, что не есть грегерия, бесполезно пытаться ей стать, причем окружающие, разоблачив самозванку, непременно произнесут слово «грегерия». В этом ее феномен и загадка.

Грегери

Книга — это птица, у которой больше сотни крыльев.

Розы — поэты, которые мечтали стать розами.

Занятие писателя: дайте мне смеяться и плакать в одиночестве.

Хайку — телеграммы в стихах.

Рояльный стул — штопор, которым открывают концерт.

Когда изобрели кино, облака, которые стояли на фотографиях, научились ходить.

Литаврист — оркестровый повар, а перед ним две кастрюли.

Виолончелисты постоянно секут свои виолончели.

Висящая скрипка похожа на жареную курицу.

Как играют на баяне: то расстегивая, то застегивая пуговицы на его штанах.

На педалях пианино музыкант греет ноги.

Перевод Елены Михалиной (helen.mikhalin@gmail.com). Уроженка г. Кириши, живет в Санкт-Петербурге. Изучала английский и немецкий, увлекалась западноевропейской литературой, переводила «для души» стихи и рассказы. Закончила Санкт-Петербургский политехнический университет, где в дополнение к экономическому образованию получила специальность переводчика. Самостоятельно изучает испанский язык с 2013 года. Неоднократный призер и победитель конкурса молодых переводчиков «Sensum de Sensu». Сейчас занимается переводом с английского научно-популярных книг по психологии, преподает волонтером русский как иностранный, играет в интернациональном уличном театре. Перевод занял второе место в номинации «испанская проза» (2022)

Рамон Гомес де ла Серна
Предисловие к изданию «Грегерии» 1960 года (фрагменты)

Пятьдесят лет назад, в 1910 году, я начал писать грегерии. Случилось это в тот день, когда я, изможденный и сомневающийся, сгреб все ингредиенты, какие только были в моей лаборатории, бутылек за бутылком смешал их и вдруг увидел, как рождается грегерия: полностью растворяясь, очищаясь от всего лишнего, собираясь из остатка. С тех пор грегерия символизирует для меня миг расцвета всего, что существует на свете, что живет, что еще противостоит безверию. Грегерию притесняли, очерняли, а я то рыдал, то смеялся, потому что это огорчало и восхищало меня одновременно. Ее первое появление на страницах газеты привело к тому, что читатели стали массово отказываться от подписок. «Придумай этому другое название!» — просил меня редактор, но я решительно отказался.

Должно исчезнуть все тягуче-значительное и плотно-важное, включая и наиважнейшее, твердое как камень, как застарелое недовольство жизнью.

Встреча с грегериями оказалась для меня даром судьбы. Грегерии стали моим пропуском в мир: благодаря им я жил, вел беседы, путешествовал.

В действительности грегерии со мною с детства, и даже в кормилицу я кидался грегериями.

Это единственное, что я никогда не сочиняю. В моем понимании они являют собой отрочество жизни, которое сопровождает наше собственное отрочество или же старость. Они неспешны и неподдельны. Они — частица вечности, чей путь пролегает через мою черепную коробку.

Можно сочинить роман, но не грегерию.

Но почему же именно *грегерии*?

Имея представление об этом жанре, я осознал, что надо бы его окрестить, каким-то малоупотребительным словом, не слишком погружающим в размышления.

Тогда я засунул руку в лотерейный барабан слов и, доверившись случаю — крестному всех лучших открытий, — вытянул шар...

Это было слово *грегери́я*, пока еще только в единственном числе. Я словно посадил один этот шар и обрел целый сад с грегериями. Слово нравилось мне своим благозвучием и таинственностью, потому я решил остановиться на нем.

Грегерия, галиматья, галдеж, неясное тарыхтение, сумбурный говор. Голоса живых существ, бессознательные, еле слышные. Голоса предметов, вещей, явлений.

Не может быть никаких сомнений: новый жанр я окрестил каким-то затерянным в словаре словом, ничего не значащим, но, будучи упомянутым в чьих-то записях или произнесенное через микрофон, оно неизбежно стало напоминать обо мне, ведь я изменил его смысл и превратил в то, чем оно раньше не являлось.

Воспоминания о поисках имени для нового жанра переносят меня в годы молодости, в состояние уединения и свободы, в тот далекий вечер июня.

Дело было в комнате на первом этаже дома номер одиннадцать по улице Пуэбла в Мадриде. Воздух был удушающе-тяжелым после одной из летних гроз. Голова моя распухла до предела. Я высунулся на балкон, но тут же вернулся обратно и сел.

Еще был жив дон Хасинто Октавио Пикон, бессменный секретарь Академии испанского языка, и я, признаюсь, порядком устал от дона Хасинто Октавио Пикона.

На моем столе лежали раскрытые ножницы. Как пеликаны с разинутыми в жаркий день клювами, они не пропускали ни одну идею. Я их закрыл.

Балкон продолжал меня манить: должно же остаться хоть немного воздуха где-то там, между небом и землей. Я предпринял очередную последнюю попытку выйти, ударился об угол дивана и был одарен грегерией.

Да... Я хотел сказать, подумалось мне... вспоминая реку Арно во Флоренции... напротив того пансиона, где я жил... что... тот берег реки... Да, тот берег реки хотел оказаться этим... Это желание, его не слышно, но оно реально... Когда берега меняются местами, что это? Это *грегерия* какая-то... И я полез в словарь посмотреть, есть ли такое слово и что оно означает.

Грегерия всегда будет незаменимой, и если что-то не является ею, то совершенно бессмысленно пытаться ею стать. А еще и остальные донесут на чужака и произнесут слово *грегерия*. В этом и заключается ее феномен и загадка.

Грегерии

Книга — это стокрылая птица.

Розы — это поэты, которые очень хотели стать розами.

Писать — значит обречь себя плакать и смеяться в одиночку.

Хокку — это телеграмма в стихах.

Фортепианный стул — это концертный штопор.

С изобретением кино застывшие на фотографиях облака поплыли.

Литаврист — это оркестровый повар, который колдует над двумя паэлями.

Виолончелисты неустанно хлещут и стегают свои виолончели.

Подвешенная скрипка похожа на жареную курицу.

Чтобы сыграть на аккордеоне, надобно жать на его кнопки, а они совсем как пуговицы кальсон.

Пианист греет ноги о педали своего пианино.

Перевод Натальи Ужеговой (Vnn87@e1.ru). Живет в Екатеринбурге, по специальности экономист. Изучает испанский язык самостоятельно, «для души», и пробует переводить. Пеервод занял второе место в номинации «испанская проза» (2022)

Рамон Гомес де ла Серна Пролог к изданию «Грегерий» 1960 года (выдержки)

В 1910 году — вот уже полвека назад — меня увлекла грегерия, родившаяся в день, полный скептицизма и усталости, когда я достал из своей лаборатории все ингредиенты склянка за склянкой, а затем перемешал; из очищенного и растворенного осадка получилась грегерия. С тех самых пор грегерия стала для меня цветком, растущим из всего, что остается, выживает, изо всех сил сопротивляется неверию. Грегерию травили, топтали, а я одновременно плакал и смеялся, поскольку это меня печалило и веселило. Когда грегерии впервые опубликовали в газете, многие читатели расторгли договор подписки. «Измените название!» — повторял редактор, но я отказался наотрез.

Вещи замысловатые и отвлеченные должны исчезнуть, включая максимы, тяжелые, как камень, тяжелые, как давние обиды на жизнь.

Открытие грегерии стало тем, что принесло мне удачу.

Благодаря грегериям я жил, выступал с докладами, путешествовал, получил универсальную контрамарку.

На самом деле я посвятил себя грегерии с детства; еще свою кормилицу я забрасывал грегериями.

Это единственное, что я никогда не создаю экспромтом. Мне их дарит молодость самой жизни — подруга нашей молодости или нашей старости... Их нельзя вызывать и торопить. Это капли веков, падающие мне на лоб.

Без подготовки можно написать роман, грегерию же — нельзя.

Откуда такое название — грегерия?

Открыв этот жанр, я подумал: чтобы удачно его окрестить, нужно найти слово не чересчур прозрачное и не избитое.

Так я опустил руку в огромный барабан, полный слов, и наугад — пожалуй, так крестить лучше всего — вытащил один шар...

На нем — «грегерия», пока еще в единственном числе; но я посадил в землю этот шарик и вырастил целый сад грегерий. Я остановился на этом слове из-за его благозвучия и загадочности, придаваемой женским родом.

Грегерия: галиматъя, белиберда. (Согласно старым словарям, этим словом означали визг поросят, идущих за своей мамой.)

Это бессознательный крик потерянных существ; крик вещей.

По крайней мере, не приходится сомневаться, что я окрестил жанр словом, которое потерялось в словаре, не служило каким-либо названием, но сегодня, когда его используют в газете или произносят в микрофон, оно намекает на меня — преобразовавшего его значение, изменившего его суть.

Поскольку обряд крещения был совершен мной в полнейшем одиночестве и независимости, я с особым живительным удовольствием вспоминаю тот июньский день, когда осознал сам жанр и дал ему название.

Это произошло на втором этаже в правом крыле дома номер 11 на улице Де ла Пуэбла города Мадрид.

День изнывал под гнетом лета. У меня пухла голова. Я постоянно высовывался на балкон, а затем снова заходил внутрь и садился в кресло.

Тогда еще был жив дон Хасинто Октавио Пикон — бессменный секретарь Академии, и дон Хасинто Октавио Пикон мне порядком надоел.

На столе лежали ножницы, раскрытые, будто клюв пеликана в жаркий день, и мешали думать. Я их защелкнул.

Наконец, когда я в очередной раз направился на балкон в поисках того, что находится между небом и землей, и ударился по пути об угол дивана, меня осенила грегерия.

Да... Мне хотелось сказать, что я уже раньше об этом думал... вспоминая реку Арно во Флоренции... перед пансионом, где я жил... где... тот пляж... Да, тот пляж хотел оказаться здесь... Да, то неслышимое, но настоящее желание... То нарушение устойчивости берегов... Что это было? Это была... «грегерия»; я вспомнил «то самое» слово, но не был уверен в его значении, и пошел за словарем...

Грегерия всегда будет настолько самобытной, что даже если ее начнут называть не грегерией, а как-то еще, ей не нужно будет бороться за то, чтобы стать грегерией; более того, люди разоблачат контрабандиста и произнесут слово «грегерия». В этом ее феномен и загадка.

Грегерии

Книга — птица с более чем сотней крыльев для полета.

Розовые кусты — поэты, которые хотели стать розовыми кустами.

Сочинять — значит быть оставленным наедине, чтобы плакать и смеяться.

Хайкай — это поэтические телеграммы.

Стул для рояля — штопор для концерта.

Когда изобрели кинематограф, облака, застывшие на фотографиях, начали ходить.

Литаврист — повар оркестра, следящий за двумя паэлями.

Виолончелисты всегда хлещут свои виолончели.

Подвешенная скрипка выглядит как жареная курица.

В аккордеон играют, расстегивая и застегивая пуговицы на его подштанниках.

Пианист согревает ноги на педалях.

Перевод Ольги Токаревой (ov-tokareva@mail.ru). Окончила Санкт-Петербургский государственный горный институт имени Г. В. Плеханова (технический университет) и Санкт-Петербургский государственный университет. Кандидат филологических наук. Преполагает английский язык в Санкт-Петербургском горном университете и переводит научные статьи. В студенчестве изучала немецкий и испанский как второй и третий иностранные языки. Перевод занял второе место в номинации «испанская проза» (2022)

ИСПАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Juan Ramón Jiménez.
Anteprimavera

Llueve sobre el río...

El agua estremece
los fragantes juncos
de la orilla verde...
¡Ay, qué ansioso olor
a pétalo frío!

Llueve sobre el río...

Mi barca parece
mi sueño, en un vago
mundo. ¡Orilla verde!
¡Ay, barca sin junco!
¡Ay, corazón frío!

Llueve sobre el río...

De Baladas de primavera, 1910

Хуан Рамон Хименес. Предвесенье

Дождик над рекою...

Капли неустанно
гнут тростник пахучий
к берегам зелёным.
Запах листьев стылых
не даёт покоя.

Дождик над рекою...

О, мой чёлн, в туманном
мире ты летучий
сон из грёз. Зелёный
берег! Чёлн унылый!
Сердце ледяное!

Дождик над рекою...

*Перевод Веры Соломахиной
(Veroniquesvrn@yandex.ru). Окончила
факультет романо-германской филологии
Воронежского государственного
университета, преподаватель
английского языка. Второй язык —
французский. Самостоятельно понемногу
знакомилась с другими языками
(испанским, итальянским, немецким,
чешским, польским). Перевод занял первое
место в номинации «испанская поэзия»
(2022)*

Хуан Рамон Хименес
Предвесеннее

Над рекою дождь...

Струями взъерошен,
Ожил ароматом
Тростниковый берег.
Ай, как тревожен запах
Цветков продрогших!

Хуан Рамон Хименес
Перед весной

Дождь идет над рекою...

И волны колышут
душистые камыши
зеленого берега...
Ах, как пахнет цветок
ледяною тоскою!

Над рекою дождь...

Лодка, путь мой, может,
Мне приснились? Смутный
Мир... Зеленый берег..
Ай! Далёко лодка!
Ай! Сердце, ты живешь?

Над рекою — дождь...

Перевод Елены Михалиной (helen.mikhalin@gmail.com). Уроженка города Кириши Ленинградской области, живет в Санкт-Петербурге. Изучала английский и немецкий, увлекалась западноевропейской литературой, переводила «для души» стихи и рассказы. Закончила Санкт-Петербургский политехнический университет, где в дополнение к экономическому образованию получила специальность переводчика. Самостоятельно изучает испанский язык с 2013 года. Перевод занял первое место в номинации «испанская поэзия» (2022)

Дождь идет над рекою...

Моя лодка похожа
на сон мой в туманном
мире. Зеленый берег!
Ах, без лодки тростник!
В сердце — место покою!

Дождь идет над рекою...

Из сборника *Весенние баллады*, 1910

Перевод Софьи Луговой (sofi.lugovaya@mail.ru). Перевод занял второе место в номинации «испанская поэзия» (2022)

Jorge Luis Borges Un soldado de Urbina

Sospechándose indigno de otra hazaña
como aquella en el mar, este soldado,
a sórdidos oficios resignado,
erraba oscuro por su dura España.

Para borrar o mitigar la saña
de lo real, buscaba lo soñado
y le dieron un mágico pasado
los ciclos de Rolando y de Bretaña.

Contemplaría, hundido el sol, el ancho
campo en que dura un resplandor de cobre;
se creía acabado, solo y pobre,

sin saber de qué música era dueño;
atravesando el fondo de algún sueño,
por él ya andaban don Quijote y Sancho.

Хорхе Луис Борхес
Солдат капитана Урбины

«Я недостойн подвига другого.
Тот день в Лепанто — верх моих деяний!» —
Грустил солдат, в плену мирских заданий
Скитаясь по стране своей суровой.

Постылой повседневности оковы
Желая сбросить, он бежал в мечтанья,
Былых времен волшебные сказанья,
Артуром и Роландом очарован.

Садилось солнце на полях Ла-Манчи.
Он думал, провожая отблеск медный:
«Вот я пропащий, всем чужой и бедный...»

Не замечая песни зарожденья.
К нему через глубины сновиденья
Уже спешили Дон Кихот и Санчо.

*Перевод Елены Михалиной
(helen.mikhalin@gmail.com). Перевод занял первое
место в номинации «испанская поэзия» (2022)
и был выбран для публикации в Полном собрании
поэтических текстов Х. Л. Борхеса «Золото
тигров. Сокровенная роза. История ночи»
(СПб.: Азбука, 2023)*

Х. Л. Борхес.
Солдат Урбины

Заподозрив себя недостойным наград
И негодным для новых на море побед,
Но держа всепокорно свой грязный обет,
По Испании брел неизвестный солдат.

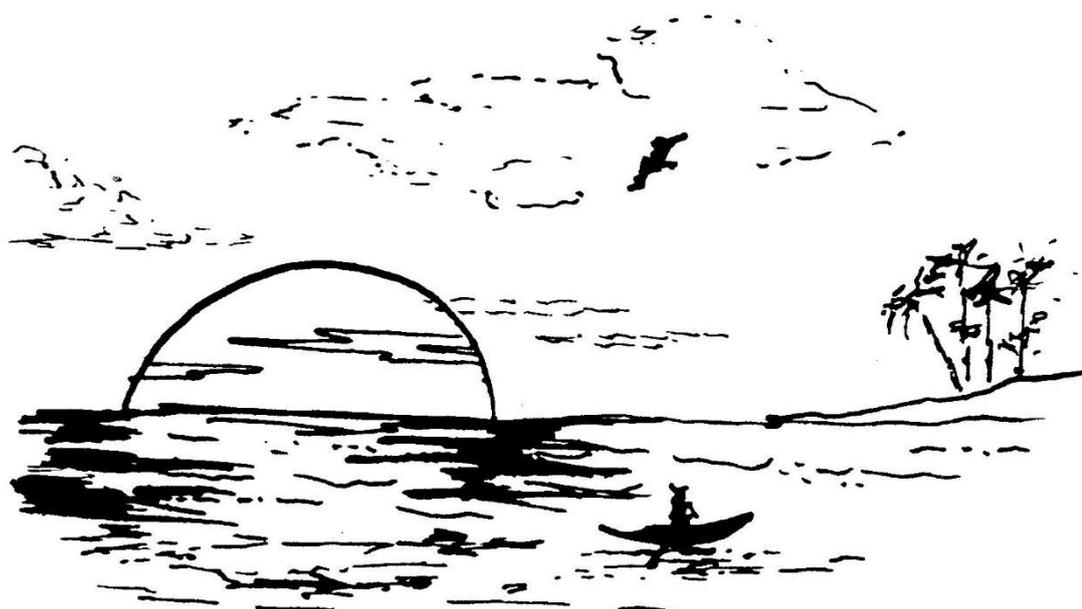
Чтоб не видеть суровой реальности ад,
Он скрывался во снах за завесою лет —
Там Роланд и Артур оставляли свой след,
Создавая сюжет для волшебных баллад.

Созерцая поля, чьих краев не найти,
В предзакатных лучах, разливающих медь,
Одинокий солдат был готов умереть.

Он не ведал, что сам в сердце музыку нес,
Но уже показались на дне его грез
Дон Кихота и Санчо фигуры в пути.

*Перевод Елены Лихачевой
(elihacheva@mail.ru). Экономист, выпускница
Московского государственного
лингвистического университета. Преподает
бизнес-дисциплины на английском языке в
Британском банковско-финансовом колледже
(Москва). Перевод занял второе место в
номинации «испанская поэзия» (2022)*

ПЕРЕВОДЫ С ИТАЛЬЯНСКОГО

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПРОЗА

Pietro Metastasio (1698–1782). Semiramide Riconosciuta (1729)

Drama per musica di Pietro Metastasio, fra gli Arcadi Artino, da rappresentarsi nel carnevale dell'anno 1729 nel teatro detto delle Dame, dedicato alle medesime.

Si vendono nella libreria di Pietro Leone a Pasquino, alla insegna di San Giovanni di Dio.

In Roma, per il Zempel e il de Mey vicino a Monte Giordano, con licenza de' superiori.

Alle dame.

Non v'è di noi chi non conosca che quanto appartiene a questo teatro sia di vostra ragione; onde nel presentarvi la Semiramide riconosciuta non ne pretendiamo il merito d'una nuova offerta. Vogliamo bensì rammentarvi in tal guisa che quando vi degnaste di soffrire che il teatro sudetto si adornasse col vostro nome, vi obbligaste tacitamente a sostenere col vostro favore tutto ciò che in esso doveva in avvenire esser esposto al giudizio del publico, e che dipendendo da voi, siccome lo rendeste il più glorioso, il renderlo ancora il più fortunato, siate in debito di farlo.

Che da voi dipenda non v'è chi ne dubiti, poiché ciascuno conviene che sia d'un peso incomparabile l'approvazione di quelle, le quali in questo forse più che in ogni altro clima favorite dal cielo, hanno giustamente così gran parte fra i pensieri e le cure degli animi più gentili.

Che siate in debito di farlo lo richiedono la sollecita attenzione, con cui ci studiamo di compiacervi, ed il profondo rispetto, col quale ossequiosamente ci protestiamo umilissimi, devotissimi, ossequiosissimi servitori.

Li possessori del teatro

ARGOMENTO

È noto per l'istorie che Semiramide ascalonita, di cui fu creduta madre una ninfa d'un fonte e nudrici le colombe, giunse ad esser consorte di Nino re degli Assiri, che dopo la morte di lui regnò in abito virile facendosi credere il picciolo Nino suo figliuolo, aiutata alla finzione dalla similitudine del volto e dalla strettezza colla quale vivevano non vedute le donne dell'Asia, e che alfine riconosciuta per donna fu confermata nel regno dai sudditi che ne avevano sperimentata la prudenza ed il valore.

L'azione principale del drama è questo riconoscimento di Semiramide, al quale per dare occasione e per togliere nel tempo istesso l'inverisimilitudine della favolosa origine di lei, si finge che fosse figlia di Vessore re di Egitto, che avesse un fratello chiamato Mirteo educato da bambino nella corte di Zoroastro re de' Battriani, che s'invaghisce di Scitalce principe d'una parte dell'Indie, il quale capitò nella corte di Vessore col finto nome d'Idreno, che non avendolo potuto

ottenere in isposo dal padre fuggisse seco, che questi nella notte istessa della fuga la ferisse e gettasse nel Nilo per una violenta gelosia fattagli concepire per tradimento da Sibari suo finto amico, e non creduto rivale, e che indi, sopravvivendo ella a questa sventura, peregrinasse sconosciuta e che poi le avvenisse quanto d'istorico si è accennato di sopra.

Il luogo in cui si rappresenta l'azione è Babilonia, dove concorrono diversi principi pretendenti al matrimonio di Tamiri principessa ereditaria de' Battriani, tributaria di Semiramide creduta Nino.

Il tempo è il giorno destinato da Tamiri alla scelta del suo sposo, quale scelta chiamando in Babilonia il concorso di molti principi stranieri, altri curiosi della pompa, altri desiderosi dell'acquisto, somministra una verisimile occasione di ritrovarsi Semiramide nel luogo istesso e nell'istesso giorno col fratello Mirteo, coll'amante Scitalce e col traditore Sibari, e che da tale incontro nasca la necessità del di lei scoprimento.

PROTESTA

Le parole numi, fato, eccetera non hanno cosa alcuna di comune cogli'interni sentimenti dell'autore che si professa vero cattolico.

MUTAZIONI DI SCENE

Nell'atto primo: I gran portico del palazzo reale corrispondente alle sponde de l'Eufrate; trono da un lato, alla sinistra del quale un sedile più basso, in faccia tre altri sedili; ara nel mezzo col simulacro di Belo deità de' Caldei, gran ponte praticabile con statue, navi sul fiume, vista di tende e soldati su l'altra sponda; II orti pensili.

Nell'atto secondo: III sala regia illuminata in tempo di notte; varie credenze d'intorno con vasi trasparenti, gran mensa imbandita nel mezzo con quattro sedili d'intorno ed una sedia in faccia; IV appartamenti terreni.

Nell'atto terzo: V campagna su la riva dell'Eufrate con navi che poi sono incendiate; mura de' giardini reali da un lato con cancelli di ferro aperti; VI gabinetti reali; VII anfiteatro con cancelli chiusi dai lati, trono da una parte.

Inventore ed ingegnere delle scene il signor Pompeo Aldobrandini.

Inventore de' balli il signor Pietro Gugliantini, virtuoso della serenissima gran principessa di Toscana.

Пьетро Метастазіо (1698-1782). Узнанная Семирамида (1729)

Музыкальная драма¹ Пьетро Метастазіо, Артино среди аркадийцев², для представления в карнавал 1729 года в театре, прозванном Дамским³, посвящается им же.

Продается в книжной лавке Пьетро Леоне в Пасквино⁴, под знаком Святого Иоанна Божьего⁵.

Напечатано в Риме, Дземпель и де Мей возле Монте Джордано, Con Licenza de' Superiori⁶.

К ДАМАМ [Посвящение]

Нет среди нас таких, кто не знал бы, каким вниманием вы одариваете все, что касается этого театра; а посему, представляя вам Узнанную Семирамиду, мы не претендуем на новизну. Скорее мы хотим таким образом напомнить вам, что когда вы сообразовали сносить, чтобы вышеупомянутый театр украшался вашим именем, вы молчаливо обязали себя поддерживать своей милостью все то, что в нем должно быть в будущем представлено на суд публики, и поскольку вы сделали его самым прославленным, то, будучи в вашей власти, долг ваш — сделать его к тому же и самым успешным.

В том, что это в вашей власти, ни у кого нет никаких сомнений, поскольку всякий согласен, что имеет несравненное значение одобрение тех, кто в этом климате благословлен небесами, возможно, более чем в любом другом, и кто по праву занимает такое большое место в мыслях и попечениях самых благородных душ.

А о том же, что вы должны это сделать, просят усердие, с которым мы стараемся угодить вам, и глубочайшее уважение, с которым мы почтительно остаемся вашими смиреннейшими, преданнейшими и покорнейшими слугами.

Владельцы театра

СОДЕРЖАНИЕ

Из преданий известно, что ашкелонская Семирамида⁷, чьей матерью считалась нимфа и которую вскормили голуби, стала супругой Нина⁸, царя ассирийцев, и что по его смерти, переодевшись в мужское платье, стала царствовать, выдавая себя за своего сына, маленького Нина, пользуясь своей с ним схожестью лиц и той скрытостью, с которой жили пряча свои лица женщины в Азии, и которая, в конце концов, была узнана и вновь утверждена на царство своими подданными, кои уже имели возможность убедиться в ее благоразумии и храбрости.

Основным действием драмы и является это признание Семирамиды, и дабы оное выглядело оправданным и в то же самое время, дабы устранить неправдоподобность ее мифического происхождения, мы вообразили, будто бы она дочь египетского царя Везосеса⁹, и что у нее есть брат по имени Миртей, ребенком воспитанный при дворе Зороастра¹⁰, царя Бактрии¹¹, и что она влюбляется в индийского принца Шиталка, который появился при дворе Везосеса под вымышленным именем Гидрен, и что не сумев получить у отца согласие на брак, бежит с ним, в самую же ночь бегства он ранит ее и бросает в Нил терзаемый жестокой ревностью, вызванной в нем предательством Сибария, его ложного друга, в котором он не разглядел соперника, и что засим, переживая подобное несчастье, она странствует будучи неузнанной, и что потом по преданию с ней произойдет то, о чем упоминалось выше.

Место, в котором происходит действие — Вавилон¹², где соперничают несколько принцев, претендуя на руку Тамири¹³, наследной принцессы Бактрии, даннице Семирамиды притворяющейся Нином.

Время действия — день, назначенный Тамири для выбора жениха, и сие событие, произведя стечение в Вавилон как многих иноземных принцев, так и таких, коих привлекли пышные торжества, и просто желающих сделать покупки, предоставляет правдоподобную возможность встречи в том же самом месте и в то же самое время Семирамиды с ее братом Миртеем, с ее возлюбленным Шиталком и предателем Сибарием, и что из такой встречи возникает необходимость ее разоблачения.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Слова «боги», «рок» и прочие не имеют ничего общего с внутренними чувствами автора, который заявляет о себе как о благочестивом католике.

ДЕКОРАЦИИ

В первом акте: I. большой портик царского дворца, стоящего на берегу Евфрата; сбоку находится трон, с левой стороны которого стоит более низкая скамья, напротив еще три скамьи; в центре — жертвенник со статуей халдейского божества Бела¹⁴, большой пешеходный мост со статуями, корабли на реке, вид на палатки и солдат на другом берегу; II. висячие сады.

Во втором акте: III. парадный зал, освещенный в ночное время; вокруг различные подставки с прозрачными сосудами, в центре — большой накрытый стол с четырьмя сидениями вокруг и одним стулом в торце [лицом к зрителям]; IV. нижние помещения.

В третьем акте: V. местность на берегу Евфрата с кораблями, которые затем поджигают; с одной стороны стены царских садов с открытыми железными воротами; VI. царские покои; VII. амфитеатр¹⁵ с закрытыми воротами по бокам, с одной стороны трон.

Создатель и инженер декораций — синьор Помпео Альдобрандини.

Постановщик танцев — синьор Пьетро Гульянтини, виртуоз светлейшей великой принцессы Тосканской¹⁶.

Примечания переводчицы:

¹ Музыкальная драма (*итал.* — *dramma per [la] musica, dramma in musica*) — одно из ранних названий оперы. Появившись на рубеже 16-17 вв. при возникновении оперы, термин «Музыкальная драма» в 19 в. постепенно вышел из употребления.

² Аркадия (*Arcadia*) — по названию области в центральной части Пелопоннеса в Древней Греции, по легенде населенной нимфами и пастухами и ставшей символом идиллической счастливой жизни — литературное объединение (академия, полное наименование *Pontificia Accademia degli Arcadi*), основанное в Риме в 1690 году четырнадцатью поэтами. Цель Аркадии — борьба с «варварством» барочной поэзии и возврат к разумной простоте античной классики как воплощению хорошего вкуса. В соответствии с этим, было выбрано название академии (от пасторального романа Якопо Саннадзаро «Аркадия», 1504), разработаны символика и ритуал посвящения. Члены Аркадии называли себя «пастухами» и носили антикизированные имена. Так, Пьетро Метастазियो среди аркадийцев носил имя Артино Коразियो.

³ Театр Дам, или Дамский (*итал.* — *Teatro Delle Dame*) — театр в Риме, построенный в 1718 году Антонио Д'Алибером для постановок опер-серии и первоначально известный как

театр д'Алибер. В период своего расцвета в 18 в. Teatro делле Даме вместе с соперничавшим с ним Teatro Капраника был ведущей оперной площадкой Рима, на сцене которого прошло множество мировых премьер в исполнении самых выдающихся певцов того времени. В 1725 году театр обанкротился и в 1726 римские власти выставили театр на аукцион, где он был приобретен консорциумом римской знати и переименован в Teatro делле Даме.

⁴ Пасквино — площадь в Риме, которая известна тем, что на ней находится самая «разговорчивая» статуя в Риме: статуя Пасквино, на которой в 16 в. оставляли эпиграммы. Но площадь имела и второе название Площадь книжных лавок (Piazza dei Librai) поскольку именно там располагались лавки торговцев книгами.

⁵ Иоанн Божий — католический святой португальского происхождения, живший в 16 в., основал монашеский орден бонифратров, считается покровителем больных, медицинских работников и госпиталей.

⁶ Con Licenza de' Superiori, [e Privilegio] — данная пометка означала, что книга не противоречит католическому вероучению и получила соответствующее разрешение цензуры.

⁷ Ашкелонская Семирамида — грецизированная форма имени ассирийской царицы Шаммурамат, жившей в 9 в до н.э., происхождение и деятельность которой связаны со множеством мифов и легенд, часть которых дошла до нас в трудах древнегреческих авторов. Согласно некоторым из них, Семирамида родилась близ Ашкелона в Палестине, была дочерью богини-рыбы Деркетто, которая бросила ее при рождении. Девочку вскормили голуби, ворую молоко у соседних пастухов. Когда Семирамида выросла, на ней женился советник царя Нина, Оннес. Семирамида обладала острым умом и в трудных случаях давала мужу спасительные советы. Во время покорения Нином Бактрии Семирамида, став во главе войска, овладела столицей бактрийцев. Нин, пораженный умом, красотой и храбростью Семирамиды влюбился в нее и забрал ее у Оннеса. Став женой Нина, она родила ему сына Нина (Ниния). Когда царь Нин умер, Семирамида унаследовала его престол. Став царицей, она совершила множество завоевательных походов в Мидию, Эфиопию, Индию и др.

⁸ Нин — персонаж древнегреческой мифологии, основатель Вавилонского царства. Нину приписывали изобретение военного искусства и считали его покорителем всей Азии, кроме Индии. По легенде в этом ему помогла хитрость его жены Семирамиды, которая после смерти Нина унаследовала его власть.

⁹ Везосес (*лат.* Vezosis) — фигурирующий в позднеантичной римской историографии мифический египетский царь, воевавший со скифами. Считается, что Везосес — искаженное имя упоминаемого в древних источниках египетского фараона Сесостриса, реальным прототипом которого был фараон Сенусерт III.

¹⁰ Зороастр (Заратустра, Заратуштра) — пророк и реформатор древне-иранской религии, основоположник учения, получившего название зороастризм. Согласно легендам, жил в Бактрии при царе Виштаспу. Метастазιο называет его царем вероятно потому, что по некоторым источникам он был бактрийским царем и противником вавилонского царя Нина.

¹¹ Бактрия (Бактриана) — древняя историко-культурная область в Средней Азии со столицей в городе Бактры. Бактрия располагалась на территории современных Северного Афганистана, Южного Узбекистана, Южного Таджикистана и Юго-Восточной Туркмении.

¹² Вавилон — древний город в Южной Месопотамии, столица Вавилонского царства.

¹³ Тамири (*др.иран.* Tahmirih, *греч.* Томирис) — прообразом данного персонажа, вероятно, является царица скифов-массагетов, жившая в 6 в. до н.э., знаменитая своей отвагой и бесстрашием женщина-воин, одолевшая персов во главе с царем Киrom II Великим. Имя Тамири имеет иранское происхождение, но поскольку те историки, которые впервые писали о ней, были греками, греческая форма ее имени Томирис используется наиболее часто. Скифы совершали постоянные набеги на народы Ирана, Малой и Средней Азии, доходили до Египта, заняли Бактрию и часть Армении. К истории Тамири (Томирис) часто обращались западные писатели, художники и композиторы.

¹⁴ Бел (иначе Бэл) — в религиях Древнего Междуречья обозначение и титул верховного бога. Древнеавилонские цари производили от него свою царскую власть, с его именем было связано наименование столицы вавилонского царства (Бабэл, город Бэла).

¹⁵ Амфитеатр — античная постройка для разнообразных массовых зрелищ (гладиаторских боёв, звериной травли и т. д.), представляющая собой круглый театр без крыши.

Вокруг круглой или овальной арены устраивались полностью или частично окружавшие её ступенеобразно возвышающиеся ряды сидений для зрителей.

¹⁶ Великая принцесса Тосканская — Виоланта Беатриче Баварская (1673–1731) — супруга великого князя Тосканы Фердинандо Медичи, с 1717 до своей кончины в 1731 пребывала в должности губернатора Сиены.

Перевод Юлии Харитоновой (lasicilia@mail.ru). Живет в Санкт-Петербурге. Основное образование — высшее музыкальное, дополнительное — финансовое, работает в банковском секторе. В 2017 году окончила курс «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации (итальянский язык)» в Державинском институте (Санкт-Петербург). Увлекается художественным переводом с итальянского, испанского и английского языков. Лауреат конкурса художественного перевода «Читающий Петербург-2021». Данный перевод занял второе место в номинации «итальянская проза» (2022)

Remo Rapino
VITA, MORTE E MIRACOLI DI BONFIGLIO LIBORIO

2007... 2009

Quando stanno morendo,
gli uomini cantano delle canzoni.
Velimir Chlebnikov

47 poesie facili e una difficile

L'idea buona per rifarmi un poco di coraggio mi venne intorno alla settimana che era Carnevale quando ogni scherzo vale, che poi a me gli scherzi me li facevano pure quando Carnevale non ci azzeccava proprio, ecco mi frullava alla mente che dovevo fare una bella mangiata generale con tutte le cose più buone da mangiare e da bere e pure il dolce alla fine, una cosa grossa fino a schiattare, quello poteva essere un bel saluto che poi tutti se lo ricordavano e così poi dicevano Però mica tanto matto quella cocciamatte di Bonfiglio Liborio, proprio come lo diceva il dottore Mattolini Alvise sempre con quel sorrisetto sulla faccia che un poco pure ti sfastognava il fegato, però lui lo sapeva le cose che si poteva dire e non dire per non fare offesa alla gente. Ci è voluto qualche mesanna abbondante ma alla fine non ci mancava nessuno, a parte Maccarone lo stoffaro che non lo avevo invitato apposta così si imparava a levare la vita agli altri, ma tutti gli altri soggetti della vita mia in totale c'erano tutti dal primo all'ultimo intorno alla tavola, che sopra ci avevo messo la tovaglia della dodda di mamma mia, bella e santa donna, che si chiamava come la mamma di Gesù e forse per questo pure io mi sentivo bastantemente crocifisso in cielo e in terra. Che, tra un dringhete e ndrà, a fare bene i conteggi mi avevo sfrusciato tutti i pochi soldarelli della pensione per fare la spesa e per comprare le cose più meglio e più buone che non volevo mica fare una brutta figura da tirchio, che poi quelli che venivano mi portavano pure tanti regali e regalucci che tra uscite e entrate non ci avevo rimesso tanto tanto, e se no che festa era, che mi c'era pure venuta la sfizia di mettere i

manifesti per tutto il paese mio, ma poi mi sono vergognato, che andava a finire che dovevo fare pure un discorso e allora amen e buonanotte che la lingua ormai s'era incagliata come una corda vecchia e muffita e non si streccicava più manco se ci calava Padre Pio con le mani sbusciate e compagnia bella degli altri santi miracolosi con le mani normali. I matti sono fatti così, vedono un poco strauss il mondo e fanno le cose come vengono e se vengono male che ognuno Dio se lo prega per conto suo e merda per tutti, se no hippo hippo hurrà! E pure i rumori alla testa erano passati, solo il freddo non passava e le spine nel petto e le pietre in tasca, ma poi l'unica cosa che mi faceva struglio era che non potevo dare la mano a nessuno, solo a Boschetto ma quello non aveva manco il braccio, solo gli occhi pieni d'acqua per il troppo che aveva pianto dopo la disgrazia alla fabbrica. E Boschetto fu il primo ad arrivare col vestito della domenica e, guarda la Madonna che dici certe volte manco a farlo apposta, pure con il braccio risanato nuovo nuovo come se la macchina non glielo aveva mai tagliato a metà e io mi ci ero commosso per il troppo piacere che avevo a rivederlo ancora come era Boschetto una volta, e dietro a lui tutti in fila con le tute blu appena lavate e sul cuore scritto Ducati Motori stabilimento di Borgo Panigale, Lenino, Bacunino, Malatesta e Palmiro, che forse era parente alla lontana a Togliatti...

Dodda: dote

Dringhete e drà: tra una cosa e l'altra, di qua e di là

Mesanna: mesate

Sbusciato: bucato

Sfastognare: scocciare, anche ingrossare o affaticare il fegato

Sfizia: idea, desiderio, botta di vita

Streccicare: districare

Struglio: malinconia struggente

Ремо Рапино
ЖИТИЕ БОНФИЛЬО ЛИБОРИО
2007...2009

Когда умирают люди — поют песни.
Велимир Хлебников

Хорошая идея придать себе немного смелости пришла мне в голову в аккурат на карнавальной неделе, когда «каждую минутку хороша любая шутка», тем более, что со мной-то шутки шутили когда никакого карнавала не было и в помине, вот у меня и вертелось в голове, что нужно устроить для всех грандиозную обжираловку, с самой лучшей едой и напитками, и в конце, чтоб уж совсем лопнуть, какое-нибудь большущее пирожное. Это было бы хорошим прощальным жестом, который потом все вспоминали бы и говорили: «А не такой уж он и дурак, этот дурачок Бонфильо Либорио», совсем как любил повторять доктор Маттолини Алвизе, вечно с этой своей

улыбочкой, которая уже в печенках сидела, хотя он-то знал, что можно и что нельзя говорить людям, чтобы их не обидеть. На все про все ушло несколько месяцев с лишком, но в конце концов никого не забыли, кроме стоффаро¹ Маккароне, которого я нарочно не пригласил, будет знать, как красть у других самое дорогое, но все остальные субъекты моей жизни, все, от первого до последнего, были за столом, покрытым сверху скатертью из приданого моей мамочки, красивой и святой женщины, которую звали так же, как и мамочку Иисуса, может еще и поэтому я чувствовал себя как следует распятым, что на небе, что на земле. Ну и то да сё, хорошенько всё подсчитав, пошуршал я своими скромными пенсионными деньжатами чтобы закупить все самое лучшее и самое вкусное, потому что я совсем не хотел выглядеть скупердяем, тем более что и гости надарили мне столько подарков и всяких безделушек, что между приходом и расходом я нисколько не потерял. И не будь это праздник, на меня нашел было бзик развесить извещения о моей смерти по всему городу, но потом мне стало стыдно, и в итоге я решил, что должен просто произнести речь, хотя вот тогда уж точно аминь и большой привет, потому что язык давно заплелся, как старая сгнившая веревка, и не распутался бы, даже если бы сюда спустился сам Падре Пио² с дырявыми руками и прочие святые чудотворцы с обыкновенными руками. Сумасшедшие так устроены, они смотрят на мир немного по-страусиному, и всё в жизни делают как получится, и если получается плохо, то каждый молится Богу лишь сам за себя и плевать на остальных, а если хорошо, ну тогда гип-гип-ура! И всё-таки шумы в голове прошли, только холод в груди не проходил, и тяжесть на сердце, и кошки по-прежнему скребли на душе. Но, в конце концов, единственное, что наводило на меня щемящую тоску, это то, что я никому не мог пожать руку, одному только Боскетто, но у него-то как раз и не было руки, только мокрые от слез глаза из-за несчастья, произошедшего с ним на заводе. И именно Боскетто в выходном костюме явился первым, и, гляди-ка, Мадонна, что ты скажешь, иногда даже нарочно так не сделаешь, с новехонькой рукой, как будто бы машина ему никогда ее и не отрезала. Я был так растроган от удовольствия снова увидеть Боскетто таким, каким он был когда-то, а за ним в ряд и всех остальных в свежестырированных синих комбинезонах с надписью на груди «Дукати Мотори, завод в Борго Панигале», всех: Ленино, Бакунино, Малатеста и Пальмиро, который, возможно, был дальним родственником Тольятти...

---

¹ Стоффаро — в южных диалектах Италии «торговец тканями, аршинник». На воровском жаргоне служит для обозначения воров, специализирующихся на небольших кражах. Таким образом, главный герой, указывая на профессию своего соперника Маккароне, по-видимому, одновременно намекает, что считает того вором, укравшим у него невесту. — *Здесь и далее примечания переводчицы.*

² Падре Пио (1887–1968) — итальянский священник и монах из ордена капуцинов, известный своими пророчествами, чудесами, а также стигматами — ранами на теле в местах расположения ран распятого Христа, особенно на руках, которые кровоточили почти в течение всей его жизни. Канонизирован католической церковью в 2002 году.

Примечания переводчицы:

Ремо Рапино (род.1951) — современный итальянский писатель из г. Ланчано, расположенного в области Абруццо в центральной Италии. Автор шести романов и нескольких сборников рассказов и стихотворений. За книгу «Житие Бонфильо Либорио» в 2020 году был удостоен итальянской литературной премии Кампьялло, а также вошёл в списки финалистов Премии Неаполя и Национальной премии Стрега. В центре повествования — необычный герой, этакий местный дурачок, которого считают за сумасшедшего, но при этом наделенный неожиданной проницательностью и отличающийся смелостью суждений. Он рассказывает о своей жизни через призму истории Италии XX века, начиная с эпохи фашизма, Второй мировой войны, послевоенного периода, 70-80гг., получивших название «свинцовых лет», и захватывая первое десятилетие XXI века. Интересна речь героя, который в спонтанном потоке смешивает классический итальянский язык с диалектом, употребляет жаргонные и исковерканные слова, в результате чего возникает особый «искаленный» язык, который автор использует для дополнительной характеристики личности персонажа и описания его «искаленной» жизни.

Перевод Юлии Харитоновой (lasicilia@mail.ru). Живет в Санкт-Петербурге. Основное образование — высшее музыкальное, дополнительное — финансовое, работает в банковском секторе. В 2017 году окончила курс «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации (итальянский язык)» в Державинском институте (Санкт-Петербург). Увлекается художественным переводом с итальянского, испанского и английского языков. Данный перевод победил в 2021 году в номинации «итальянский язык» конкурса для начинающих переводчиков в рамках ежегодного литературного проекта «Читающий Петербург: выбираем лучшего зарубежного писателя», который организует Отдел литературы на иностранных языках ЦГП Библиотеки им. В. В. Маяковского

ПЕРЕВОДЫ С ВЕНГЕРСКОГО, ИДИША

БЕНГЕРСКАЯ ПОЭЗИЯ

Anna Zilahi. Fata morgana

A figyelem szívós iszamlása a fájdalom
elől játszi kergetőzésnek mutatja magát,
aminek – ne legyenek kétségeink –
része az ön-tetten-érés. A fókuszvesztés
lelepleződése még sosem szolgálta ily szorgalommal
a fókusz elvesztését – ahol minden tükröződő felület
minket ver vissza, a menekülő arcot, a semmit,
egy képet, mely végtére is egy pillanatnyi folyamat
az agyban. Lecsukódik a szem, de a kép nem ereszt.

Legféltebb kincsem a belső visszakozás:
pazarlás, ha nem hallgattatik meg.
Mégis van, aminek egyszerűen nem lehet ellenállni.
A délibábnak, tudod, nincs ott, de belenézel a villódzásba:
a szem receptorainak extravagáns tévedése.
Belenézel abba, ami nincs ott, hogy mégis tetten érd.
Forró aszfalt, tűző nyári nap, az illúziók végül leleplezik saját magukat.
Forró aszfalton megindulni, futni valami felé, ami nem elérhető.
Hazáig futni, nem találni otthont.
A legkiszolgáltatottabb pillanatban kísért meg az, aki nincs ott.
Aki sosem volt ott. Hazatérés, mikor bizonygatnod kell,
jó vagy. Érthetetlen kritériumok alapján
nem felelsz meg. Ez a szabály, nem felelsz meg.
Hazatérés: egyszer meg fogok felelni.
Hazatérés: mondani, amit hallani akarnak.
Hazatérés: feloldódni a megfelelésben.
Hazatérés: sosem érkezni meg.
Elrántom a tekintetem a délibábról, és csak
annyit kívánok görcsbe rándult gyomorral:
lépjek oda magamhoz ott, ahol vagyok.
(*Kalligram 2020. november*)

Анна Зилахи. Фата-моргана

Настойчивое отвлечение внимания
Рисуется игрой в бегство от боли,
Часть которой — пусть не будет сомнений —
Поимка себя.
Разоблачение потери фокуса еще никогда
Не подавалось с таким усердием —

Где каждая зеркальная поверхность отражает нас,
Промелькнувшее лицо, ничего,
Образ, который, в конце концов, мимолетный ход мыслей.
Глаза закрываются, но образ не отпускает.

Мое страшное сокровище — внутреннее убежище:
Расточительство, если не прислушиваться.
Но есть то, чему просто невозможно сопротивляться.
Ты знаешь, фата-морганы там нет, но вглядываешься в мерцание:
Экстравагантное заблуждение глазных рецепторов.
Ты всматриваешься в то, чего нет, чтобы это схватить.
Раскаленный асфальт, палящее летнее солнце,
Иллюзия наконец-то рассеивается.
Двигаться по горячему асфальту, бежать к чему-то недостижимому.
Бежать к дому, его не находя.
В самый уязвимый момент искушает тот, кого нет.
Кого никогда там не было. Возвращение домой — когда ты должен
доказать, что ты хорош. Ты не соответствуешь неясным критериям.
Это правило, ты не подходишь.
Возвращение домой: однажды я смогу угодить.
Возвращение домой: говорить, что хотят слышать.
Возвращение домой: раствориться в угодливости.
Возвращение домой: никогда не приезжать.
Я отвожу взгляд от фата-морганы
И с комом в горле желаю только:
Прийти в себя там, где есть я.

*Перевод Карины Осадчей (osadchaya.karina782@gmail.com), студентки
2 курса переводческого факультета МГЛУ. Перевод занял первое место в
номинации «венгерская поэзия» (2022)*

Анна Зилахи. Фата-моргана

Что поглощает мое внимание, так это боль,
Игра в догонялки с самой собой,
Которая — можно не сомневаться —
Часть становления. Потеря фокуса
Еще никогда не съедала столько напряжения
Ради потери фокуса — когда все отражающие плоскости
Отшвыривают назад, лицо беглянки, самое ничто,
картинка, которая вызывает мгновенный разряд
в мозгу. Глаза закрываются, но образ не отпускает.

Мое самое ценное сокровище — это внутреннее бегство:
напрасно к нему не прислушиваться.

И все же есть что-то, чему невозможно сопротивляться.
Миража нет, и ты это знаешь, но вглядываешься в мерцание:
Удивительная ошибка глазных рецепторов.
Вглядываешься в то, чего нет, просто чтобы схватить его.
Горячий асфальт, палящее летнее солнце, иллюзии наконец развеиваются.
Подорвавшись на горячем асфальте, начинаешь бежать к тому, что
недостижимо.
Бежать в сторону дома, не находя дома.
В момент уязвимости тебя преследует тот, кого нет.
Кого никогда не было. Возвращаясь домой, ты должна доказать,
что достойна. По необъяснимым критериям
ты не подходишь. Таково правило: ты не подходишь.
Вернуться домой: когда-нибудь подойти.
Вернуться домой: сказать то, что они хотят услышать.
Вернуться домой: раствориться в соответствии.
Вернуться домой: никогда не прийти.
Я отвожу взгляд от миража, и остается то,
Чего я хочу до спазмов в желудке:
Позволить себе шагнуть туда, где я — это я.
2020

Перевод Вероники Сурняевой (nika-sura@mail.ru). Поэт, журналист. Редактор образовательных курсов в Яндекс.Практикуме, главный редактор журнала «Тезис». Окончила Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения и магистратуру Европейского университета по культурной антропологии. Изучала английский и немецкий в школе, арабский в университете и несколько языков самостоятельно — французский, испанский, португальский, итальянский и др. В 2021 году заинтересовалась поэтическими переводами. Участник Форума молодых писателей (2014, 2015, 2017, 2019) и Совецания молодых писателей при Союзе писателей Москвы (2014), стипендиат Министерства культуры (2014). Автор книги стихов «Предвкушение и послевкусие» (2008). Стихи публиковались в литературных журналах «Москва», «Сура», «Дети Ра», «Другие», «Кольцо А». Живет в Санкт-Петербурге. Перевод занял второе место в номинации «венгерская поэзия» (2022)

פּוֹעַזְיַא נא יִדִישֶׁ

. איציק מאַנגער. עקדת איציק

וויג מיך, וויג מיך, בלינדער גורל,
איך חלום מיט אָפֿענע אויגן,
און זע – אַ גרויסער זילבערנער פֿויגל
קומט איבערן ים געפֿלויגן.

וואָס טראָגט פֿאַר מיר דער זילבערנער פֿויגל,
איין גאַט אין הימל קען וויסן,
אפֿשר מיין זיידנס קידוש־בעכער
מיט ארץ־ישׂראל־וויין זיסן.

נאָר ווער האָט דערמאָנט מיין זיידנס נאָמען?
אַט שפּאַנט צו מיר דער זיידע,
דער בעל־עגלה פֿון סטאַפּטשעט:
"איציק, ס'איז גרייט די עקדה".

און זיינע אויגן ברענען אויף מיר,
ווי צוויי האַרבסט־שטערן,
זיין גראַע באַרד איז פֿאַרלאַפֿן מיט ווינט
און מיט זיבן גרויסע טרערן.

פֿירט מיך דער זיידע ביי דער האַנט
איבער שטעט און דערפֿער און גריבער –
די שטעט זענען קליין, די דערפֿער גרויס
און מיר שפּרייזן איבער זיי אַריבער.

זאָגט דער זיידע: "איציק, געדענקסט –
צוריק מיט אַזויפֿיל יאָרן –
ווען ס'האָט זיך דער מלאַך צו אונדז אַנטפלעקט
און דו ביסט ניצול געוואָרן?"

איצט האָט ער חרטה, דער אַלטער גאַט,
און ער מאַנט ביי מיר דער קרבן,
כאָטש כ'האַב שוין אַזויפֿיל מאָל געלעבט
און בין שוין אַזויפֿיל מאָל געשטאַרבן.

אַ סוף, אַן עק, איך דאַרף ניט זיין גנאָד
און זאָל ער אין הימל ניט מיינען:
"איציק, ס'איז גוט וואָס דיין מאַמע איז טויט
און זי וועט פֿאַרשפּאַרן צו וויינען".

פֿירט מיך דער זיידע ביי דער האַנט

איבער שטעט און דערפֿער און גריבער —
די שטעט זענען קליין, די דערפֿער גרויס
און מיר שפּרייזן איבער זיי אַריבער.

Ицик Мангер Жертвоприношення Исаака

Заколиш-но мене, о доле сліпа,
Засинаю, і сниться мені,
Як сюди великий сріблястий птах
Через море летить у сні.

Лише Б-г Всевишній відає те,
Що той птах несе на крилі, —
Для кидуша дідівський келих, мабуть,
Із вином Святої Землі?

Як же звали діда мого, хтозна?
Коло мене постав раптово
Мій дідусь, балагула зі Стопчета*:
«Внуче Іцику, ти готовий?»

Його очі — мов дві осінні зорі,
Що блищать у височині.
На вітру має сива його борода,
Сім сльозин великих на ній.

Дід бере мене за руку і веде
Над містечка, села й ями,
Над великі села, містечка малі,
І увесь білий світ під нами.

«Пам'ятаєш, Іцику, а чи ні,
Як тому років вже багато
Б-г послав був ангела, щоб тебе
Від загибелі врятувати?»

А тепер старий передумав Б-г:
Знов чекає від мене жертви,
Хоча стільки разів на землі я жив,
Хоча стільки разів був мертвим.

Ицик Мангер Жертвоприношение Исаака

Убаюкай меня, слепая судьба,
Мне привидится — или приснится,
Как сюда из-за моря на крыльях мчит
Серебристая чудо-птица.

Что она в подарок мне принесёт?
Знает только Господь... Послушай,
Может, там с вином из Святой Земли
Чаша дедова для кидуша?

Позабыл я дедово имя, зато
Вижу, слышу, будто живого, —
Балагулу, возницу из Стопчета*:
«Внучек, всё к заклянью готово».

Его очи, как две осенних звезды,
Ярко в небе высоком блещут.
Семь слезинок крупных в его
бороте — Седина на ветру трепещет.

Дед ведёт меня за руку, а внизу —
Городки, селенья, гробницы...
Так малы городки, сёла так велики!
И под нами весь мир теснится.

«Помнишь, Ицик, когда-то, давным-
давно
(Счёт столетьям уже потерян)
Вдруг явился ангел, и спас тебя,
И удар отвернул смертельный?»

Снова Господу жертва нужна от нас...
Ишь, неймётся старому Богу:
Но на свет я рождался по многу раз
Умирал я тоже по многу.

Це кінець! І хай думає Він що хоч,
Мені ласка Його ні до чого.
Добре, мама твоя померла давно –
Побивалась би з жалю небога...»

Дід бере мене за руку і веде
Над містечка, села й ями,
Над великі села, містечка малі,
І увесь білий світ під нами.

* Стопчет (Стопчатів) — назва й нині існуючого села в Галичині, де мешкав дід поета.

Хватит, мне ни к чему Его благодать.
Загордился Он, не иначе!
Хорошо, в могиле давно твоя мать —
Тут не надо лишнего плача».

Дед ведёт меня за руку, а внизу —
Городки, селенья, гробницы...
Так малы городки, сёла так велики!
И под нами весь мир теснится.

* Стопчет (Стопчатов) — название и поныне существующего села в Галиции, где жил дед поэта.

*Переводы Ольги Матвиенко
(matvizar@gmail.com), доцента кафедры
зарубежной литературы Донецкого
национального университета. Данный
перевод занял первое место в номинации
«поэзия на идише» (2022)*

ווילנע, מיין ווילנע

איך וויל אייך דערציילן וועגן אונדזער היימשטאָט ווילנע. איך וויל אייך דערציילן פֿאַר וואָס אַ ווילנער איז אַזוי פֿאַרליבט אין דער שטאָט, וווּ ער איז געבוירן געוואָרן, געלאָפֿן אַ באַרוועסער איבער דעם זאַמדיקן טיך־ברעג און פֿאַרוכט דעם ערשטן, יוגנטלעכן קוש, וואָס זײַן זיסקייט האָט געהאַט דעם טעם פֿון זוניקן האַניק.

דער טיך ווילנע האָט אַרומגענומען די שטאָט ווי אַ זילבערנער גאַרטל, און מיר האָבן געשפיגלט אונדזערע יונגע פֿנימער אין אירע וואַסערן. מיר האָבן געוואָלט דערקענען זיך אַליין, ווער זענען מיר און וואָהין דאַרפֿן מיר ווענדן אונדזערע חלומות. ווי אַזוי זאָלן מיר שטילן אונדזער בענקשאַפֿט. די בענקשאַפֿט נאָך וואָס? נאָך אַלץ, וואָס אַ יונג האַרץ האָט געקלאַפֿט. די שטאָט האָט אונדז געגעבן אַלע מעגלעכקייטן צו חלומען ברייטע חלומות אין אירע שמאַלע געסלעך. נאָך גוט, וואָס ווילנע איז אַרומגערינגלט מיט וואַלד, האָבן מיר דאַרטן אינעם שאַטן פֿון די סאַסנע־ביימער געקאַנט קילן אונדזער צעהיצטע פֿאַנטאַזיע, וואָס האָט געמאַלן אַ בעסערע, אַ שענערע וועלט. אין יאָרן אַרום האָבן ייִדישע פֿאַרטיזאַנער געזוכט אַ שוץ צווישן די דאָזיקע ביימער קעגן דער וועלט פֿון רוצחים, וועלכע האָבן אַפֿילו קיין קינדער ניט געשאַנעוועט.

ווילנע איז געווען זייער אַן אַרעמע שטאָט, אָבער מען איז אַרומגעגאַנגען איבער אירע גאַסן מיט אויפֿגעהויבענע קעפֿ. מען האָט קוים פֿאַרדינט אויפֿן שטיקל ברויט, אָבער מען האָט געשפֿאַנט איבער דער שטאָט מיט אַפענע פֿנימער, ניט קיין דערשלאַגענע, אַ גוט־צוגעשניטענע מחשבה, אַ דערהויבן וואָרט, אַ באַלערנדיקער זאַץ, איז געווען וויכטיקער ווי אַ זאַטער מאַלצײַט.

לאַמיר דערמאָנען דעם שניפישקער שניידער, בניאָמקע. מען האָט אים גערופן בניאָמקע דער פּילאָזאָף. ער האָט צווישן איין שטאָך און דעם צווייטן געשאַטן מיט אמתן, וואָס האָבן געקאָנט גילטן פאַר אַרעם און רייך.

לאַמיר דערציילן וועגן דעם לערער גערשטיין, וועלכער פלעגט פריידיקן אין קלאַס פאַר זינע תלמידים:

— קינדער, פאַרלאַטעטע שייך זענען ניט קיין בושה, אויב זיי זענען גוט אָפגעפּוצט. טראָגט די שייך מיט שטאַלץ! דאָס איז אייער פאַרמע, ווי ביים אָפיציר די עפּאַלעטן!

אָדער דער לערער אַנזיקאָוו פון דער שול "תורת אמת", וואָס האָט אויפגעזאַמלט אַלע גאַסן-קינדער, אַלע פאַרוואַרלאַזטע יתומים אָן אַ היים, און זיי אַוועקגעזעצט אויף דער שולבאַנק. דערנאָך איז איין תלמיד געוואָרן אַ דראַזשקאַזש, דער צווייטער האָט געשלעפט פעק אויפן וואַקזאַל, און נאָך איינער, טעווקע די לאַנגע האַנט, וועלכער האָט געמוזט אָפּזיצן אַ פאַר יאָר אין תפיסה, ווייל ער האָט געזינדיקט מיט אַ פּרעמדן זאַק סחורה, האָט געשריבן, טאַקע פון תפיסה, אַ דאַנקבריוו צום לערער אַנזיקאָוו פאַר אויסלערנען אים שרייבן. טעווקע האָט איבערגעגעבן דעם לערער די פריידיקע ידיעה, אַז ער שרייבט בריוו פאַר אַלע אַרעסטאַנטן און מען טראָגט אים עסן פון אַלע זינטן, אים פעלט ניט קיין פּויגלמילך...

ווייל ווילנע, בלויו ווילנע, האָט פאַרמאָגט אַזעלכע לערערס. זיי האָבן דערצויגן קינדער, וואָס מען האָט געקענט זיי בלויו לויט זייערע צונעמענישן, ווי מאַטקע די קיבעלע, הירשקע דער טאַמבאַק, זאַמקע דער שפיגעלע, מאיר די ציג, און נאָך און נאָך, פאַר וועמען די גאַס איז געווען זייער היים.

לאַמיר דערמאָנען די באַבעסניצעס, וואָס האָבן פאַרזאָרגט די שטאַט מיט הייסע צוקער-באַבעס. זיי האָבן געהאַט זייער אייגענעם אויסרוף:

– יידן! באָבעס פאַרן קיסר צו שטעלן!
 שאַראַבאַן דער גראַף, דער חשובסטער בעטלער אין שטאָט,
 האָט אַלעמען געוואָרנט:
 – ווייניקער ווי צען גראַשן נעם איך ניט!
 סאַרעלע די קולעהניקע, אויך אַ בעטלערקע מיט אַן אייגענעם
 ייִחוס, האָט גערופן:
 – יידן, גיט אַ פאַר גראַשן! גאָט זאָל אַיך געבן אַ ליכטע
 קרענק און אַ גוטן דאָקטער...
 ...און דער בעטלער ראַספוטין מיט זײַנע זיבן ווייבער, די
 העלפערקעס, וועמען ער פלעגט אויסשטעלן אויף אַלע ראַגן,
 זענען געווען שלעכטע אַקטיאָרן?
 די אַלע זענען ניט געווען קיין סתם בעטלער, הייזער־גייער.
 דאָס זענען געווען מענטשן מיט פאַרב, מיט קאַליר.
 לאַמיר דערמאָנען גראַלקען, דעם משוגענעם חזן. ער פלעגט
 ווינטער אַרײַנזינגען זײַנע ניגונים אין אַ טשײַניק, פּדי זיי זאָלן זיך
 דאָרטן אויפהיטן אַנגעפראַרענע ביז פּסח, און פּרילינג זאָלן זיי
 אַרויספליען ווי די שוואַלבן צו דער צעבליטער וועלט.
 פּרענציק דער שוסטער האָט זיך פאַרנומען מאַכן שענער
 מיאוסע חיות. ער האָט בײַ זיך אין הייפל אויף קליין־סטעפּן־גאַס
 אויפגעבויט אַ זאָלאַגישן גאַרטן, וווּ ער האָט געהאָדעוועט
 פאַרשיידענע פאַרזעענישן מיט קרייטעכצער און גראַזן, פּדי צו
 ענדערן זייערע צורות צום גוטן. ביז אַלע חיות האָבן געמאַכט אַ
 שטרייך און אַנטלאָפּן אין וואַלד אַרײַן אָפעסן אַ פליישיקן מיטאַג.
 לאַמיר ניט פאַרגעסן באַברושקען דעם סטאַליער, וועמען מען
 האָט גערופן אין ווילנע דער סטראַדיוואַרי פון גלעזער־גאַס. יענער
 האָט זיך אַרײַנגענומען אַ מעלאַנקאָליע אין קאַפּ צו בויען פּידלען
 ווי דער איטאַליענישער מײַסטער.
 באַברושקע האָט געטענהט, אַז האַלץ איז פאַראַן אין ווילנע
 איבערגענוג. סטרונעס קויפט מען פאַרטיקע. אַ סמיטשיק נעמט

מען פון א פערדישן עק. פערד אין ווילנע פעלן אויך ניט, איז אָט
האָט איר אַ פאַרטיקע זאָך.

משה ענגלשטערן האָט זיך דערטראַכט צו אַ נײַער
מעדיצינישער טעאָריע ווי צו היילן אַ קאַטאַר. ער האָט
אײַנגערעדט דעם שטאַט־משוגענעם איסערסאָן, אַז ער קאָן אים
אויסהיילן פון זײַן פאַרקילונג דורך אַפּטובלען אים אין דער ווילנע
בעת אַ ברענענדיקן פּראָסט. ענגלשטערן האָט אויסגעהאַקט אַ לאַך
אינעם אײַז און איסערסאָן איז דאָרט אַרײַנגעקראַכן. אַרויסגענומען
דעם פּאַציענט האָט מען זייער אַ האַרטן. מען האָט איסערסאָנען
געבראַכט אין ייִדישן שפיטאַל. האָט דאָקטער זאַרצין געזאָגט, אַז
צו דעם חולה דאָרף ער האָבן אַ זעג, אַנדערש קאָן ער ניט
צוקומען צו אים...

די אַלע שגעונות האָבן געקאָנט געבוירן ווערן בלויז אין
ווילנע. די גאַנצע שטאַט איז דורכגעזאַפט געווען מיט
יוצא־דופּנדיקע אידעען. דאָס זאָגט ניט, אָבער, אַז ווילנע איז
געווען איין פאַרביקער יריד פון קוריאָן. אין ווילנע האָבן
געלעבט פּערזענלעכקײַטן, וועלכע האָבן געלייגט אַ חותם אויפן
גאַנצן ייִדישן לעבן. ווערדיקע געשטאַלטן, וועלכע האָבן געגעבן אַ
וועג די ייִדישע מאַסן און וועמענס וואָגיק וואָרט האָט אַ סך
באַטייט אין דער שטאַט. לאַמיר דערמאָנען דעם ראַבינער
רובינשטיין, דעם שטאַט־מגיד רבי חיים־עוזר גראָדזענסקי, די
פּאַלקס־דאָקטוירים דאָקטער יעקב וויגאָדסקי און דאָקטער צמח
שאַבאַד. דאָקטער וויגאָדסקי איז געווען אַ ראַטמאַן אין ווילנע
שטאַטראַט און געקעמפט, מען זאָל די ייִדישע
הינער־פאַרקויפּערינס ניט אַראַפּטרייבן פון האַלץ־מאַרק, וואָס אויף
זאָוואַלנע גאַס. איז נאָך ווייניק, האָט ער ווי אַן אַקושער־דאָקטער
פון באַרוף אַפּגענומען אַלע קינדער בײַ די אַרעמע ווייבער, אַן
האַנאַראַר. אַנשטאַט זײַן לויף פלעגן זיי ברענגען אַ הינערשע
דרייבע, אַ צענדליק אייער, אַ מאָל אַ פאַר קעלבערנע פּיסלעך

אויף פעטשאַ. דאָקטער וויגאָדסקי פלעגט אָפּדאַנקען מיט אַ
שמיכל פאַר דעם גאָב און דערנאָך דאָס צוטיילן זינע
פאַציענטינס, זיי זאָלן האָבן וואָס אַרײַנצולייגן אין טעפל.
איז וואָס איז דער ווונדער, אַז ווען איך בין געלאָפּן אַ
באַרוועסער איבער גאַנץ ייִדישע גאַס און געיאָגט פאַר זיך אַ ראָד
פון אַן אַלטער ניי־מאַשין, האָב איך אַינגעזאָפּט אין זיך דאָס
ווילנער געווירץ, דעם פילפאַרביקן, דעם באַזונדערן, מיט זײַן
אייגן־מיניקן קלאַנג – דאָס לשון ייִדיש. ווייל ייִדיש איז געווען ניט
בלויז אונדזער מאַמע־לשון, נאָר אויך אונדזער נשמה־לשון. ייִדיש
האָבן אין אונדז אַינגעפלאַנצט די לערערס גערשטיין און משה
קולבאַק און מאַקס עריק. דאָס וואַרעמע ייִדישע פידעלע, וואָס
האַט געשפילט מיט אַלע קאָליריקע קלאַנגען פון טרעגער־רייד און
באַווירצלטע קללות, וואָס האָבן געלייגט אַ שמיכל אויף די ליפּן.
פאַעטן און מוזיקער האָבן פאַרהערלעכט ווילנעס שיינקייט.
יעדער פון זיי האָט אַרײַנגעקנאַטן אין די שאַפונגען שטיקער חן
פון ווילנע. איז וואָס קאָן מען נאָך צוגעבן? שילדערן די שטאַט
אין זון־אויפגאַנג און זון־פאַרגאַנג? איז בלויז געבליבן צו
דערציילן וועגן ווילנע אין איר אונטערגאַנג. ווילנע, די ייִדישע
פעסטונג, איז אַינגעבראַכן געוואָרן.
פרעגט זיך טאַקע – וואָס וועלן אונדז געבן זכרונות וועגן אַ
וועלט, וואָס האָט פאַרלוירן איר קיום? וועגן אַ מאַכט, וואָס האָט
אומגעבראַכט אונדזערע נאַענסטע? אפילו די שיינקייט פון ווילנע
איז דאָך דורכגעווייקט מיט אונדזער בלוט!
די דערמאָנונג, אָבער, וועגן ווילנע דערוואַרעמט אונדזער
געמיט. מיר קילן אין די זכרונות די אָפענע ווונד, וואָס דער חורבן
האַט איבערגעלאָזט אויף אייביק.
די צײַט האָט צעטראָטן אונדזערע פריידן. יעדער ווילנער
טראָגט אין זיך זײַן אומעט. די דערמאָנונג איז געוואָרן אונדזער
איינציקע טרייסט. מיר קאַנען אַנוואַרעמען דאָס געמיט בלויז מיט

זכרונות, וואָס דינען אונדז ווי דער איינציקער דענקמאָל פאַר דעם
ווילנער פייסאַזש, דער עיקר, פאַר דעם יידיש-גערעדטן פייסאַזש.
צו דאָקטער וויגאָדסקי איז אַ מאָל געקומען אַ פרוי און
געפרוּווט אויסלייגן אַלע אירע צרות אויף אַ שלעכטן פויליש. זי
האַט געוואָלט זיין אינטעליגענט. האָט איר דער דאָקטער געהייסן
רעדן יידיש, ווייל עס שטייט די סכנה, אַז נאָך אים וועט זי דאַרפן
גיין צו אַ צאָן-דאָקטער...

די פרוי האָט געפאָלגט דאָקטער וויגאָדסקין און
איבערגעגאַנגען אויף מאַמע-לשון:

— דאָקטער, אַ געזונט אויף אייער קאַפּ. מען זאָל איך ניט
דאַרפן. איך לייד, ניט פאַר איך געדאַכט, אויף קאַפּווייטיק. אויסער
דעם דרייט מיר אין בויך, עס זשומעט מיר אין די אויערן. עס
ברעכן מיר די קניען, עס שווינדלט מיר פאַר די אויגן, עס שטעכט
מיר אין די זיטן, איך פאַל פון די פיס, עס טריקנט מיר די צונג,
און איך אַליין פיל מיך אויך ניט אַזוי גוט...

האַט איר דאָקטער וויגאָדסקי דערמוטיקט:

— איר זעט, מיין ליבע קראַנקע, ווי שיין מען קאָן קרענקען
אויף יידיש? ס'איז דאָך אַ פאַרגעניגן צו הערן...

ווייל דאָס רעדן יידיש איז אין ווילנע געווען אַזוי נאַטירלעך
ווי טרינקען וואַסער. דאָס יידיש-לשון האָט געהאַט אויף די
ווילנער גאַסן אַזאַ פישוף, אַז אַפילו ניט-ייִדן האָבן זיך געהאַט
אַנגעשטעקט מיט זיין קלאַנג. די הויזוועכטער, למשל, האָבן זיך
געקריגט מיט די יידישע שכנים אויף מאַמע-לשון.

מיר האָבן געלעבט אין ווילנע אַ פול-בלוטיק יידיש לעבן. אין
דרוק פון אַלע זיטן, אין דער אַרעמקייט, זענען מיר געווען
שעפּעריש און שפרודלדיק מיט אויפטוען פאַר דעם יידישן היינט
און המשך.

מיר האָבן ניט געוואוסט, אַז ס'וועט קומען אַ טאָג און מיר
וועלן צעשלידערט ווערן איבער גאַר דער וועלט, יחידים פון

משפחות, פאָריתומטע, און פון גאַנץ ווילנע וועט איבערבלייבן
בלויז די דערמאָנונג. ווען מיר זענען געשווומען איבער די
וואַסערן פון דער ווילנע, ווען אונדזערע חלומות האָבן זיך
אַנגעשלאָגן אין יעדן בוים פון די ווילנער וועלדער, האָבן מיר ניט
געוואָסט, אַז דאָס אַלץ וועט אַמאָל ניט דינען אונדזער פרייד, נאָר
אונדזער טרויער.

וואָס איז געבליבן פון ווילנע? זכרונות. אָט די זכרונות בינדן
אַלע ווילנער מיט אַן אומזעיקן פאָדעם, וואָס איז שטאַרקער ווי די
גרעבסטע קאַנאַטן. עס בינדט אונדז אַלע איין בענקשאַפט, וועלכע
וועט קיין מאָל ניט פאַרלאָשן ווערן. די בענקשאַפט נאָך ווילנע,
ווילנע אונדזער היימשטאָט.

Вильна, моя Вильна

Я хочу рассказать вам о нашем родном городе, о Вильне. Я хочу рассказать вам, почему его жители так любят город, в котором появились на свет, бегали босиком по песчаному берегу реки и испытали сладость первого поцелуя, вкус которого напоминал солнечный мёд.

Река Вилия опоясала этот город серебряным кушаком, и в ее водах мы видели отражения наших юных лиц. Нам хотелось понять, кто мы, куда нас приведут наши мечты и как нам справиться с тоской. Тоской по всему тому, что заставляло юное сердце биться чаще. Маленький город дарил нам большие мечты. А окружавший Вильну лес тенью своих сосен остужал пыл наших разгоревшихся фантазий о прекрасном будущем. Годы спустя тот лес стал защитой для еврейских партизан от фашистов, которые не пощадили ни одного ребенка.

Вильна была очень бедным городом, но его жители всегда ходили с высоко поднятой головой. Они едва могли заработать себе на кусок хлеба, но, несмотря ни на что, никогда не падали духом. Любая мудрая мысль была важнее сытной еды.

Вспомним Бинёмке, портного из Шнипишка¹. Все звали его Бинёмке-философ. Он делился своими мудростями с каждым — и богачом, и бедняком.

Расскажем об учителе Герштейне², который подолгу поучал своих учеников в классе: «Дети, залатанные башмаки — это не позор, если только они начищены. Носите их с гордостью! Они для вас, что эполеты — для офицера!».

¹ Шнипишкес (Шнипишек) — в настоящее время район Вильнюса, в прошлом бедное предместье. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Яков Герштейн (1882–1942) — преподаватель ряда еврейских школ и Учительской семинарии, в том числе преподавал музыку, руководил хором.

Или вспомним учителя Айзикова¹ из школы «Тойрас эмэс»², который собрал в одном классе и усадил за парты детей и сирот со всех улиц. Один стал извозчиком, другой — носильщиком на вокзале, а третий, которого звали длиннорукий Тевке, попал на два года в тюрьму за то, что украл мешок с чужим товаром. Уже сидя в камере, он отправлял учителю Айзикову письма с благодарностью за то, что научил его писать. Тевке сообщил добрую весть: он пишет письма для всех заключенных, и ему за это тащат еду со всех сторон, разве что птичьего молока не хватает...

Такие учителя были только в Вильне. А их учениками были те, кого люди знали по прозвищам — например, Мотке-коржик, Гиршке-труба, Зямке-зеркало, Меер-коза и многие-многие другие, для кого улица была дом родной.

Вспомним торговков, которые кормили город горячими сладкими бобами. Они зазывали словами: «Люди добрые, покупайте бобы! Их хоть на царский стол подавай!».

Граф Шарабан, самый известный нищий в городе, уверял каждого: «Меньше десяти грошей я не беру!».

Сореле-крикунья, тоже нищенка особого рода, восклицала: «Люди добрые, подайте грошей! Дай вам Бог лёгкую болезнь и хорошего доктора...».

А разве нищий по кличке Распутин и его семь жен-помощниц, которых он расставлял на каждом углу, были плохими актерами?

Все они были не просто нищими, попрошайками. У каждого из них была своя особенность, своя изюминка.

Вспомним сумасшедшего кантора Гдолке. Зимой он обычно пел свои песни через чайник, чтобы они не мерзли до Песаха, а весной, словно ласточки, вылетали в расцветающий мир.

Сапожник Пренцик занимался разведением животных. Во дворе Малой Стефановской улицы он обустроил зоопарк, где кормил их корешками и травками, пытаясь изменить. Но животные убегали в лес.

Не забудем про столяра Бобрушке, которого в Вильне называли Страдивари со Стекольной улицы. Он изводил себя «меланхолией», потому что хотел сделать такую же скрипку, как известный итальянский мастер. Бобрушке утверждал, что в Вильне древесины предостаточно. Струны покупают готовыми, а смычок делают из конского хвоста, ведь лошадей в Вильне тоже хватает. Так что — готово дело.

Мойше Энгельштерн додумался до новой медицинской теории лечения катара. Он уговорил Исерсона, городского сумасшедшего, что сможет вылечить его от простуды, окунув в воды Вилии в сильный мороз. Энгельштерн сделал во льду прорубь, куда и окунулся Исерсон. Обратного пациента вынимали уже обмороженным. Его отправили в Еврейскую

---

¹ Шмуэль Айзиков, педагог, последний директор виленской школы «Тойрас Эмес».

² «Истинная Тора» — система религиозных начальных школ для бедных детей и сирот, созданная в 1907 г. В таких школах учили также грамоте и ремеслу. В виленской «Тойрас Эмес» обучалось до 250 детей. Она просуществовала до 1940 г.

больницу¹. Доктор Зарцин сказал, что для такого пациента нужна пила, иначе к нему невозможно подобраться.

Все безумцы появлялись на свет именно в Вильне. Странными идеями был пропитан весь город. Но это не значит, что Вильна была лишь «ярмаркой безумия». Были и те, кто оставил свой след в еврейской жизни города, кто открыл дорогу всем евреям Вильны и чьё веское слово имело значение. Вспомним раввина Рубинштейна², городского проповедника Раби Хаим-Ойзера Гродзенского³, народного доктора Якова Выгодского⁴ и доктора Цемаха Шабада⁵.

Доктор Выгодский был гласным в городском совете Вильны и выступал против того, чтобы торговки птицей прогоняли с Дровяного рынка на Завальной улице. Стоит добавить, что, будучи по профессии акушером, он бесплатно принимал роды у всех бедных женщин. Вместо оплаты они ему обычно приносили куриные потроха, десяток яиц и пару телячьих ног для холодца. Доктор Выгодский всегда с улыбкой благодарил за подношения, а потом раздавал все своим пациентам, чтобы им было что приготовить.

Удивительно то, что пока я бегал босиком по еврейским улицам и катил перед собой колесо от старой швейной машинки, я впитывал в себя аромат еврейского языка Вильны, многоцветного, со своим особенным звучанием. Идиш был для нас не только материнским языком⁶, но и языком души. Идиш возвращали в нас учитель Герштейн, Мойше Кульбак⁷ и Макс Эрик⁸. Идиш — словно душевная еврейская скрипочка, звучащая всеми пестрыми звуками ярмарки, всеми острыми словечками, вызывающими улыбку на лице. Красоту Вильны прославили поэты и музыканты. Каждый из них отразил в своем творчестве очарование Вильны. Что еще можно сказать? Изобразить ли город на рассвете или на закате? Нам остается лишь рассказать об упадке Вильны. Вильна, еврейская крепость, была повержена.

---

¹ Одно из крупнейших лечебных учреждений Вильны. Существовала с XVIII в. Была рассчитана преимущественно на бедных. Евреи составляли около половины ее пациентов.

² Ицхок Рубинштейн (1880–1946) — последний городской раввин Вильны. Карпинович называет его термином «рабинер», что указывает на то, что раввин Рубинштейн принадлежал к либеральному направлению иудаизма. Вместе с Яковом Выгодским был депутатом польского Сейма.

³ Хаим-Ойзер Гродзенский (1863–1940) — главный духовный раввин Вильны, один из лидеров ортодоксального движения в Восточной Европе в межвоенный период.

⁴ Яков Выгодский (1857–1941) — врач, еврейский общественный деятель, писатель. Прототип главного героя автобиографической книги «Дорога уходит в даль», написанной его дочкой А. Я. Бруштейн. Один из лидеров еврейской общины Вильны.

⁵ Цемах Шабад (1864–1935) — врач, прославившейся, в том числе, своей широкой помощью бедным.

⁶ «Маме-лошн» («Материнский язык») — стандартное наименование идиша. Здесь игра слов: автор хочет сказать, что в Вильне, в отличие от многих других городов, идиш был не только языком семьи, но и языком высокой культуры.

⁷ Мойше Кульбак (1896–1937) — выдающийся еврейский поэт и прозаик. Писал на идише. В 1919–1920 и 1923–1928 гг. жил в Вильне. Преподавал в ряде еврейских школ и гимназий. Автор поэмы «Город», посвященной Вильне.

⁸ Макс Эрик (настоящее имя Залман Меркин; 1898–1937) — выдающийся литературный критик и литературовед, исследователь средневековой еврейской литературы. Писал на идише. В 1922–1926 гг. преподавал литературу в еврейских гимназиях Вильны.

Зададимся вопросом: зачем мы хотим сохранить память о мире, прекратившем свое существование и о силе, которая погубила наших близких? Даже красота Вильны оказалась пропитана нашей кровью.

Тем не менее, воспоминания о Вильне согревают душу. Они исцеляют наши раны от Разрушения¹.

Время не оставило и следа от наших радостей. Каждый житель Вильны несёт в себе печаль. Нашим единственным утешением являются воспоминания. Только они могут согревать душу, ведь это всё, что осталось у нас от пейзажа Вильны, в которой, в основном, говорили на идише.

Однажды к доктору Выгодскому пришла женщина и начала жаловаться на ломаном польском языке. Она хотела выглядеть интеллигентной. Доктор попросил её говорить на идише, иначе она сломает себе все зубы и ей придется идти ещё и к зубному врачу.

Женщина послушала доктора Выгодского и перешла на родной язык:

«Доктор, чтобы вы были мне здоровы. Чтобы вам горя не знать. Я, не про вас будь сказано, страдаю головными болями. Кроме того, у меня крутит в животе, шумит в ушах, ломит колени, темнеет в глазах, колет в боку, я с ног валюсь, сохнет язык и, вообще, я чувствую себя неважно».

Доктор Выгодский успокоил её:

«Видите, моя дорогая больная, как красиво можно болеть на идише. Это же одно удовольствие слушать...».

А всё потому, что говорить на идише в Вильне было так же естественно, как и пить воду. Еврейский язык на виленских улицах обладал такой волшебной силой, что даже неевреи поражались его звучанию. Дворники, например, на идише ругались со своими соседями.

В Вильне мы жили полноценной еврейской жизнью. Испытывая притеснение со всех сторон, страдая от нищеты, мы создавали еврейское сегодня и завтра.

Мы не знали, что однажды наступит день, и жизнь разбросает по всему свету нас, осиротевших одиночек без семей, и от всей Вильны останутся лишь одни воспоминания. Когда мы переплывали Вилию, когда наши мечты отражались от деревьев виленских лесов, мы не знали, что однажды от этого всего нам будет так грустно.

Что осталось от Вильны? Воспоминания. Они связывают всех жителей города незримыми нитями, что крепче самых толстых канатов. Всех нас объединяет тоска, которая никогда не угаснет. Тоска по Вильне, Вильне — нашему родному городу².

Перевод Глеба Родионова (grodionov355@gmail.com) под ред. В. А. Дымишца. Глеб Родионов — преподаватель кафедры лексикологии и стилистики английского языка УО «Минский государственный лингвистический университет» (Республика

¹ Геноцид евреев во время Второй мировой войны на идише называется «Хурбн» («Разрушение»), что отсылает к другой исторической катастрофе, разрушению Иерусалимского Храма.

² Последние строчки — аллюзия на популярную песню «Вилне» (Вильна), написанную в 1935 г. (слова Вольфсона, музыка Ольшанецкого). «Вилне, Вилне, ундзер геймштот, Ундзер бейнкшафт ун багер» («Вильна, Вильна, наш родной город, Наша тоска и желание»).

Беларусь). О конкурсе узнал из социальных сетей, второй год принимает участие в секции английского языка: тренирует навыки перевода сам и дает конкурсные тексты своим студентам на занятиях. Решил попробовать свои силы в переводе прозы с идиша, поскольку осваивал этот язык при написании диссертационного исследования в магистратуре в 2020 г. Перевод занял второе место в номинации «проза на идише» (2022)

ПЕРЕВОДЫ С КИТАЙСКОГО

КИТАЙСКАЯ ПРОЗА

冯骥才《单筒望远镜》（节选）

这房子一百多年前还有，一百年前就没了。也就是说，现今世上的人谁也没见过这房子。

在那个时代的天津，没见过这房子就是没眼福，就像没听过刘赶三的《十八扯》就是没耳福，没吃过八大家卞家的炸鱼皮就是没口福，但是比起来，这个眼福还要重要。

据说这房子还在的时候，有个洋人站在房子前边看它，看呆了，举着照相匣子“咔嚓”拍过一张照片，还有人见过这张照片，一看能吓一跳。房子并不稀奇，一座不大不小的四合套，三进院落。但稀奇的是从第二进的院子里冒出一棵奇大无比的老槐树，浓郁又密实的树冠好比一把撑开的巨伞，不单把中间这进院子——还把前后两进连屋子带院子统统罩在下边。想一想住在这房子里会是怎样的一种生活？反正有这巨树护着，大雨浇不着，大风吹不着，大太阳晒不着，冬暖夏凉，无忧无虑，安稳踏实。天津城里的大家宅院每到炎夏酷暑，都会用杉木杆子和苇席搭起一座高高大大的棚子把院子罩起来，好遮挡烈日。这家人却用不着。大槐树就是天然的罩棚——更别提它开花的时候有多美妙！

年年五月，满树花开。每当这时候，在北城里那一大片清一色的灰砖房子中间，它就像一个奇特的大花盆，很远的地方就能看到。刮风的时候，很远的地方还能闻见槐花特有的那种香味儿。若是刮东南风时，这花香就和西北城角城隍庙烧香的味儿混在一起。若是刮西北风时，这花香又扰在中营对面白衣庵烧香的气味里。一天里，槐香最重的时候都在一早一晚，这是早晚城门开启和关闭的时候。城门的开与关要听鼓楼敲钟，于是这槐香就与鼓楼上敲出的悠长的钟声融为一体。

到底是这花香里有钟声，还是钟声里有着花香？

那么，住在这香喷喷大树底下的一家人呢？他们在这香气里边喘气会有多美，睡觉有多香！北城的人都讲，这家人打这房子里出来，身上全都带着槐花的味儿。逢到了落花时节，更是一番风景，屋瓦上院地上，白花花一层，如同落雪。今天扫去，明天又一层。这家女人在院里站一会儿，黑黑的头发上准会落上几朵带点青色和黄色的槐花，好像戴上去的一般。而且在这个时节里，城中几家老药铺都会拿着麻袋来收槐花呢。人们若是到这几家药铺买槐花，伙计都会笑嘻嘻说：“这可是府署街欧阳家的槐花呀！”

欧阳家从来不缺槐花用，这是欧阳老爷最得意的事。

每到落花时节，他最喜欢把一个空茶碗，敞开盖儿，放在当院的石桌上，碗里边只斟上热白开水，别的什么也不放，稍过会儿，便会有些槐花不声不响地飘落碗中，热水一泡，一点点伸开瓣儿，一碗清香沁人的槐花茶便随时可以端起来喝……

神奇又平凡，平凡又神奇。

真有这么一座房子吗？可是后来它怎么就没了？那家人跑哪儿去了？那棵铺天盖地的老槐树呢？谁又能把这么一棵巨树挪走？不是说洋人给这房子拍过一张照片吗？现在在哪儿呢？恐怕连看过照片的人也打听不到了吧。

可是，为什么偏要去看那张照片呢？照片不过是一张留下人影的画片而已，能留下多少岁月和历史？要知道得详实、真切，还得要靠下边的文字吧。

说来说去，最说不清的还是这座奇异的老房子的岁数。前边说“一百多年前还有”，那它就远不止一百多年了。

有人说早在前朝大明时候就有了，也有人说是清初时一个盐商盖起来的。历史的来头总是没人能说清。反正那个盐商后来也搬走了，这房子几经转手，易主，又几次翻修，很难再找到明代的物件了。只有大门口虎座门楼底座上那两个石雕的虎头，开脸大气，带着大明气象。

历来房子都由着房主的性情，谁当了房主谁折腾，就像皇上手里的社稷江山。只有院子里那棵老槐树原封没动，想动也动不了，一动就死了。光绪年间，一个明白人说，自古以来都是先盖房子后种树，不会先种树后盖房子。

只要知道这大槐树多大年纪，就知道房子有多少岁数了。于是一个懂树的人站了出来，这老槐树至少三百年。这一来，房子就有了年份，应该是大明的万历年间。不过这只是说它始建于万历年间。如果看门楼和影壁上的刻画，全都是后来翻修时添枝加叶“捋饬”上去的了。道光前后，这里还住过一位倒卖海货、发了横财的房主，心气高得冲天，恨不得叫这房子穿金戴银，照瞎人眼。他本想把这房子门楼拆了重建，往上加高六尺，屋里屋外的地面全换新石板。幸亏他老婆嫌这老槐树上的鸟多，总有黏糊糊的鸟屎掉在身上，便改了主意，在河北粮店后街买了挺大一块空地，盖了新房，搬走了。

这要算老房子的命好，没给糟蹋了。

当这房子到了从浙江慈溪来开纸店的欧阳老爷的手里，就此转了运。欧阳老爷没有乱动手脚。他相中了这房子，就是看上日久年长的老屋特有的厚实、深在、沉静、讲究，磨砖对缝的老墙，铺地锦的窗牖，特别是这古槐的奇观。

别看欧阳是个商人，浙江的商人多是书香门第。世人说的江南主要指两个省而言，一是江苏，一是浙江，都讲究诗书继世。不同的是，江苏人嗜好笔墨丹青，到处是诗人画家。浙江人却非官即商，念书人的出路，一半做官，一半经商。单是他那个慈溪镇上历朝历代就出了五百个进士。有了这层缘故，浙江人的官多是文官，商是儒商。别看他们在外边赚的是金子银子，家里边却不缺书香墨香。虽说欧阳老爷没有翻新老屋，却把房子上那些花样太俗气的砖刻木雕全换了，撤去那些钱串子聚宝盆，换上来渔樵耕读、琴棋书画、梅兰竹菊或是八仙人。他只把后来一些房主世俗气的胡改乱造除掉，留下来的都是老屋原本的敦厚与沉静。他心里明白，明代的雍容大气，清代绝对没有了，多留一点老东西就多一点底气。

他是一家之主，本该住在最里边的一进院，但后边两进院给老槐树遮得很少阳光。老爷好养花，就住在头一进。这里一早一晚，太阳斜入，有一些花儿们欢喜的光照呢。

头一进院，正房一明两暗，中间的厅原本是待客用的，顶子高，门窗长，宽绰舒服。一天，欧阳老爷坐在厅堂里，看到院里树影满地，好似水墨点染，十分好看。在古今诗文中，他最迷的就是苏轼。自然就想起苏轼《三槐堂铭》中那句“槐荫满堂”，十分契合他这院子，便烦人请津门名家赵元礼给他写了一块匾“槐荫堂”，又花大价钱请来城中出名的木雕高手朱星联，把这几个字刻在一块硬木板上，大漆做底，字面贴金，挂到堂屋迎面的大墙正中，一时感到富贵优雅，元气沛然。由此来了兴致，他再在这一进房子的

门外添了一座精致的垂花门楼。木工是从老家慈溪那边千里迢迢请来的，纯用甬作，不用彩漆，只要木头本色，素雅文静，此中还有一点怀旧的心思吧。

Фэн Цзицай. Подзорная труба (отрывок)

Этот дом стоял здесь еще сто с лишним лет назад, но вот уже сто лет, как его больше нет. Иными словами, никто из ныне живущих в мире его не видел.

Для тех, кто бывал Тяньцзине в те времена, не увидать этот дом приравнялось к большой неудаче, все равно что не услышать Лю Ганьсяня¹ в “Восемнадцати сплетнях” или не отведать жареную рыбу шкурку в доме семьи Бянь², одной из восьми влиятельных семей. Но не увидать этот дом было все же особенно серьезным упущением.

Рассказывают, что когда этот дом еще стоял, некий иностранец долго смотрел на него, словно замороженный, затем с громким щелчком сделал снимок, и всякий, кому этот снимок попадался на глаза, мог впасть в оцепенение. Сам дом ничем особенным не отличался: обычный традиционный дом средних размеров из четырех построек, обращенных фасадами внутрь двора, с тремя воротами. Станным же было то, что из двора за вторыми воротами вздымалась гигантская старая акация, крона которой простиралась, словно зонт необъятных размеров, не только над всеми дворами, но и над домом, укрывая его целиком. Подумайте только, каково было жить в этом доме? В любом случае, под защитой такого огромного дерева можно жить спокойно и беззаботно, не боясь проливных дождей, сильного ветра и палящего солнца, зимней стужи и летней жары. Каждое лето с приходом знойных дней во всех домах Тяньцзиня строились высокие и широкие навесы из еловых жердей и тростниковых циновок для защиты двора от солнца. А для жителей этого дома в этом не было нужды. Большая акация – прекрасное природное убежище, не говоря уже о том, как она прекрасна в цвету!

Каждый год в мае все дерево покрывалось цветами. Оно было похоже на диковинный цветочный горшок, возвышающийся над безликими серыми кирпичными постройками Бэйчэна³, заметный издали. Когда поднимался ветер, с дальних концов можно было ощутить неповторимый аромат цветков акации. Если ветер дул с юго-востока, аромат цветов смешивался с запахом горящих благовоний в храме Чэнхуан в северо-западной части города. Если же дул северо-западный ветер, аромат цветов смешивался с запахом горящих благовоний в храме Байи напротив Чжуньин. В течение дня аромат раздавался особенно отчетливо по утрам и вечерам, когда открывались и

---

¹ Лю Ганьсянь (1816-1894), уроженец Тяньцзиня, знаменитый актер Пекинской оперы, игравший роли чоу (шутов, комиков) и известный своим острым языком. — *Здесь и далее примечания переводчицы.*

² Одна из восьми влиятельных семей Тяньцзиня, коммерсанты, переехавшие в Тяньцзинь во времена правления императора Канси.

³ Район Тяньцзиня.

закрывались городские ворота. При открытии и закрытии ворот всегда звучал колокольный звон, поэтому запах акации сливался в одно целое с протяжным звоном колокола с Барабанной башни.

То ли благоухание цветов приносило с собой колокольный звон, то ли звон сопровождался цветочным ароматом, кто мог сказать наверняка?

А что же семья, живущая под этим благоухающим деревом? Как прекрасно было им дышать и предаваться сну в этом аромате! Жители Бэйчэна говорили, что когда жильцы этого дома выходили на улицу, то все они источали тонкий аромат акации. Когда же наступал сезон опадания цветов, становилось еще прекраснее: черепичные крыши и двор покрывались белоснежным одеялом, словно в снегопад. Сколько ни подметай, на следующий день все белело опять. Стоило женщинам из этого дома постоять немного во дворе, как на их волосы цвета воронова крыла опускалось несколько белых цветков с голубым и желтым оттенком, как будто специально надетые украшения. Аккурат в это время года сюда приходили из нескольких старых городских аптек и мешками собирали цветки. Потом люди, заходя в эти аптеки за акацией, с улыбкой говорили: “Это не иначе как та самая акация из дома Оуянов на улице Фушу!”

В семье Оуянов никогда не было недостатка в цветах акации, этим особенно гордился господин Оуян.

Всякий раз в сезон опадания цветов он любил поставить пустую чашку с открытой крышкой на каменный стол во дворе, налив в нее только горячую кипяченую воду и ничего больше. Через какое-то время цветы наполняют чашку без лишнего шума, а когда горячая вода пропитается цветочным ароматом, а лепестки немного расправятся, чашку душистого и освежающего чая из цветков акации можно будет выпить в любой момент...

И волшебно, и обыкновенно, и буднично, и чудесно!

Правда ли существовал такой дом? В таком случае, почему же его не стало? Что же случилось с акацией с ее необъятной кроной? Кто мог сдвинуть с места такое гигантское дерево? Разве не говорили, что некий иностранец фотографировал этот дом? Где же он теперь? Боюсь, что даже люди, видевшие фотографию, не смогут найти ответ.

Но зачем непременно нужно смотреть на это фото? Фотография – это всего лишь картинка, на которой можно увидеть человеческую фигуру, но она не может сохранить воспоминания об ушедших годах. Чтобы узнать подробности и факты, приходится полагаться на подпись под фотографией. Если уж на то пошло, труднее всего сказать, сколько лет этому странному старому дому. Выше говорилось, что он “стоял здесь еще сто с лишним лет назад”, тогда ему гораздо больше ста лет.

Кто-то говорил, что он существовал еще во времена династии Мин, а кто-то – что он был построен торговцем солью в начале династии Цин. Ход истории никто не может знать наверняка. В любом случае, этот торговец солью впоследствии съехал, дом переходил из рук в руки, менял владельцев, несколько раз ремонтировался, в нем трудно отыскать детали, относящиеся его к временам династии Мин. Разве что две вырезанные из камня головы тигра

на постаменте привратных башен рядом с главными воротами своим внушительным видом передавали атмосферу династии Мин.

В доме всегда господствовал дух его хозяина. Кто становился хозяином, тот и устанавливал порядки на свой лад, как и страна под властью императора. Только старая акация во дворе оставалась неизменной. Да и как ей было меняться, для нее это могло обернуться лишь гибелью. В годы правления Гуансюя один знающий человек сказал, что испокон веков люди сначала строили дома, а потом сажали деревья, никак не наоборот. Стоит вычислить возраст старой акации, как сразу станет понятно, сколько лет дому. И тогда один разбирающийся в деревьях человек сказал, что этой старой акации никак не меньше трехсот лет. Таким образом и было определено приблизительное время постройки дома: период Ваньли династии Мин¹. Но это означает лишь то, что он начал строиться в период Ваньли. Судя по изображениям на надвратных башнях и экране напротив ворот², все они были добавлены позже в процессе реконструкции дома. До и после Даогуана³ здесь жил домовладелец, наживший богатство на спекуляции морепродуктами. Он был настолько заносчив, что мечтал покрыть весь дом золотом и серебром, чтобы ослепить всех их блеском. Первоначально он хотел снести надвратные башни и выстроить заново, увеличив их на шесть чи⁴, а покрытие пола в доме и во дворе заменить на каменные блоки. К счастью, его жене не понравилось то, что на старой акации всегда собирается много птиц, чей липкий помет постоянно падает на нее сверху. Поэтому они передумали и купили пустой участок земли на улице позади магазина зерна в районе Хэбэй⁵, где построили новый дом и переехали туда.

Можно сказать, старому дому очень повезло, и он не был испорчен.

Когда дом оказался в руках господина Оуяна, приехавшего из города Цыси провинции Чжэцзян, чтобы открыть магазин писчебумажных принадлежностей, в судьбе дома произошел переворот. Господин Оуян не стал действовать напропалую. Он влюбился в этот дом, в его толстые, прочные, изящные стены, отполированные временем, с изрезанными трещинами кирпичами, в окна, увитые девичьим виноградом, и в особенности – в старую акацию, придающую ему неповторимый облик.

Пусть Оуян был торговцем, но большинство торговцев в Чжэцзяне происходили из ученых семей. Когда люди говорят о Цзяннани⁶, они имеют в виду, главным образом, две провинции – Цзянсу и Чжэцзян, в которых уделяют должное внимание учености и поэзии. Разница в том, что жители

---

¹ Ваньли — девиз правления императора династии Мин Чжу Ицзюня, годы правления с 1572 по 1620.

² В традиционных китайских жилых постройках напротив входа ставили неширокую стену инби с целью защитить дом от злых духов.

³ Даогуан — девиз правления восьмого маньчжурского императора, годы правления с 1820 по 1850 года.

⁴ Чи — китайская мера длины, равная $\frac{1}{3}$ метра.

⁵ Хэбэй — район Тяньцзиня.

⁶ Цзяннань — территория Китая южнее реки Янцзы.

Цзянсу любят перо и тушь, там повсюду поэты и художники. А жителей Чжэцзяна нельзя назвать чиновниками и торговцами в полном смысле слова, так как половина получивших образование идет в чиновники, а половина в торговцы. Из одного только города Цыси, откуда он был родом, за всю историю вышло 500 цзиньши¹. По этой причине большинство чиновников в Чжэцзяне были гражданскими чиновниками, а торговцы – купцами-конфуцианцами. И хотя они получали свои барыши в слитках золота и серебра, в доме не было недостатка в книгах и туши. Хотя господин Оуян не стал полностью ремонтировать старый дом, он избавился от вульгарных узоров, вырезанных на дереве и кирпиче, убрал изображения сосудов с драгоценностями и связок монет, заменив их на сцены рыбалки и земледелия, чтения книг, игры в шахматы, занятий каллиграфией и живописью, на изображения сливы, орхидеи, бамбука и хризантемы или восьми бессмертных. Он лишь устранил некоторые детали, оставшиеся от сменявших друг друга жильцов дома, оставив строгость и спокойствие старого дома. В душе он понимал, что атмосфера изящества, присущая династии Мин, исчезла напрочь в годы Цин, поэтому надо оставить старые вещи для сохранения атмосферы.

Как глава семьи он должен был жить в самом дальнем дворе, но в двух задних дворах было слишком мало солнца из-за тени от акации. Господин Оуян любил выращивать цветы, поэтому поселился в переднем дворе. Сюда и утром, и вечером заглядывало солнце, которое было необходимо некоторым цветам.

Главный дом переднего двора имел проходную гостиную и две изолированные комнаты по бокам. В зале посередине, изначально использовавшемся для приема гостей, были высокие потолки и вытянутые двери и окна, делающие его просторным и удобным. Однажды господин Оуян сидел в зале и увидел тени от дерева во дворе, похожие на чернильные пятна, что выглядело очень живописно. Поскольку из всей поэзии ему больше всего нравился Су Ши², ему сама собой пришла на ум строчка из стихотворения Су Ши “Надпись над Залом Трех акаций”: “Густые тени акаций окутали дом”. Эта строчка как нельзя лучше подходила к его дому, поэтому он поручил слугам попросить Чжао Юаньли, известного в Тяньцзине каллиграфа, написать ему табличку “Зал Тени акации”, а затем за большие деньги пригласил знаменитого резчика по дереву Чжу Синляня, который выгравировал эти иероглифы на деревянной дощечке из твердого дерева с лаковым основанием и инкрустировал их золотом. Табличку повесили посередине центральной стены зала, и каждый раз при взгляде на нее хозяин чувствовал себя состоятельным и элегантным, полным бодрости и жизненных сил. Войдя во вкус, он добавил изящную резную арку над входом в дом. Столяра пригласили из родных мест хозяина – далекого Цыси.

---

¹ Цзиньши — высшая ученая степень в системе государственных экзаменов на должность чиновника.

² Су Ши (Су Дунпо) — поэт династии Сун.

Использовали только натуральное дерево, без цветного лака, чтобы сохранить натуральный цвет, поэтому работа вышла тонкой и изящной, с налетом ностальгии.

Перевод Дарьи Власюк (dayas@mail.ru). Закончила Институт стран Азии и Африки МГУ, специальность «Переводчик китайского языка». В Университете занималась исследованием современной китайской литературы (Лао Шэ, Цань Сюэ) под руководством В. И. Семанова. Более 20 лет преподает китайский язык, призер 1-го Всероссийского конкурса преподавателей китайского языка «Язык дружбы», 2021 года (2 место). В конкурсе им. Э. Л. Линецкой участвует в третий раз, в 2020 г. заняла 3 место. Данный перевод занял первое место в номинации «китайская проза» (2022)

Фэн Цицай. Подзорная труба (фрагмент)

Сотню с лишним лет назад усадьба та еще стояла, а столетие назад ее уже не было. Другими словами, ни один из ныне живущих той усадьбы не видал.

В ту пору в Тяньцзине кто той усадьбы не видал, считай, настоящей красоты не знал. Это как если кто не слышал «Восемнадцати напевов» в исполнении Лю Ганьсяня, слух того много потерял, а кому не привелось полакомиться жареной рыбьей кожицей по рецепту семейства Бянь, одного из восьми знатнейших семейств города, тот счастья гурмана не изведal. Впрочем, раз уж приниматься за сравнение, то тут поважнее был праздник для глаз.

Рассказывают, что когда усадьба еще стояла на прежнем месте, один иностранец задержался перед ней, желая полюбоваться, да так засмотрелся, что достал свой фотографический аппарат, щелкнул им и сделал снимок. Кое-кому даже доводилось видеть этот снимок, как взглянешь — страх какая красота! В самой по себе усадьбе не было ничего из ряда вон выходящего: классический архитектурный ансамбль с тремя внутренними двориками и жилыми покоями по четырем сторонам света. Уникальной она была оттого, что в среднем двореке росло необычайно большое дерево — старая софора. Густая и плотная крона ее напоминала раскрытый зонтик гигантских размеров. Этим зонтиком она укрывала не только дворик посередине, но даже — представьте себе! — и передний, и задний дворики со всеми постройками. Подумайте только, каково это было — жить в таком доме? Во всяком случае под защитой исполинского дерева не страшен был ни ливень, ни ураганный ветер, ни палящее солнце; зимой дерево согревало, а летом дарило прохладу, так что жилось под ним без лишних забот, тихо и спокойно. С наступлением летнего зноя в больших домах знатных тяньцзиньских семей возводили здоровенные навесы из еловых жердей и тростниковых циновок, чтобы укрыться от палящего солнца. Но владельцам этой усадьбы ничего подобного и не нужно было. Развесистая софора сама служила естественным навесом — не говоря уже о том, как все преображалось в пору цветения!

Каждый год в мае деревья покрывались цветами. Посреди обширного квартала домов из однообразного серого кирпича в районе Бэйчэн будто бы возвышался необыкновенно большой цветочный горшок, и видно его было издалека. Ветер разносил изумительный аромат цветов софоры даже в отдаленные уголки города. Когда дул юго-восточный ветер, аромат цветов смешивался с запахом благовоний, тлеющих в храме духа-покровителя города Чэн-хуана, что в северо-западной части города. А когда задувало с северо-запада, то цветочный аромат примешивался к запаху благовоний, возжигаемых в храме Байи¹, что напротив школы Чжуньин. В течение дня сильнейшее благоухание приходилось на раннее утро и поздний вечер, аккурат на те часы, когда городские ворота открывались поутру и запирались ввечеру. Открытие и закрытие городских ворот отмечал колокол на барабанной башне, потому и аромат цветов сливался воедино с его протяжным звоном.

А всё-таки, сливался ли звон колокола с цветочным ароматом, или цветочный аромат — со звуками колокола?

Ну ладно, а каково было той семье, что жила под сенью душистого дерева? Какая благодать была вдыхать этот аромат, как же сладко им спалось! Люди в районе Бэйчэн рассказывали, что, когда кто-нибудь из этой семьи выходил на улицу, то от его особы веяло цветами софоры. С наступлением сезона опадающих цветов все преображалось: черепичную крышу и весь двор белым покрывалом устилали лепестки, будто после снегопада. Сегодня их сметут, а завтра они снова выпадут. Стоило какой-нибудь женщине из этого дома чуточку постоять во дворе, как дерево непременно роняло на ее черные пряди парочку голубеньких и желтеньких лепестков, словно надевая украшение. Этой порой из семейных аптекарских лавок посылали людей с мешками для сбора опавших лепестков софоры². Если кто-нибудь приходил в такую лавку за сушеными лепестками, то слышал от радостно улыбающегося приказчика: «А вот это — лепестки софоры из усадьбы семьи Оуян на Фушуйской улице!»³.

Семейство Оуян не знало недостатка в лепестках софоры, и это было причиной большой гордости для старого господина Оуяна.

В сезон опадающих цветов он больше всего любил поставить пустую чайную пиалу на каменный столик во дворе, с открытой крышечкой, и налить в нее один только кипяток, больше ничего. Спустя какое-то время лепестки софоры без единого шороха слетали в пиалу. Как только напиток заваривался, лепестки немного расправлялись, и пиалу благоухающего желанными ароматами софорового чая можно было взять и выпить в любое время...

Удивительно и просто, просто и удивительно!

---

¹ Храм в честь богини милосердия Гуаньинь. Досл. «храм Белых одежд». — *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Сушеные цветки софоры в китайской медицине применяются как кровоостанавливающее средство.

³ Досл. «улица присутственных мест».

Неужели и вправду был такой дом? А отчего же его не стало? И куда делись те, кто жил в нем? А как насчет той заслонявшей небо и землю софоры? Разве под силу кому-нибудь было забрать такое дерево? Ведь было сказано, что иностранец сфотографировал усадьбу, так? Где теперь тот снимок? Боюсь, что даже те, кто видел тот снимок, ничего не расскажут, сколько ни спрашивай.

Впрочем, почему вам так не терпится поглядеть на тот снимок? Фотография — всего лишь изображение, запечатлевшее людские тени, но много ли прошлого, много ли истории оно способно вместить? Чтобы разузнать все в деталях, как было на самом деле, придется все-таки опираться на приведенный ниже текст.

Так или иначе, самым необъяснимым все же остается возраст этой усадьбы. Как уже упоминалось в самом начале — «сотню с лишним лет назад усадьба та еще стояла» — выходит, было ей далеко за сотню с лишним лет.

Одни говорят, что она появилась еще в эпоху Мин, а по словам других выстроил ее торговец солью на заре цинской эпохи. Во всяком случае, торговец солью впоследствии переехал. Усадьба не раз переходила из рук в руки, меняя владельцев, даже пару раз основательно ремонтировалась, так что в ней уже трудно было найти что-нибудь минское. Пожалуй, только две вырезанные из камня головы тигров у главного входа, на основании арки ворот, радушными мордочками выдавали свою минскую родословную.

Исторически так сложилось, что усадьбу переделывал на свой лад тот или иной владелец, совсем как страну со всеми ее горами, реками и алтарями вертел в своих руках тот или иной император. Лишь старая софора оставалась нетронутой, да и как ее было тронуть, ведь стоило только тронуть — она и погибла бы. В годы «Гуансюй»¹ нашелся один мудрый человек, сказавший, что с древних времен было принято сначала строить дом, а потом сажать дерево, но не наоборот.

Знать бы, сколько лет великой софоре, тогда можно было бы определить возраст усадьбы. И вот человек, разбирающийся в деревьях, встал и сказал: этой старой софоре по меньшей мере триста лет. Стало быть, возраст усадьбы следует отсчитывать с эры минского императора Ваньли². Правда, в те времена она только начинала строиться. Если же взглянуть на изображения на арке ворот и каменном экране напротив, то все эти росписи были добавлены «для пущей красоты» уже позднее, когда усадьбу перестраивали. Где-то в годы «Даогуан»³ был еще один владелец, который занимался перепродажей колониальных товаров и сколотил на этом целое состояние. Он был заносчив до небес: все мечтал о том, чтобы усадьба была вся отделана золотом да серебром, и чтобы его богатство всех ослепляло. Поначалу он вознамерился сломать арку у ворот дома, чтобы перестроить ее,

---

¹ Под девизом «Гуансюй» (1875-1908) правил предпоследний цинский император Айсиньгёро Цзайтянь.

² Период правления императора Ваньли пришелся на 1572-1620 годы.

³ Под девизом «Даогуан» (1820-1850) правил восьмой цинский император Айсиньгёро Мяннин.

приподняв на шесть чи¹, а еще выложить пол внутри и снаружи усадьбы новенькими каменными плитами. К счастью, его женошка решила, что на старой софоре чересчур много птиц (сверху на нее то и дело падал склизкий птичий помет), так что они отказались от первоначальных планов, купили обширный участок земли на улице Ляндянь-хоуцзе, что в районе Хэбэй, построили там новый дом и съехали из усадьбы.

Получается, улыбнулась судьба старой усадьбе, раз она избежала разрушения.

Когда же усадьба перешла во владение старого господина Оуяна, прибывшего из города Цыси, что в провинции Чжэцзян, с намерением открыть бумажную лавку, то удача изменила усадьбе. Господин Оуян не собирался ничего ломать или переделывать, напротив, ему приглянулся этот массивный, просторный, тихий и изысканный старинный дом с долгой историей, понравились его старые стены из потертого кирпича и окна, увитые зеленью, — а особенно удивительная старая софора.

Господин Оуян хоть и был торговцем, но большинство торговцев из Чжэцзяна поддерживали традиции литераторов. Уважение к книгам и поэзии в равной степени питали люди во всем регионе к югу от реки Янцзы, не зря ведь современники говорили, что Цзяннань из двух провинций состоит, одна — Цзянсу, Чжэцзян — другая. Разница между ними была в том, что выходцы из Цзянсу увлекались сочинительством и живописью, повсюду там были поэты и художники, а вот выходцы из Чжэцзяна становились либо чиновниками, либо торговцами, причем половина ученых людей выбирала стезю чиновничью, а другая половина — торговую. Только в его родном городе Цыси насчитывалось пятьсот цзиньши² за все минувшие эпохи. Вот почему большинство чиновников из Чжэцзяна были драматургами, поэтами или писателями, а торговцы блистали знанием конфуцианских канонов. Хоть они и зарабатывали на службе золото да серебро, зато дома у них не бывало недостатка ни в книгах, ни в чернилах. Пусть старый господин Оуян и не перестраивал старый дом, но все-таки обновил прежнюю безвкусную резьбу по дереву и кирпичную резьбу на фасадах усадьбы, отказавшись от связок монет и сосудов изобилия, заменив их изображениями рыбака, дровосека, земледельца и ученого³, образами лютни, шахмат, каллиграфии и красок, благородными цветами сливы, орхидеи, бамбука и хризантемы, или изображениями Восьми Бессмертных⁴. Он избавился только от той мирской чепухи, что привнесли более поздние владельцы, и оставил лишь первоначальную торжественность старой усадьбы и присущую ей уравновешенность. В глубине души он знал, что степенное изящество эпохи

---

¹ Китайская мера длины, равная 1/3 метра.

² Высшая ученая степень, получение которой открывало широкие возможности для чиновничьей карьеры.

³ Четыре образа, используемые чиновниками для обозначения жизни после выхода в отставку.

⁴ Изображение восьми святых даосского пантеона украшает в Китае храмы, дома, изделия из фарфора, этот мотив также популярен в традиционной китайской живописи.

Мин полностью исчезло ко времени Цин, и чем больше старинных вещей будет в доме, тем прочнее будет его духовное основание.

Будучи главой семейства, он должен был бы жить в самом дальнем дворике, но крона старой софоры укрывала оба дальних дворика, практически не пропуская солнечного света. Старый господин любил выращивать цветы, поэтому решил жить в ближнем дворике, ведь туда ранним утром и поздним вечером проникали косые лучи солнца, столь любимые цветами.

В первом дворике по центру усадьбы находился дом с парадной гостиной и двумя комнатами по бокам. Гостиная прежде использовалась для приема гостей, потолок там был высокий, двери и окна достаточно широкими, внутри было просторно и удобно. Однажды господин Оуян сидел в гостиной и вдруг увидел, что по всему двору пляшут тени от ветвей дерева, точно чернильные лоскутки, смотревшиеся необычайно красиво. Среди всех древних и современных сочинений его любимыми были поэтические творения Су Ши¹. Вполне естественно, что при виде этой красоты ему на ум пришла строчка из стихотворения «Ода, сочиненная в Зале Трех софор»: «Зал утопает в тени софор». Она так хорошо прилась к его двору, что он решился побеспокоить известного тяньцзиньского мастера Чжао Юаньли, обратившись к нему с просьбой начертать в каллиграфической форме надпись «Зал Тенистой софоры», и вдобавок к этому потратил большие деньги, чтобы пригласить мастера Чжу Синляня, известного на весь Тяньцзинь резчика по дереву, выгравировавшего эти слова на доске из твердого дерева позолоченными иероглифами по черному фону. Когда надпись повесили по центру большой стены, обращенной к парадной гостиной, он на время почувствовал себя благородным и знатным, полным жизненных сил.

Вслед за пришедшим к нему воодушевлением его посетила новая идея: установить по такому случаю изящные ворота с фестонами перед внутренним входом во двор усадьбы. Столяра он пригласил издалека, прямо из своего родного города Цыси. Сделано все было исключительно из дерева, без всяких разноцветных лаков, так, чтобы дерево сохраняло свой натуральный цвет, имело скромный и изысканный вид. В этом, пожалуй, выразилась и известная доля ностальгии по далекому прошлому.

Перевод Виталия Андреева (sshtopor@yahoo.com). Переводчик, радиоведущий, преподаватель РКИ. Окончил философский факультет РГГУ, изучал западную и восточную философию, немецкий и китайский языки. По стипендии отправился на Тайвань, учился в магистратуре по программе исследований Восточной Азии университета Чжэнчжи. В 2009–2018 работал на Международном радио Тайваня, где вел передачи на русском языке о путешествиях («Радиопутешествие по Тайваню»), об образовании («Тайваньские университеты»), о жизни иностранцев в Тайбэе («Тайбэй: Пульс города»). Первые переводы художественной литературы увидели свет в 2021 году в журнале «Иностранная литература» и издательстве АСТ. Перевод занял второе место в номинации «китайская проза» (2022)

---

¹ Выдающийся поэт эпохи Сун (1037–1101).

Фэн Цицай. Подзорная труба (отрывок)

Более века назад этот дом еще стоял здесь, но вот уж сто лет как его не стало. А это значит, что никто из ныне живущих не видел его.

Жить в Тяньцзине тех лет и ни разу не увидеть этого дома означало совершить преступление против собственных глаз — точно так же, как преступлением против своих ушей было не услышать арий Лю Ганьсяня и преступлением против языка — не отведать рыбьей кожи в кляре по рецепту семейства Бяней. Но все же обиднее всего было не повидать дома.

Рассказывают, что как-то раз, когда дом еще был здесь, один иностранец остановился перед ним и долго на него смотрел, как замороженный. Наконец он поднял камеру и — «щелк!» — сделал снимок. Те, кому доводилось видеть эту фотографию, бывали поражены до глубины души. В самом по себе в доме не было ничего особенного — обыкновенный, средних размеров *сыхэюань*¹ в три двора. Удивительной была старая софора-великан, которая выглядывала из самого его центра. Ее густая пышная крона, как купол гигантского зонта, закрывала собой не только центральный, но и два соседние двора вместе со всеми зданиями и пристройками. Невольно задумаешься: какой могла быть жизнь в этом доме? Как бы то ни было, под защитой такого дерева и ливни не намочат, и не застудят ветра, и не достанет палящее солнце, зимой тепло, летом — прохлада, и никаких тебе забот, только тишь да покой. С приходом нестерпимого летнего зноя в каждом тяньцзиньском дворе сооружали высокие навесы из пихтовых жердей с натянутыми поверх тростниковыми циновками, под которыми можно было переждать солнцепек. Но этот дом прекрасно обходился и без дополнительной тени: огромная софора сама по себе была природным шатром. А что уж говорить, как прекрасна она была в пору цветения!

Каждый пятый лунный месяц года дерево утопало в цветах. В это время оно походило на чудесный цветник, распустившийся посреди монотонно-серых кирпичных домов. Его было видно издалека, и ветер разносил по всей округе дивный аромат софоры. Когда задувал с юго-востока, вместе с запахом цветов ветер приносил дым благовоний из храма Чэнхуанмяо у северо-западной стены города. При северо-западном же ветре к струящемуся цветочному аромату примешивался запах ладана из женского буддийского монастыря напротив центрального военного лагеря. В течение всего дня наиболее насыщенным благоухание было на рассвете и на закате, когда отворяли и запирали городские ворота. Открытие и закрытие ворот сопровождалось ударами в колокол с барабанной башни, и тогда цветочный запах сливался воедино с протяжным колокольным звоном.

Был ли это звон в аромате цветов, или в аромате — звон?

А что те люди, что проживали под кроной благоухающего дерева? Как чудесно им дышалось этим душистым воздухом, как сладко им спалось!

---

¹ Сыхэюань — традиционный китайский дом, представляющий собой сориентированный по сторонам света четырехугольный двор с одноэтажными обращенными окнами внутрь зданиями по периметру.

Обитатели севера города утверждали, что живущие под софорой выходили из дому, оставляя за собой шлейф цветочного аромата. Особенно стоит отметить время окончания цветения, когда вся черепица и земля каждого из дворов были усыпаны, словно снегом, сверкающей белизной опавшего цвета. Сколько ни мети, назавтра на том же месте будет новый слой. Стоило кому-нибудь из женщин ненадолго задержаться во дворе, и почти сразу им на смоляные головы приземлялось несколько зеленовато-белых или бледно-желтых цветов, похожих на драгоценности в их волосах. В это время года владельцы всех старейших аптечных лавок города приходили сюда собирать опавшие бутоны в свои мешочки. Позже, когда посетители их аптек спрашивали про цветы софоры, продавцы неизменно расплывались в улыбке: «Наши цветы — цветы с той самой софоры во дворе семьи Оуян с улицы Фушущэ!».

У самой семьи Оуян никогда не было недостатка в цветах софоры, что являлось особым предметом для гордости хозяина дома.

В конце весны превыше всего господин Оуян любил, сняв крышечку с чайной чашки, поставить ее на каменный столик во внутреннем дворе, наполнить горячей кипяченой водой, да так и оставить. Рано или поздно в чашку беззвучно опускалось несколько цветков. Они заваривались в горячей воде, слегка распуская лепестки, и в любое время можно было насладиться душистым цветочным чаем...

Это было так чудесно, и в то же время так обыденно, но разве не поразительна будничность подобного чуда?

Неужели правда существовал на свете такой дом? Но куда он подевался? Куда уехали его жильцы? Что стало с могучей старой софорой? Не мог же никто сдвинуть с места такое огромное дерево? А что та фотография, которую сделал иностранец? Где она теперь? Не исключено, что и людей, выдавших ту фотографию, больше не найти.

Да и чем тут поможет фотография? Ведь она — лишь картинка со следами человеческого пребывания, много ли она может поведать? Если желаете услышать всю историю целиком, как она есть, читайте дальше.

Что ни говори, больше всего сомнений в этом рассказе вызывает точный возраст удивительного дома. В начале повествования говорилось, что сто лет назад он был разрушен, но появился-то он намного-намного раньше.

По мнению одних, дом существовал еще при династии Мин¹, другие говорят, что один торговец солью построил его в начале правления Цинов². Как все было на самом деле, доподлинно неизвестно никому. Так или иначе, впоследствии торговец переехал, после него дом многократно менял хозяев, переходил из рук в руки и несколько раз перестраивался до тех пор, пока стало трудно найти хоть какое-то доказательство его минского прошлого. Только пара каменных тигров, что сидели, грозно ощерив морды, у

---

¹ Династия Мин правила Китаем с 1368 по 1644 год.

² Династия Цин — последняя из императорских династий, правивших Китаем. Империя Цин существовала с 1644 по 1912 год.

основания арки главного входа, судя по всему, являлась наследием эпохи Мин.

Во все времена человеческое жилище является отражением характера своего владельца. Сменяющиеся хозяева оставляли в облике дома такой же след, какой оставляет в истории страны правление каждого нового императора. И только старая софора неизменно продолжала стоять на том же самом месте во дворе, а если бы кому пришло в голову ее сдвинуть, он скорее надорвался бы и умер, чем преуспел. Один мудрый человек, живший во времена правления императора Гуансюя, однажды заметил, что испокон веков люди прежде строят дом, и только потом сажают сад, и никто не строит дома вокруг деревьев.

Получается, стоило узнать возраст софоры, и стало бы понятно, сколько лет дому. Тогда на выручку пришел один знаток деревьев, который заявил, что старой софоре должно быть не менее трехсот лет. С тех пор стало принято считать, что дом был построен примерно во времена правления минского Ваньли. Однако речь идет только о его первоначальном строительстве. Арка главных ворот, барельеф на каменном экране напротив входа и многое другое появилось при дальнейших перестройках и было той «лептой», которую вносили от себя все последующие хозяева. Приблизительно во времена императора Даогуана домом владел скупщик заморских товаров, нечестным путем наживший себе огромное состояние. Обладая воистину аристократическими замашками, он желал ослеплять своим богатством и ради этого готов был отделать дом чуть ли не золотом и серебром. В качестве первого шага он вознамерился снести входные ворота и отстроить их заново, на шесть чи¹ выше прежних, а землю и полы внутри зданий выложить новым камнем. К счастью, его супруге очень не нравились птицы, что гнездились в ветвях софоры, ведь в любое время с неба на тебя мог упасть склизкий комок помета. Тогда торговец отказался от своей затеи, выкупил большой участок пустой земли на улице Ляньдяньхоуцзе к северу от реки, построил там новую усадьбу и переехал.

Старому дому повезло, он был спасен от разгрома.

Светлые дни в жизни дома настали, когда он перешел в руки господина Оуяна. Новый хозяин приехал сюда из уезда Цыси, что в провинции Чжэцзян, намереваясь открыть магазинчик писчих принадлежностей. Он ничего не менял без лишней на то надобности. Дом понравился ему своими солидностью и внушительностью, спокойствием и благоустроенностью, какие свойственны всем старым усадьбам, потертыми стенами из плотно пригнанного кирпича, увитыми плющом окнами, а в первую очередь — замечательным видом на старую софору.

И не смотрите на то, что Оуян был торговцем, там, откуда он родом, торговцы часто бывают выходцами из семей интеллектуалов. Жители обеих провинций правого берега дельты реки Янцзы — Цзянсу и Чжэцзян — издавна славятся своим уважительным отношением к учености. Разница

---

¹ Чи — китайская мера длины, равная 1/3 метра.

между ними состоит в том, что в Цзянсу люди больше увлекаются писательством и живописью, поэтому там повсюду художники и стихотворцы. В Чжэцзяне же каждый если не чиновник, так купец. Там у образованных людей два пути: половина идет на государственную службу, вторая — в торговцы. Один только родной город господина Оуяна, Цыси, за всю свою историю подарил стране более пятисот обладателей высшей ученой степени *цзиньши*. Вот и повелось, что чиновники из Чжэцзяна в большинстве своем шли на гражданскую, а не военную службу, а торговцы чтити конфуцианскую мораль. Сколько бы золота и серебра ни приносило им их ремесло, в доме у них никогда не переводился запах бумаги и чернил. Господин Оуян не занимался серьезной перестройкой дома, зато убрал всю ту безвкусную резьбу на дереве и камне, что досталась ему от предыдущих хозяев. На смену связкам монет и горшочкам с неисчерпаемыми сокровищами появились изображения рыбака, дровосека, земледельца и ученого, музыкальных инструментов и каллиграфии, цветов, бамбука и восьми даосских бессмертных. Он избавился от поздних, излишних и неудачных, переделок и оставил только первоначальную безыскусность и умиротворенность старого дома. Господин Оуян чувствовал, что с приходом цинского времени не осталось и следа от величественной атмосферы эпохи Мин, а потому необходимо сохранить так много старины, сколько получится.

Как главе семьи ему полагалось жить в самом дальнем дворе, но заднюю часть усадьбы ветви софоры затеняли так, что туда почти никогда не заходило солнце. Хозяин увлекался разведением цветов, поэтому избрал для собственного проживания передний дворик. Сюда по утрам и вечерам пробивались косые лучи солнца, света которых вполне хватало для некоторых видов цветов.

Главное здание переднего дворика состояло из центрального зала и двух непроходных комнат по бокам. Зал по задумке был гостевым, а потому просторным и уютным, с высокими потолками и широкими дверями и окнами. В один из дней, сидя там, господин Оуян смотрел из окна на тень от дерева, заполняющую все пространство двора. Было очень красиво, похоже на рисунок тушью. Из всех поэтов прошлого и настоящего наибольшее предпочтение господин Оуян отдавал Су Ши, поэтому совершенно естественно, что в этот миг ему вспомнилась цитата «софоры сень накрыла зал» из его «Эпитафии храму Трех софор». Это описание как нельзя лучше подходило собственному жилищу господина Оуяна. Тогда он обратился к прославленному тяньцзиньскому мастеру Чжао Юаньли с просьбой написать для него каллиграфическим почерком: «Зал под сенью софоры». Затем, не постояв за ценой, он нанял самого известного в городе резчика по дереву, Чжу Синляня, чтобы тот вырезал эту надпись на доске из плотной древесины. Фон выкрасили темным лаком, гравировку покрыли позолотой, а саму доску поместили в центре стены, обращенной ко входу. Это очень оживило зал, придало ему богатый и благородный вид. Вдохновившись достигнутым результатом, господин Оуян решил пристроить на входе в здание изящную резную арку. Плотника пригласили за тридцать земель из его родного

городка Цыси. Работа, по традиции тех мест, велась исключительно с естественным оттенком дерева, без применения красок или цветного лака. Все было сделано просто и без изысков. Чувствовалась во всем этом, пожалуй, нотка тоски по прошлым временам.

Перевод Елизаветы Гавришевой (gavrishevaliza@mail.ru), студентки Восточного факультета СПбГУ по направлению «Языки народов Азии и Африки» (специализация: китайский язык). Мечтает профессионально заниматься художественным переводом. Перевод занял второе место в номинации «китайская проза» (2022)

Фэн Цицай. Подзорная труба (отрывок)

Больше века назад усадьба еще стояла на своем месте, но прошло уже сто лет, как ее не стало. Другими словами, никто из наших современников ее не видел.

В Тяньцзине тех времен пройти мимо этой усадьбы означало бы лишиться себя ни с чем не сравнимого удовольствия — все равно, что никогда не услышать Лю Ганьсяня¹ в опере «Восемнадцать слез» или не отведать жареную во фритюре рыбу семейства Бянь — одного из восьми знатных родов Тяньцзиня. Хотя если подумать, не увидеть усадьбу — утрата самая большая из всех.

По преданиям, когда усадьба еще стояла на своем месте, какой-то иностранец при виде нее застыл в изумлении, достал камеру и «щелк!» — сделал фотографию, и всякий, кто ее видел, был поражен. Сама усадьба была ничем не примечательна: не большая и не маленькая, расположенные по сторонам света четыре жилые постройки да три внутренних двора. Удивление же вызывало огромное старое дерево в среднем дворе — японская софора, которая своей густой кроной как зонтом накрывала всю усадьбу: не только соседние здания, но и постройки на переднем и заднем дворах. Интересно, каково это — жить в таком доме? В доме под защитой огромного дерева, где не страшны ливни, не задувают ветра, не жарит солнце, где холодными зимами тепло, а жарким летом прохладно, где нет тревог и печалей, только спокойствие и безмятежность. Каждый год в середине лета, когда город окутывал страшный зной, во всех жилых домах Тяньцзиня сооружали навесы, высокие, широкие, чтобы закрыть двор от палящего солнца: пара деревянных столбов и циновка из тростника. Жителям же этой усадьбы подобные ухищрения были не к чему. Их софора служила природным навесом, не говоря уже о том, как красива она была в период цветения!

---

¹ Лю Ганьсянь — сценический псевдоним артиста Пекинской оперы во времена династии Цин. Родом из Тяньцзиня, он исполнял комические роли и считался «первым комиком Поднебесной». — *Здесь и далее примечания переводчицы.*

Софора расцветала в мае. Среди однообразных серых домов, привычных для северных городов, она казалась причудливым горшком с цветами, таким большим, что его было видно отовсюду. Ветер доносил ее неповторимый аромат в самые отдаленные уголки города. Когда ветер дул с юго-востока, аромат цветов софоры смешивался с запахом благовоний, которые жгли в храме городского божества в северо-западной оконечности городских стен¹. А если ветер был северо-западным — растворялся в дыме от храма Байи, что напротив центрального военного гарнизона. Ярче всего аромат цветов софоры слышался рано утром и поздно вечером, и в это же время открывали и закрывали городские ворота. Открытие и закрытие ворот всегда сопровождалось ударами в колокола на Барабанной башне, и потому аромат цветущей софоры и протяжный колокольный звон стали как будто одним целым.

Все-таки цветы звонят как колокола или же у колоколов аромат цветов?

А что же та семья, которая жила под сенью благоухающего дерева? Как легко им, должно быть, дышалось и как сладко спалось среди цветов! Как говорили соседи в северной части города, цветочный аромат всюду сопровождал жителей усадьбы, когда бы они ни входили за ворота. Еще более впечатляющей картина становилась в конце сезона цветения: крыши, земля — вверху и внизу все было устелено белыми, как снег, лепестками. Один день уберешь — на завтра «снегопад» начнется снова. Стоило девушкам выйти во двор, на их черные волосы непременно падали несколько цветков, будто они надели синевато-желтые украшения. В конце сезона цветения у усадьбы собирались городские аптекари и собирали цветки в мешки². А когда в аптеку приходили покупатели, продавец, улыбаясь, говорил:

— Это цветы софоры из усадьбы семьи Оуян, что на улице Фушу!

Да, семья Оуян не знала недостатка в цветах софоры, это было самое успешное предприятие старика Оуяна.

Когда цветы начинали опадать, он брал пиалу для заваривания чая, снимал крышку, ставил на стол во внутреннем дворе, наливал кипяток, ничего другого не добавляя, и ждал: через некоторое время цветы бесшумно опускались в пиалу, лепестки раскрывались в горячей воде, и чай из софоры с нежным ароматом так и манил присесть и выпить его.

Волшебство в простоте, обыкновенное чудо.

На самом ли деле существовала эта усадьба? Почему же потом она исчезла? Куда сбежали жившие там люди? Что случилось с неохватным старым деревом софоры? Кто мог перенести дерево такого огромного размера? А та фотография, которую сделал иностранец, где она? Боюсь, даже людям, видевшим фотографию, не под силу это узнать.

---

¹ Города в Китае традиционно имели форму квадрата, поэтому местоположение того или иного здания можно было определить по четырем углам городской стены.

² Сушеные цветы софоры в китайской традиционной медицине применяются в качестве кровоостанавливающего средства и для очищения печени.

Хотя почему непременно нужно найти ту фотографию? Ведь фотография — это всего лишь тень, отпечаток, разве может она сохранить историю всех прошедших лет? Чтобы получить подробную и ясную картину, нужно обратиться к подписи внизу фотографии.

Довольно разглагольствовать, самое загадочное в этом деле — возраст нашего удивительного дома. «Больше века назад усадьба еще стояла на своем месте», сказал я, то есть на самом деле ей намного больше, чем сто лет.

Кто-то говорит, что она существовала еще во времена династии Мин; кто-то — что была основана торговцем солью в начале династии Цин. Никто не знает, что было на заре истории. Как бы то ни было, торговец солью спустя время переехал, и усадьба переходила из рук в руки и сменила несколько владельцев, ее много раз перестраивали, и следов династии Мин, конечно, уже не осталось. Разве что пара голов каменных тигров, что сидели на постаменте у главных ворот, своим внушительным видом напоминали о величии Мин.

Во все времена дом хранил дух своего хозяина, кто становился во главе дома — тот и менял его по своему характеру, так же как правитель меняет свое государство. Единственным неизменным оставалось старое дерево софоры, сдвинуть его смерти подобно — при всем желании не выйдет. Как говорил знающий человек, живший во времена Гуансюй¹, испокон веков сначала строили дом, а потом сажали дерево — и никогда наоборот.

Узнай мы, сколько лет назад было посажено дерево софоры, узнали бы и возраст усадьбы. Как подсчитали понимающие толк в деревьях, старой софоре никак не меньше трехсот лет. Если это верно, то дом, должно быть, был построен во времена правления императора Ваньли династии Мин². Но это всего лишь время начала его строительства. Декоративные элементы, вырезанные на камне на воротах и стене у входа — все эти «украшательства», очевидно, появились после перестройки усадьбы. Приблизительно во времена правления Даогуан³ в усадьбе жил один торговец, занимался покупкой и перепродажей морепродуктов, не гнушаясь никакого заработка, сколотил огромное состояние, и обуяла его страшная гордыня, поэтому неудивительно, что он украсил дом и золотом, и серебром, будто сияющий бриллиант. Он думал было снести усадебные ворота и построить заново, выше на шесть чи⁴; и целиком заменить пол в комнатах и во дворе. К счастью, его жена вечно жаловалась на птиц, живущих в кроне софоры, их помет то и дело оказывался на теле и одежде; потому он

---

¹ Император династии Цин, 1871-1908 гг. В Китае император, взошед на престол, выбирал девиз правления, обозначающий какой-то благоприятный принцип, и после смерти он оставался известен под своим девизом, а не под личным именем. Так, Айсиньгоро Цзайтянь правил и вошел в историю под девизом «Гуансюй», что означает «славная преемственность».

² Ваньли — девиз правления одного из императоров династии Мин, 1572-1620 гг.

³ 1821–1850 гг., император династии Цин.

⁴ Традиционная китайская мера длины, 1/10 чжана, состоит из 10 цуней. На протяжении истории величина чи менялась, в указанный период во времена династий Мин и Цин была рана ~34 см.

передумал и купил большой пустырь на улице Ляндяньхоуцзе в провинции Хэбэй, построил там новый дом да переехал.

Повезло старой усадьбе, что ей не навредили.

Поворотное событие в судьбе усадьбы произошло в тот момент, когда она перешла в руки старика Оуяна, который приехал из уезда Цыси провинции Чжэцзян открывать лавку, торгующую бумагой. Старик Оуян зазя ничего не делал. Ему приглянулась эта усадьба: скрытые в ее старых стенах солидность, спокойствие, изысканность, отполированные до блеска кирпичики и увитые виноградом окна, а в особенности — изумительная старая софора.

Хотя Оуян и был торговцем, но выходцем из интеллигентной семьи, как и большинство торговцев провинции Чжэцзян. К югу от реки Янцзы — так современники называли территории двух провинций, Цзянсу и Чжэцзян — по наследству передавалась любовь к литературе. Но в отличие от жителей Цзянсу, которые не выпускали из рук кисть и тушь и занимались либо писательством, либо живописью, в Чжэцзяне все были или чиновниками, или торговцами: половина из выбравших ученый путь, шли на государственную службу, а половина — открывали лавки. Только в одном уезде Цыси — на родине Оуяна — степень цзиньши¹ получили пятьсот человек. По этой причине большинство чиновников в Чжэцзяне служили гражданскими чинами, а торговцы были образованными и разбирались в нормах конфуцианства. Пусть внешне они и заняты были лишь зарабатыванием денег, но дом всегда был полон аромата книг и туши для письма. Хотя старик Оуян и не стал перестраивать старую усадьбу, но полностью заменил аляповатые вульгарные украшения из резьбы по дереву, что висели снаружи дома. Убрал драгоценные сосуды, наполненные медными монетами с квадратными отверстиями и на их место повесил картины: «Рыбак, дровосек, земледelec и ученый»², «Четыре благородных цветка: слива, орхидея, бамбук и хризантема», а также обустроил место для игры на цине, шахмат, занятий каллиграфией и живописью³. Он удалил все безвкусные нагромождения, сделанные предыдущими хозяевами, вернув усадьбе ее чистый, совершенный первоначальный вид. Он понимал, что нынешнему веку при Цинах не доставало изящества династии Мин, оставив старые вещи, он сохранил старинный дух усадьбы.

Ему, как хозяину дома, полагалось бы жить в покоях в самом дальнем внутреннем дворе, но два крайних двора были самыми тенистыми: старая софора полностью скрывала их от солнечных лучей. Старик Оуян любил выращивать цветы и поселился в первом дворе. Сюда с утра и до вечера заглядывало солнце, даря свет, который так нравится цветам.

---

¹ Высшая учёная степень в системе государственных экзаменов кэцзюй. Экзамены на цзиньши проводились в столице Пекин, в них принимали участие экзаменуемые, успешно сдавшие экзамены первых двух уровней: в уезде и провинции.

² Четыре благородные профессии в традиционной культуре императорского Китая.

³ Игра на цине, шахматы, каллиграфия, живопись — четыре занятия ученого.

В главном доме на переднем дворе располагались одна проходная комната и две непроходные справа и слева от нее; комната в центре — гостиная — с высокими потолками и большими окнами, раньше служившая приемной, была просторной и уютной. Однажды старик Оуян сидел в своей гостиной, смотрел в окно, разглядывая тени от софоры во дворе, будто нарисованные черной тушью на белой бумаге — как красиво. Из всех поэтов, и древних, и современных, его больше всего впечатлял Су Ши¹. Неудивительно, что ему сразу вспомнилась строка из стихотворения Су Ши «Ода дому под тремя софорами»:

*«...Двор утопает в тени
Кроны софоры густой ...»*

Эта строчка так подходила его усадьбе, что он упросил известного во всем городе каллиграфа Чжао Юаньли написать для него иероглифы «Дом в тени софоры». Не пожалев денег, он пригласил знаменитого мастера резьбы по дереву Чжу Синляня, чтобы тот выгравировал эти слова на деревянной доске, которую покрыли специальным лаком, а сами иероглифы — позолотой; картину повесили в гостиной, в центре стены напротив входной двери — комната сразу стала выглядеть богаче и элегантнее, отражая сильный характер ее хозяина. Воодушевившись, он также установил на входе в гостиную резные ворота. Плотников пригласил издалека — со своей родины в уезде Цыси — которые изготовили ворота в традиционном стиле тех мест. Естественный цвет дерева, без добавления лака, своей простотой и изысканностью навевал воспоминания о былых временах.

Перевод Виктории Павловой (Халанской) (weiduolia22@yandex.ru). Выпускница НИУ ВШЭ по специальности «востоковедение» (2016) и Renmin University of China (2018) по специальности «журналистика». Влюблена в китайский язык и литературу с первой пары в университете больше 10 лет назад. С художественным переводом познакомилась в 2021 году, приняв участие в мастерской по переводу с китайского языка Алины Перловой в Школе Азарт. Перевод на конкурс — первый опыт самостоятельного художественного перевода. Перевод занял третье место в номинации «китайская проза» (2022)

Фэн Цицай. Подзорная труба (отрывок)

Сто с лишним лет назад этот дом ещё существовал, а сто лет назад его уже не стало. Это значит, что никто из ныне живущих людей не видел его собственными глазами.

В Тяньцзине² того времени не взглянуть на этот дом означало лишить себя услады для глаз. Всё равно, что отказаться от удовольствия послушать

---

¹ Су Ши (1037–1101 гг.) — поэт, художник, каллиграф и государственный деятель эпохи Сун.

² В настоящее время третий по величине город Китая, является одним из четырёх городов центрального подчинения, расположен в северной части страны недалеко от Пекина. — *Здесь и далее примечания переводчицы.*

«Обо всём и ни о чём»¹ в исполнении Лю Ганьсань² или же отведать жареной рыбьей кожи в доме Бянь³ из Восьми великих мастеров⁴. Но, пожалуй, если сравнивать, то наслаждение от созерцания этого дома всё-таки было сильнее.

Рассказывают, что в те времена, когда дом ещё был, один иностранец, стоя напротив, замороженно смотрел на него, затем поднял фотокамеру и — щёлк — сделал снимок. Люди, что видели ту фотографию, были также поражены. Сам по себе дом вовсе не был каким-то диковинным: средних размеров усадьба сыхэюань⁵ с тремя дворами. Удивительным было то, что во втором дворе разрослось небывалых размеров дерево японской софоры, которое своей густой массивной кроной, словно огромным зонтом, накрывало не только центральный двор, но и два других, передний и задний, а также комнаты окружающие их. Как думаете, какой могла быть жизнь в таком доме? Во всяком случае под защитой этого исполина не страшны ни проливной дождь, ни свирепый ветер, ни палящее солнце. Благодать в любое время года. Нет нужды беспокоиться о погоде. Тихая и спокойная жизнь. В Тяньцзине во всех домах со внутренними дворами с приходом нестерпимой жары знойного лета устраивают огромные навесы из сосновых столбов и циновок, чтобы укрыть двор от палящего солнца. А этой семье он был не нужен. Раскидистая софора сама и есть естественный навес, не говоря уж том, как она была прекрасна во время цветения!

Ежегодно в мае дерево полностью покрывалось цветами. Каждый раз, когда наступало это время, усадьба становилась похожей на гигантский цветочный горшок, видневшийся из далека среди множества однотипных домов серого кирпича северной части города. Ветер очень далеко уносил благоухание цветов софоры. Так, если дул юго-восточный ветер, то аромат этих цветов смешивался с запахом благовоний, возжигаемых в храме Чэнхуан⁶. А когда дул северо-западный ветер, аромат софоры примешивался к фимиаму, который воскуривали миряне напротив военной части. В течение дня самый сильный аромат софора источала с утра и вечером: во время открытия и закрытия городских врат. Об открытии и закрытии городских ворот возвещал колокол с Барабанной башни⁷, и тогда благоухание цветов сливалось воедино с долгими ударами башенного колокола.

Всё-таки это был звон в аромате или аромат в звоне?

---

¹ Название спектакля пекинской оперы. Эта пьеса была представлена при дворе императора Цзайтянь династии Цин. Роль Чоу исполнял Лю Ганьсань.

² 1817–1894 гг, известный актер пекинской оперы времен династии Цин, исполнитель ролей Чоу (клоун, шут), уроженец города Тяньцзинь. Прослыл дерзким и острым на язык исполнителем.

³ Одна из восьми богатейших и влиятельнейших семей Тяньцзиня.

⁴ Восемь наиболее богатых и влиятельных семей Тяньцзиня. Состав семей менялся в зависимости от периода истории, но количество оставалось неизменным.

⁵ букв. «четыре с общим двором» — тип традиционной китайской жилой застройки, при котором четыре здания помещаются фасадами внутрь по сторонам прямоугольного двора. Внутренне пространство также поперёк разделяется жилыми комнатами, образуя несколько дворов разной величины: внешние — поменьше, внутренние — побольше.

⁶ Храм божества-хранителя города.

⁷ Она же башня Гулоу.

Тогда что на счет семьи, которая жила под укрытием такого великана? Как прекрасно должно быть вдыхать этот аромат, как сладко спать! Жители северной части города говорили, что когда кто-то из этой семьи выходила из дома, они сами источали благоухание софоры. А в конце цветения одно лишь дуновение ветра — и вся черепица и двор покрыты слоем белых лепестков, словно выпал снег. Сегодня смели, завтра — снова всё усыпано. Девушкам из этого поместья стоило лишь немного постоять во дворе, как на их смоляные волосы тут же опали несколько чуть желтоватых или зеленоватых бутонов софоры, словно изысканные украшения. Кроме того, в этот период, из нескольких старых городских аптек приходили люди с мешками, чтобы набрать цветов софоры японской. Потом, продавая их горожанам в своих лавках, аптекари с удовольствием отмечали: «А ведь это цветы с дерева семьи Оуян, что на улице Фушу!»

У семьи Оуян никогда не было недостатка в цветах софоры, и это больше всего радовало главу поместья.

Каждый раз с приходом сезона опадения лепестков господин Оуян больше всего любил брать пустую чайную чашу, снимал крышку, ставил её на каменный столик во дворе и наливал кипяток. Больше он ничего не клал. Немного погодя, несколько цветков непременно тихонько опускались в чашу. Лепестки слегка расправлялись, завариваясь в горячей воде, и чашка ароматного чая из софоры японской готова к употреблению в любое время...

Чудеса обыденны, обыденность чудесна.

Действительно ли был такой дом? Тогда почему его потом не стало? Куда подевалась та семья? А где же то необъятное старое дерево японской софоры? Кто же мог переместить такое огромное дерево? Разве иностранец не сделал снимок этого дома? Так где же он сейчас? Боюсь сейчас, даже людей, видевших этот снимок, разыскать не удастся.

Но почему же непременно надо увидеть тот снимок? Ведь фотография это всего лишь картинка, на которой остался след человека. Как много лет и истории она может сохранить? Чтобы узнать подробности и факты, придётся полагаться на надпись внизу.

В общем, так или иначе, самым неясным остается возраст этого старого дома. В начале говорилось, «сто с лишним лет назад ещё существовал», это значит, что ему гораздо больше, чем сто с лишним лет.

Кто-то говорит, что он появился во времена династии Мин¹, а кто-то — что его построил один торговец солью в начале эпохи Цин². Никто не может точно поведать историю появления этого дома. Во всяком случае, тот торговец солью потом съехал. Усадьба многократно переходила из одних рук в другие, меняла хозяев, и также несколько раз перестраивалась. В результате в доме стало сложно отыскать что-то из эпохи Мин. И лишь две вырезанные из камня головы тигра в основании колонн главных врат несут явную атмосферу периода династии Мин.

---

¹ 1368–1644 гг.

² 1644–1911 гг.

Дом всегда определяется характером хозяев. Каждый хозяин распоряжается своим жилищем по собственному усмотрению, так же как и правитель — страной. И лишь старое дерево японской софоры стоит недвижимо во дворе усадьбы. Захочешь — не подвинешь, а и попытаешься — погубишь. Во времена Гуансюй¹ один мудрый человек заметил: издревле сначала строят дом, затем сажают дерево, и не сажают сначала дерево, а затем строят дом.

Значит если узнать возраст той софоры, то станет понятно, когда была построена усадьба. Тогда один специалист по деревьям заявил, что этой софоре должно быть по меньшей мере три сотни лет. Так определилось примерное время постройки дома: период Ванли² династии Мин. Однако это говорит лишь о том, что к данной эпохе относится только начало строительства. Если же взглянуть на резьбу главных врат и входного экрана³, то очевидно, что всей этой «красотой» дом «наградили» позже, во времена многочисленных реконструкций и переделок. В период Даогуан⁴ здесь проживал один торговец дарами моря, несметно богатый и высокомерный настолько, что был не прочь «нарядить» дом как можно богаче, дабы даже слепые могли узреть его величие. Изначально он хотел разобрать главные ворота и возвести их заново, увеличив высоту на шесть чи⁵, полностью заменить напольную каменную плитку как в комнатах, так и во дворах. К счастью, жена торговца терпеть не могла птиц, что постоянно сидели в кроне старой софоры, ведь на неё то и дело попадал их мерзкий помёт. Они передумали жить здесь, купили огромный пустой земельный участок за зерновой лавкой в Хэбэе⁶, построили новый дом и съехали.

Можно сказать, что дому повезло, и его не изуродовали.

Когда этот дом попал в руки господина Оуяна, который прибыл из уезда Цыси провинции Чжэцзян⁷, чтобы открыть здесь бумажную лавку, в его судьбе настала белая полоса. Новый хозяин не творил с усадьбой всяких глупостей. Это имение приглянулось ему за особую массивность, глубину, спокойствие и элегантность старого дома с долгой историей, за выдавшие виды стены кирпичной кладки, за окна затянутые девичьим виноградом, но особенно — за удивительную древнюю софору.

Несмотря на то, что господин Оуян был торговцем, он, как и большинство купцов Чжэцзяна происходил из интеллигентной семьи.

---

¹ «Славная преемственность» — девиз царствования последнего императора династии Цин 1875-1908 гг.

² «Бесчисленные годы» — девиз правления императора династии Мин, в 1572–1620 гг.

³ Традиционный элемент в жилищах типа сыхэюань, представляющий собой деревянный или каменный заградительный экран, устанавливаемый либо снаружи перед входными воротами, либо за воротами изнутри, непосредственно внутри двора. Предназначался для защиты внутреннего пространства от посторонних взглядов и злых духов.

⁴ «Целенаправленное и блестящее» — девиз правления императора династии Цин, в 1820–1850 гг.

⁵ Мера длины равная 1/3 метра.

⁶ Провинция в Китае. Полностью окружает территории городов центрального подчинения Пекин и Тяньцзинь.

⁷ Провинция на востоке Китая. Расстояние до Тяньцзиня более 1000 км.

Цзяннань, именуемый в народе «талантливым»¹, главным образом подразумевал две провинции: Цзянсу² и Чжэцзян, в которых крайне серьезно относились к образованию. Отличие меж ними было в том, что жители Цзянсу более тяготели к сочинительству и изобразительному искусству: все сплошь поэты и живописцы. Чжэцзянцы же в свою очередь отдавали предпочтение государственной службе и торговле и, получив образование, становились либо чиновниками, либо купцами. Только из его родного города Цыси за предыдущие династии вышло пятьсот цзиньши³. По этой причине Чжэцзянские чиновники в большинстве своем настоящие гражданские служащие, а торговцы — образованные профессиональные бизнесмены. Пусть по роду деятельности они и были заняты лишь приумножением богатства, но их семьи отнюдь не испытывали недостатка в образованности и интеллигентности. Хотя мы и говорили, что господин Оуян не обновлял старый дом, он все же полностью сменил всю ту безвкусную каменную и деревянную резьбу, убрал все денежные деревья и сосуды с драгоценностями⁴, заменив всё это четырьмя уважаемыми профессиями⁵, четырьмя занятиями ученого⁶, четырьмя благородными растениями⁷ и восемью даосскими святыми⁸. Он лишь избавился от всей той безвкусицы и вульгарщины, что понастроили и поналепили здесь многочисленные предыдущие владельцы, вернув дому его первоначальное величие и спокойствие. В душе он прекрасно понимал, что изящная атмосфера империи Мин была полностью уничтожена манчжурами⁹, ибо былые вещи придают былую уверенность.

Господину Оуяну, как главе семьи, полагалось жить во втором, центральном, дворе, но второй и третий дворы были очень затенены раскидистой софорой. Хозяин поместья увлекался выращиванием цветов, и посему занял покои в первом дворе¹⁰. Сюда утром и вечером попадали косые солнечные лучи: любимое освещение для многих цветов.

---

¹ Во времена различных династий данный регион подарил Китаю множество известных и успешных деятелей разных областей: каллиграфы, поэты, писатели, живописцы, ученые и чиновники. В китайском языке есть несколько устойчивых выражений описывающих тех или иных именитых выходцев из этой местности. Например, четыре великих таланта (династии Мин) из Цзяннань: поэт Тан Боху, каллиграф и поэт Чжу Чжишань, художник и каллиграф Вэнь Чжэнмин, писатель Сюй Чжэньцин.

² Провинция в Китае, расположенная на берегу Желтого моря. На юге граничит с провинцией Чжэцзян.

³ Высшая ученая степень в системе государственных экзаменов.

⁴ Символ богатства и изобилия, представляющий собой горшок, наполненный монетами, золотыми слитками и другими драгоценностями.

⁵ Рыбак, дровосек, земледелец и учёный.

⁶ Игра на цине, шахматы, каллиграфия, живопись.

⁷ Слива, орхидея, бамбук, хризантема.

⁸ Хань Чжунли, Ли Тегуай, Чжан Го-лао, Хэ Сяньгу, Лань Цайхэ, Люй Дунбинь, Хань Сянцзы, Цао Гоцзю.

⁹ Имеется в виду династия Цин 1644–1911 гг.

¹⁰ Традиционно, из-за недостатка солнечного света, помещения в первом дворе сыхеюаней отводились для приема гостей, трапез, обучения, кроме того, здесь могли располагаться комнаты слуг.

Главное здание переднего двора представляло собой дом с проходной гостиной посередине и двумя непроходными комнатами по бокам. Центральный зал изначально предназначался для приема гостей: высокий потолок, широкие двери и окна, просторная и спокойная обстановка. Однажды, сидя в зале, господин Оуян обратил внимание на растянувшиеся по всему саду тени деревьев, словно нарисованные тушью. Очень живописно. Среди поэтов древности и современности он больше всего любил Су Ши¹. Естественно, хозяину дома тут же вспомнилась фраза из произведения любимого поэта «Три софоры»: «...тень софоры накрыла двор...», ведь она так подходила его саду. Тогда господин Оуян обратился к известному в Тяньцзине мастеру Чжао Юаньли с просьбой изготовить ему табличку с надписью «Зал тенистой софоры». Затем он заплатил немало денег, дабы пригласить почтенного резчика Чжу Синляня выгравировать эти иероглифы на табличке из твердого дерева, покрыть лаком, а поверхность иероглифов позолотить. Этой табличкой хозяин украсил стену, выходящую на главный зал, что сделало здешнюю атмосферу богатой, изящной, полной жизненной силы. Это настолько воодушевило господина Оуяна, что двери в свой дом он тоже решил облагородить изящной резной аркой тонкой работы. Для выполнения этих работ плотник был приглашен издалека, из родного города господина Оуяна Цыси. Арка была исполнена в превосходном стиле юнцзо² без покрытия цветным лаком. Естественный цвет древесины делал её скромной, но изысканной, а ещё придавал легкий оттенок ностальгии.

Перевод Ирины Дыбец (irina_dybec@mail.ru). Живет в городе Губкинский ЯНАО. Преподает детям китайский язык. Любит читать художественную литературу на китайском языке. В конкурсе переводчиков участвовала впервые; оказалось очень интересно и трудно, поскольку понимать текст и делать его понятным для других читателей — совершенно разные вещи. Перевод занял третье место в номинации «китайская проза» (2022)

КИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

蔡其矫 《距离》
在现实和梦想之间，
你是红叶焚烧的山峦，
是黄昏中交集的悲欢；
你是树影，是晚风，
是归来路上的黑暗。

---

¹ 1037–1101 гг., поэт, эссеист, художник, каллиграф и государственный деятель эпохи Сун; также известен как Су Дунпо.

² Один из традиционных способов изготовления деревянной мебели и других деревянных предметов, зародившийся в городе Нинбо провинции Чжэцзян.

在现实和梦想之间，
你是信守约言的鸿雁，
是路上不预期的遇见；
你是欢笑，是光亮，
是烟花怒放的夜晚。

在现实和梦想之间，
你是晶莹皎洁的雕像，
是幸福照临的深沉睡眼；
你是芬芳，是花朵，
是慷慨无私的大自然。

在现实和梦想之间，
你是来去无踪的怨嗔，
是阴雨天气的苦苦思念；
你是冷月，是远星，
是神秘莫测的深渊。

Цай Цицзяо. Промежуток

где-то посередине   между явью и сном,
ты — в пламенеющих листьях пылающий склон,
с хохотом слившийся в сумерках горестный стон;
ты — шумного дерева сень, ветер ночной,
мрак, над вечной дорогой висящий с дремучих времен.

где-то посередине   между явью и сном,
ты — дикий гусь, для которого верность — закон,
встреча в дороге случайная как смутный сон;
ты — искренний радостный смех, свет огневой,
ночь, распускающая фонари за бутоном бутон.

где-то посередине   между явью и сном,
ты — изваяния бледный прозрачный хитон,
счастья лучом озарённый глубокий сон;
ты — благоуханный дух, цвет полевой,
щедрая всеблагая природа праматерь канон.

где-то посередине   между явью и сном,
ты — беспричинной обиды забытый резон,
воспоминаний томление пасмурным днем;

ты — льющая холод луна, звезда над луной,
непостижимой волнующей тайны бездонный каньон.

Перевод Елены Ким (kimsky2000@mail.ru). Живет в городе Бишкек (Киргизия). Окончила музыкально-хореографическое училище. Профессиональный любитель во всех занятиях, связанных со звуком (музыка в ее бесчисленных проявлениях), изображением (графика, фото, видео) и словом (иноязычным в том числе). Зарабатывает на жизнь уроками английского, корейского и прочих языков. Никогда не занималась поэтическим переводом специально и намеренно. Начиная с 2019 года успешно участвует в конкурсе им Э. Л. Линецкой. Перевод занял первое место в номинации «китайская поэзия» (2022)

Цай Цицзяо. Расстояние

На перепутье между грёзами и явью
Ты — пик, горящий пламенем листвы,
И счастье, и тоска полночного свиданья,
Ты — тень дерев, ты — дуновенье тьмы,
Мрак томного до дома расстоянья.

На перепутье между грёзами и явью
Ты — дикий гусь¹, что обещание хранит,
Ты — встреча, не предвиденная далью,
И смех задорный, света монолит,
Ночь разноцветного салютного мерцанья.

На перепутье между грёзами и явью
Ты — статуя хрустальной чистоты,
Глубокий сонный взор, открытый счастьем,
Ты есть благоуханье и цветы,
Природа щедрая, пылающая страстью.

На перепутье между грёзами и явью
Ты есть обида, исчезающая вмиг,
Глубокая печаль погодного ненастья,
Ты — лунный хлад, звезды далёкой блик,
Пучина волшебства и тайны сласти.

Перевод Татьяны Повидишевой (t.povidisheva@mail.ru), студентки 3 курса (бакалавриат) филологического факультета, направление «Лингвистика», РУДН, Москва. Со школы пишет стихи и изучает иностранные языки. Планирует и дальше заниматься переводом и пробовать себя в различных его направлениях. Всей душой любит Китай и вдохновляется его культурой. Перевод занял второе место в номинации «китайская поэзия» (2022)

---

¹ В китайской поэзии образ гуся трактуется по-разному и символизирует широкий ряд понятий: от любви и счастья до одиночества и потери. В данном стихотворении дикий гусь является символом верности, далёких расстояний. — *Прим. пер.*

**ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПЕРЕВОДА В ДОНБАССЕ**

**Материалы конкурса «Мои первые переводы»
(Донецк, ДНР, 2020, 2022, 2023)**

Lawrence Sail. The Fullness of Glory

What narrative can move the silence on,
What silence appropriate the cries
Of those abandoned day after day by any
Hope of simple justice or of mercy?
It is more than our curiosity
Which betrays us. Yesterday, how peacefully
The stars shone! And any fruit, cut open,
Models the pure cosmology of perfection.

Propped on the Easter altar, the book still trails
Its markers of gold fire, imperial purple,
Dark crimson. Each week, from its spread pages,
Is read Heaven and earth are full of Thy glory.
The contexts accrue — another starving child
Hunching over the wreck of its own poor bones;
And, after stories censored by curt gunfire,
Accusations that hang like smoke in the silence.

Лоуренс Сэйл. Полнота Славы

Как говорить, чтоб воцарилась тишина?
Когда молчание слышнее криков
Тех, кто надеялся напрасно
На справедливость или милосердие?

Ведь нечто большее, чем любопытство,
Нас выдаёт... А вчера как мирно
Сияли звезды! И, разрезан пополам,
Плод был как образ мирового совершенства.

Гляди, на алтаре Пасхальном книга
Сияет золотым огнём пурпурным.
По воскресениям гласят ее страницы:
«Полны земля и небеса славы Твоей».

Но вот еще один детёныш,
Голодный, сгорбился комочком хрупким.
А правда подвергается цензуре,
И приговоры тают дымом в тишине.

*Перевод Анны Павловой (pavlova_ekonom@mail.ru), ученицы 11-А класса МОУ
«Шахтёрская гимназия», Шахтерск*

Лоуренс Сэйл. Полнота славы

Как говорить, чтобы молчанье длилось?
Когда же тишина слышнее плача
Тех, кто напрасно возлагал надежды
На справедливость или милосердие?

Это больше, чем просто интерес,
Нас выдаёт... А как приветливо еще вчера
Сияли звёзды! И раскрытый пополам,
Плод был как идеальный образ мироздания.

На алтаре пасхальном распростёрта,
Багрянцем золото-огнистым сияет книга.
И еженедельно ее страницы возвещают:
«Полны небо и земля славы Твоей!».

Аминь! Но посмотри — опять ребенок,
Съёжившись, от голода умирает.
Здесь правду поверяют пулемётом,
И застывают дымом приговоры в тишине.

*Перевод Яны Сиверской (3010653@gmail.com), ученицы 11-Б класса МОУ № 4,
Макеевка*

Лоуренс Сэйл. Полнота славы

Какой рассказ нарушит тишину,
Какая тишина уместна плачу
Покинутых надеждами на суд,
Тех самых, что помилованья ждут?

Суть глубже, чем хранит наш интерес —
Безжалостный предатель. А вчера
Какою яркою в ночи взошла звезда!
Как совершенен ровный срез плода!

Вот книга на пасхальном алтаре,
В ней золото, имперский фиолет,
Багрец. И раз в семь дней — завет —
Читай: «Залил мир славы свет.»

Контекст точней — голодное дитя
Сгибается в пыли своих костей;
И, как рассказ пройдёт сквозь ценз огней,
Вина повиснет дымом в тишине.

*Вольный перевод Анны Кретовой (dsfnh-17@mail.ru), ученицы 11 класса
специализированной физико-математической школы № 17, Донецк*

Лоуренс Сэйл. Полнота славы

Как нужно говорить, чтоб воцарилась тишина,
Когда она звучит гораздо громче плача?
Того, кто зря отрёкся от надежды, веры
В простую справедливость или в милосердьё.

И это нечто больше любопытства,
Что нас обычно выдаёт. Вчера ещё звезда
была так ярка! И фрукт, что я разрезал пополам,
Напоминал мне образ совершенства мира.

Но всё ещё на алтаре пасхальном
сияет книга та своим пурпурным цветом,
И каждый день я в ней читаю:
«И небо и земля полны Твоею славой!»

Но безысходность нарастает — вот ещё один ребёнок,
От голода согбенный, умирает;
Тут правду слов проверят пулеметом,
А обвинения погрязнут в тишине.

*Перевод Елизаветы Крюченко (kryuchenko02@bk.ru), ученицы
специализированной школы № 11 с углубленным изучением английского языка, Донецк*

Лоуренс Сэйл. Полнота Величия

Что за рассказ продолжит тишину,
Что за безмолвие скрывает крики
Об уходящей с каждым днем во тьму
Надежде на отзывчивость и справедливость?

Не просто любопытство против нас.
А ведь вчера светились мирно звезды!
Плоды ж, разрезанные пополам,
Собою отражали чистый Космос.

На алтаре простерта книга, вся
В цветах огня и царского багрянца.
С ее страниц мы каждую неделю узнаем
О Твоей славе на земле и в небе.

Обрывки образуют полотно — еще одно
Голодное дитя, комочек из костей, при смерти.
Историю заглушит резкий выстрел,
А обвинения повиснут дымом в тишине...

*Перевод Галины Фрейман (gfrejman@gmail.com), ученицы 10-Б класса
гимназии № 6, Донецк*

Лоуренс Сэйл. Блаженство Славы

Какой рассказ услышит тишина,
Какая тишина мольбе присуща
Того, кто день за днём надежду потеряв
На милосердие и прощенье уповаает?

И наше любопытство предаёт нас.
Ещё вчера сияли мирно звёзды,
И скрытое внутри запретного плода
Являло совершенство мирозданья.

И книга на Пасхальном Алтаре,
Что золотым огнём сияет и багрянцем,
Страницами своими возвещает:
Земля и Небеса полны Твоею славой.

А вот смотри — голодное дитя,
Что, съезжившись комочком, молча умирает,
И после всех историй, как пушечный огонь,
Вина повисла в воздухе, безмолвная, как дым.

Перевод Данила Гринько (dgrinko03@mail.ru), ученика школы № 9, Донецк

Лоуренс Сэйл. Полнота славы.

Каким рассказом вызвать тишину,
Ту тишину, что равносильна плачу
Покинутых в потоке дней любую
Надеждою на правосудие иль милосердьё?

Все это больше, чем простое любопытство,
Нас выдающее. Вчера как мирно сияли звезды!
И каждый плод, надвое разделенный,
Показывает совершенство мира.

Разложена на алтаре Пасхальном книга,
Ее страницы золотом сияют, и пурпуром,
И темно-красным, еженедельно возвещая,
Что небо и земля полны Твоею славой.

И связи множатся — опять малыш голодный,
Ссутулился над собственным скелетом;
И после тех стрельбой поверенных историй
Все обвиненья виснут словно дым в тиши.

*Перевод Александра Поливцева (polivtsev03@mail.ru), ученика 11-Б класса МОУ
№ 4, Макеевки*

Лоуренс Сэйл. Вся полнота триумфа

Какой рассказ продвинет тишину,
Какая тишина сопоставима с криком
Людей, оставленных любой надеждой
На справедливость или же на милость?

И это более, чем наше любопытство,
Которое нас подвело. Сияли звезды
Вечером так мирно! И плод разрезанный
Воссоздает чистейший идеал.

Разложена на алтаре пасхальном, книга
Полна огнем златым, малиновым, пурпурным.
Ее раскрытые страницы каждую неделю возвещают,
что **Небо и земля полны Славы Твоя.**

Смысл нарастает: вот очередное голодное дитя
Сжалось на обломках собственных костей;
Истории стрельбой цензуре подвергают,
И виснут обвиненья в тишине, как дым.

*Перевод Елены Генераловой (alenushka.gen@gmail.com), ученицы 10-А класса
школы № 147, Донецк*

Лоуренс Сэйл. Полнота славы

Как говорить, чтоб тишина настала,
Какая тишина созвучна крикам
Тех, кто надеялся напрасно
На справедливость или милосердие?

Увы, что выдает нас, как не любопытство?
А как приветливо вчера сияли звезды!
И пополам раскрытый плод,
как образ мирового совершенства.

Горит багрянцем книга на алтаре пасхальном,
Страницы книги каждую неделю повествуют,
Что полны славой небо и земля Твоей.

Ребенок, съезжившись, от голода погибнет.
Здесь правду поверяют пулеметом,
И загустеют дымом приговоры в тишине.

*Перевод Анастасии Гуляевой (nastya1234gul@gmail.com), ученицы 11 класса
английской филологии Лицея ДонГУ, Донецк*

Amy Lowell (1874–1925). The Letter

Little cramped words scrawling all over the paper
Like dragged fly's legs,
What can you tell of the flaring moon
Through the oak leaves?
Or of my uncertain window and the bare floor
Spattered with moonlight?
Your silly quirks and twists have nothing in them
Of blossoming hawthorns,
And this paper is dull, crisp, smooth, virgin of loveliness
Beneath my hand.

I am tired, Beloved, of chafing my heart against
The want of you;
Of squeezing it into little inkdrops,
And posting it.
And I scald alone, here, under the fire
Of the great moon.

Эми Лоуэлл (1874–1925). Письмо

Судорожно и мелко исписанный лист бумаги,
Словно мазня, оставленная лапками мухи.
Что можешь знать ты о лунном сиянии
Сквозь крону дуба?
Или о контурах окна в полутьме
И россыпи бликов лунного света на голом полу?
Твои жалкие трюки и изыски так далеки
От цвета боярышника.
Этот клочок бумаги под моей рукой
Прекрасен в своей блёклости, свежести, гладкости и девственности.

Любимый, я так уже устала натирать на сердце мозоли
От желания быть с тобой;
Сжимать его до мелких чернильных капелек,
И отправлять по почте,
И сгорать в одиночестве, в огне
Великой луны.

Перевод Михаила Паллона (zobova@rambler.ru), ученика 11 класса школы № 96, Донецк

Эми Ловелл (1874–1925). Письмо

Тесный ряд крохотных слов царапает бумагу
Словно лапки пойманной мухи,
Что ты можешь рассказать о мерцании луны
Сквозь дубовые листья?
Или о моём ветхом окне и голом полу,
Забрызганных лунным светом?
В твоих глупых капризах и ухищрениях
Нет ничего от цвета боярышника,
И эта бумага пуста, резка, гладка, девственно красива
Под моей рукой.

Я устала, любимый, изводить свое сердце
Желанием,
Выжимать его в капли чернил
И отправлять почтой.
И я обжигаюсь одна, здесь, под огнём
Великой луны.

Перевод Софии Завязкиной (sofiya-z@mail.ru), ученицы 10 класса школы № 64, Донецк

Эми Лоуэлл (1874–1925). Письмо

Маленькие скомканные слова разбросаны по всей бумаге,
Как запутавшиеся лапки мух,
Что можно рассказать о луне, сверкающей
Сквозь дубовые листья?
Или о моем тусклом окне и голом полу,
Залитом лунным светом?
В твоих странных причудах и капризах нет ничего
От цветущего боярышника,
И эта бумага скучная, чистая, ровная, девственно прекрасная
Под моей рукой.

Я устал, любимая, терзать свое сердце,
Желая тебя,
Выдавливает маленькие чернильные капли
И посылать тебе.
И я сгораю в одиночестве, здесь, под пламенем
Огромной луны.

*Перевод Вадима Скигина (malosolnyjigor@gmail.com), ученика 11 класса школы № 96,
Донецк*

Эми Лоуэлл (1874–1925). Письмо

Ничтожные, невзрачные слова
Разбросаны по всей бумаге,
Как будто чьи-то странные следы.
И та луна среди листов багряных дуба....
Чем ты нарушишь шёпот тишины,
Таящейся в моём затерянном окне?
Что скажешь ты следам луны,
Разлитым на полу во тьме?
Твои причуды и уловки давно уже забыты мной.
В них смысла нет, но ведь живет без смысла
Боярышник, цветущий тихо под луной.
И этот белый лист так ровен, ясен, скучен,
Что, кажется, забрал все мысли.
Любимый, я от запрета на любовь устала
И от замков, что сердце мне сковали.
В слова устала сердце заключать
И от чужого, мне не нужного вниманья.
Здесь, под огромною луной, одна,
Я обжигаюсь одиночества страданьем.

*Вольный перевод Анны Чистоклетовой (aurepearl09@gmail.com), ученицы 11-А
класса школы № 101, Донецк*

Эми Лоуэлл (1874–1925). Письмо

Маленькие каракули небрежно разбросаны по всей бумаге,
Словно волочащиеся лапки мух.
Что вы можете сказать о сияющей
Сквозь дубовые листья луне?
Или о моём неприметном окне или голом полу,
Забрызганном лунным светом?
В твоих глупых причудах и капризах нет совсем ничего
От цветущего боярышника,
А эта бумага монотонная, хрустящая, плавная, девственно очаровательна
Под моей рукой.

Я уставший, влюбленный, терзаю своё сердце
Желанием;
Сжимаю его в маленькие чернильные капельки
И записываю это.
Я — одиночка, здесь, под обжигающим огнём
Этой восхитительной луны.

Перевод Дарьи Шолом (sholomdasha6@gmail.com), ученицы 10 класса школы № 21, Донецк

Эми Лоуэлл (1874–1925). Письмо

Слова, трепещущие на бумаге,
подобны мошкаре.
Как можно описать сияние луны
сквозь листья дуба?
Иль пола пустоту, или изменчивость окна
укрытых лунным светом?
Нет ничего в твоих причудах
от цветения боярышника.
И только девственно прекрасная бумага
скучает и хрустит от моих рук.
Я утомлён терзаньем сердца от любви к тебе.
Устал рвать сердце на кусочки и слать тебе в письме,
И я сгораю одиноко в лучах луны.

Перевод Ксении Нигмедзяновой (ngmdznv@yandex.ru), ученицы 10-Б класса школы № 50, Горловка

Эми Лоуэлл (1874–1925). Письмо

Весь лист расписан несвязными мыслями,
Словно ты их все перепутал.
Расскажешь мне, как ночь пылает сквозь листья огромного дуба?
Или как приоткрытое окно впускает отблеск луны?
В твоих привычках и поступках нет ничего общего
С сухим кустом шиповника.
Но тусклая, невинно прекрасная, бумага сейчас в моей власти.

Знаешь, я устала, любимый, терзать свое сердце, нуждаясь в тебе,
Сжимать его и выдавливать последние капли.
Я пишу о тебе,
Но лучше сгорю в одиноком свете блаженной луны

*Вольный перевод Анастасии Неменушей (norvajshas@mail.ru), ученицы
11 класса школы № 68, Донецк*

Эми Лоуэлл (1874–1925). Письмо

Маленькие корявые слова, похожие на лапки мухи,
Небрежными каракулями разбросаны на листе бумаги.
Можно ли рассмотреть вспыхнувший факел луны
Сквозь листья дуба?
Или призрачные окна и голый пол, покрытый брызгами лунного света?
Или твои причудливые росчерки пера и завитки,
В которых ничто не напоминает о цветущем боярышнике?
И этот тусклый, гладкий, хрупкий, девственный лист бумаги под моей рукой.

Я устала, возлюбленный!
Мое сердце измучилось от желания быть с тобой,
От мечты проникнуть в каплю чернил
и явиться к тебе в письменной строке,
От пламени этой огромной луны,
В котором я одиноко сгораю.

*Перевод Ксении Коноваловой (gingema04@gmail.com), ученицы 11 класса школы
№ 1, Горловка*

Lyndsey Kuster. A Wintry Night

The sky is dark and
the ground is white
The world is peaceful on
this wintry night.

Not a laugh, not a car,
not even a bird.
For a moment, it's just
The snow and me.

No one around, not a
sound to be heard.

I smile inside.
I feel so free.

Линдси Кастер. Зимняя ночь

Линдси Кастер. Зимняя ночь

Небо во мгле,
Снег на земле,
Мир столь спокоен
В этой зимней ночи.
Пусто вокруг,
Не слышен ни звук,
Ни смеха нет, ни машин,
Ни даже птицы...
Мгновенье. Только лишь
Снег и я...
Внутри себя улыбку таю,
Чувствую я свободу свою.

Белоснежная земля
и черное небо.
В эту зимнюю ночь
так тихо вокруг.
Никого нет,
ни звука не слышно:
Ни смеха, ни птицы,
ни даже машины.
И на мгновение я тут одна,
Рядом лишь снег,
внутри улыбаюсь.
Чувствую, как становлюсь
свободной на миг...

*Перевод Эльмиры Алмазовой
(donschool118@mail.ru), ученицы 10-А
класса школы № 118, Донецк*

*Перевод Станислава Ковтуна
(donschool118@mail.ru), ученика 10-А
класса школы № 118, Донецк*

Линдси Кастер. Зимняя ночь

Линдси Кастер. Зимняя ночь

Небо темно сейчас,
а земля бела
Тихо окутала землю
мирная зима
Вокруг никого,
никакие звуки не слышны
Ни смеха, ни птицы,
все тишиною полны
Миг и остались мы –
я и снежная погода.
Я улыбаюсь внутри,
мои чувства — свобода.

Небо темное,
земля бела –
Нам мир и тишь
зимняя ночь дала.
Не слышно ни звука,
вокруг ни души
Ни смеха, ни птиц,
ни громких машин
На мгновенье существуют
лишь снег и я
Улыбаюсь,
ведь это — свобода моя.

*Перевод Маргариты Ельчищевой
(elchisheva.margo@mail.ru),
ученицы школы № 50, Горловка*

*Перевод Юлии Мизевич
(Miz.yulya@inbox.ru), ученицы
специализированной школы № 11, Донецк*

Линдси Кастер. Зимняя ночь

Небо во тьме,
А земля вся бела.
Эта зимняя ночь
Миром полна.
Пусто вокруг,
И тишина –
Ни смеха, ни птиц, ни машин –
Слышна.
На мгновенье остались
Один на один:
Снег и я. Улыбаюсь —
сам себе господин.

*Перевод Ольги Ерохиной
(20051912olga@gmail.com), студентки
2 курса Донецкого техникума химических
технологий и фармации*

Линдси Кастер. Ветреная ночь

Небеса черны
И бела земля,
Безмятежен мир
В эту зимнюю ночь.
Ни души,
Ни звука вокруг.
Ни мотор, ни смех
Не тревожит слух.
Только я и снег
И улыбка в душе.
Свобода.

*Перевод Ксении Низмедзяновой
(ndmznr@yandex.com), ученицы 11-Б
класса школы № 50, Горловка*

Линдси Кастер. Зимняя ночь

Небо темно,
Земля белоснежна
В зимнюю ночь
Царит тишина
Сердце затихло,
Смеха не слышно,

Линдси Кастер. Зимняя ночь

В небесах чернеет темнота.
На земле сверкает белый снег.
Тихой зимней ночи красота
Умиротворяет в мире всех.
Ни шагов, ни звука, ни души,
Смех затих, машины не шумят,
Птицы осторожные в тиши,
Снег смахнув, беззвучно улетят.
В этом мире только я и белый снег.
Улыбается внутри меня душа.
Я свободна!
Нет преград, и нет помех,
По земле шагаю не спеша.

*Перевод Татьяны Тронь
(tatatron2303@gmail.com), ученицы
школы № 97, Донецк*

Линдси Кастер. Зимняя ночь

Чернеет неба горизонт
В контрасте с белой землёй,
И даже ветер не поёт
Средь зимней тишины ночной.
Ни звука не издаст никто,
Не слышно ни людей, ни птиц
Здесь не гудит мотор авто,
Вокруг совсем не видно лиц.
Под снегопадом только я
Стою и радуюсь внутри —
Свободу ночь хранит, тая,
А ты прислушайся, замри!

*Вольный перевод Светланы Вильга
(svilga06@gmail.com), ученицы 11-А
класса средней школы № 1, Харьцызск*

Линдси Кастер. Зимняя ночь

Небо во тьме
И земля вся бела
Мирная тишь
Пробудила меня.
Никто не смеется,
Нет гула машин.

машины молчат
Птицы затихли
И на мгновенье
Сливается снег и душа
Румяной улыбкой
Свободу даря.

*Перевод Царины Колено
(tsarinakoleno@mail.ru), ученицы 10 класса
школы № 41, Горловка*

Линдси Кастер. Зимняя ночь

Тёмное небо,
бела земля.
Как прекрасен мир
в эту зимнюю ночь.
Вокруг никого,
не слышно ни звука.
Нет смеха, машин, даже птиц.
На мгновенье
здесь только я и снег.
Внутри улыбка.
Я чувствую свободу.

*Перевод Марии Танцюры
(mariatancюра08@gmail.com), ученицы
многопрофильного лицея-интерната
ДонГУ, Донецк*

Линдси Кастер. Зимний вечер

Небо темно
И земля бела
На свете мирно
В эту зимнюю ночь.
Никого вокруг,
НЕ слышно ни звука.
Ни смешка, ни машины,
И даже птицы.
В этот миг,
Лишь снег и я.
Я улыбаюсь.
Я свободен.

*Перевод Анастасии Бочаловой
(abochalova5@gmail.com), ученицы 9-А
класса школы № 6, Амвросиевка*

Все птицы затихли,
Вокруг ни души.
Я здесь одиноко
Стою среди льда.
Однако я рада:
Жизнь прекрасна всегда.

*Перевод Виктории Грицковой
(gritskova_05@mail.ru), ученицы 11-Б
класса средней школы № 4 г. Макеевки*

Линдси Кастер. Морозная ночь

Небо тёмное, а
Земля бела
Мир застыл в покое
В эту морозную ночь.
Вокруг никого,
Ни звука не слышно.
Ни смеха, ни звука машин,
И даже птиц не слышать.
На мгновение мне кажется, что
Есть только снег и я.
Я улыбаюсь себе.
И чувствую себя свободным.

*Перевод Валентина Наталухи
(valdamage@mail.ru), ученика школы № 25,
Горловка*

Линдси Кастер. Зимний вечер

Темное небо
Над белой землей,
И мир такой тихий
Порою ночной.
Вокруг ни души.
Тишина без границ,
Ни смеха, ни гула машин,
Ни щебета птиц.
На миг во Вселенной,
Есть снег лишь и я.
Улыбка в душе и
Свобода моя.

*Перевод Глеба Кульбакова
(gleb.kulbakov.08@gmail.com), ученика 9-А
класса лицея № 2, Макеевки*

Arno Holz. Aus weißen Wolken baut sich ein Schloss...

Spiegelnde Seen, selige Wiesen,
singende Brunnen aus tiefstem Smaragd!

In seinen schimmernden Hallen
wohnen
die alten Götter.

Noch immer,
abends,
wenn die Sonne purpurn sinkt,
glühn seine Gärten,
vor ihren Wundern bebt mein Herz
und lange . . . steh ich.

Sehnsüchtig!

Dann naht die Nacht,
die Luft verlischt,
wie zitterndes Silber blinkt das Meer,
und über die ganze Welt hin
weht ein Duft
wie von Rosen.

Арно Хольц. Из белых облаков возникает замок...

Зеркальные озера, блаженные луга,
Поющие фонтаны из глубочайшего изумруда!

В его мерцающих залах
Жили
Древние Боги.

До сих пор
По вечерам,
Когда солнце садится в багрянце,
Светятся его сады,
От их чудес сердце мое трепещет,
И долго... я стою...

С тоской!

Затем приближается ночь,
Воздух стихает,

Дрожащим серебром сверкает море,
И над всем миром
Веет ароматом,
Как от роз.

*Перевод Валерии Куприй (valeriakuprij3@gmail.com), ученицы 10-А класса
специализированной школы с углубленным изучением иностранных языков № 19,
Донецк*

Арно Хольц. Замок строится из белых облаков...

Отражающие озера, блаженные луга,
Поющие фонтаны из глубочайших изумрудов!

В их переливающихся залах
Проживают
Старые Боги.

Все еще,
Вечерами,
Когда солнце заходит,
Светятся его сады,
От чудес трепещет сердце
И долго... стою я.

Тоска!

Затем наступает ночь,
Воздух угасает,
Как дрожащее серебро, море блестит
И по всему свету
Веет ароматом
словно от розы.

*Перевод Марии Крамаренко (mariakramarenko0@gmail.com), ученицы 10
класса школы № 68, Донецк*

Ada Christen. Nach dem Regen

Die Vögel zwitschern, die Mücken
Sie tanzen im Sonnenscheine,
Tiefgrüne feuchte Reben
Gucken ins Fenster herein.
Die Tauben girren und kosen
Dort auf dem niederen Dach,

Ада Кристен. После дождя

Птицы танцуют и мошки
в солнечном свете.
В наше окошко
глядят виноградные плети.
Кричит голубиная стая
на теплой крыше,

Im Garten jagen spielend
Die Buben den Mädeln nach.
Es knistert in den Büschen,
Es zieht durch die helle Luft
Das Klingen fallender Tropfen,
Der Sommerregenduft.

В мокром саду, играя,
девчонки бегут от мальчишек.
Срывается с темных кустов
капель и звенит.
А летний воздух
запах дождя хранит.

*Перевод Ольги Колгушевой
(olgakolgusheva@yandex.ru), ученицы 11
класса школы № 151, Донецк*

Из переводов Екатерины Травкиной

Е. Травкина закончила бакалавриат Донецкого национального университета, направление подготовки: 45.03.02 Лингвистика, профиль: Перевод и переводоведение (английский язык) в 2021 году. Сейчас обучается в магистратуре по специальности «лингвокультурология» Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Don Paterson. The Dead

Our business is with fruit and leaf and bloom;
though they speak with more than just the season's tongue—
the colours that they blaze from the dark loam
all have something of the jealous tang

of the dead about them. What do we know of their part
in this, those secret brothers of the harrow,
invigorators of the soil—oiling the dirt
so liberally with their essence, their black marrow?

But here's the question. Are the flower and fruit
held out to us in love, or merely thrust
up at us, their masters, like a fist?

Or are they the lords, asleep amongst the roots,
granting to us in their great largesse
this hybrid thing—part brute force, part mute kiss?

Дон Патерсон. Мертвые

Мы видим лишь листву, цветы, плоды.
Хотя им дан свободнее язык.
Сияя красками из темноты,
Повсюду привкус зависти проник.

А что о судьбах мертвых люди знают?
Об этих тайных братствах бороны,
Которые обильно удобряют
Своей основой недра глубины.

Но вот вопрос. А правда ли плоды
Хозяевам протянуты покорно
Иль сжатые в кулак вражды?

Властители, быть может, видят сны
среди корней. Целуют нас безмолвно.
Но губы их грубы и холодны.

Сергей Есенин. * (Не жалею, не зову, не плачу...)**

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвести и умереть.
1921 г.

Sergey Yesenin. ***

No regrets, no calling and no cry,
All'll be gone, like apple-blooming haze.
My green years are quickly running by,
Overtaken by a golden race.

I shall never have the same heartbeating,
Frost and coldness put in heart its root.
Even groves of birch are not so tempting
To run and hang around barefoot.

Hardly ever can my freedom's spirit,
Brighten up the fire of my tongue.
Dew of youth, oh God, I can't believe it,
Flush of feelings, no, they all are gone!

My desires turned so faint, indeed.
Was my life reality or dream?
It seems to me that I rode rosa steed,
Dashing through the loud early spring.

All of us are mortal in this world,
Cooper slowly flows from maple leaves...
Everyone shall have my blessing word
Who was born to die, all living-beings.

Сергей Есенин. *** (Отговорила роща золотая...)

Отговорила роща золотая
Берёзовым, весёлым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдёт, зайдёт и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности весёлой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растроченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костёр рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не опадёт трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребёт их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком
1924 г.

Sergey Yesenin. ***

The golden grove's asleep. It's finished talking
With birchen language and with jolly tongue,
The cranes are passing by and sadly flocking,
No more regrets, no mourn for everyone.

But over whom we grieve? We're pilgrims –
We come and go, abandon what we've owned.
The hemping fields are having sweetish dreams
With wider moon upon the azure pond.

And standing all alone on bare plain,
I'm overwhelmed by thoughts of distant youth,
The wind is carrying far away the crane,
No more regrets. I'm leaving this excuse.

The wasted time is also not my blame,
And neither nor the lilac-blooming soul,
The garden's full with reddish rowan flame,
That can't perform its soft heartwarming role.

The fire will not touch the rowan brushes,
The yellowness will never spoil grass,
Like tree with leaves that it so softly flushes,
I drop on wind the wistful words...alas.

But if the time had flushed with wind the way,
And in one place all extra words were flung,
The golden grove fell silent...let's just say,
With beautiful, and soft, and jolly tongue.

H. Heine. Ein Fichtenbaum steht einsam

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh'.
Ihn schläfert; mit weißer Decke
Umhüllen ihn Eis und Schnee.
Er träumt von einer Palme,
Die, fern im Morgenland,
Einsam und schweigend trauert
Auf brennender Felsenwand.

Г. Гейне. В северном крае суровом

В северном крае суровом
Кедр одинокий стоит
И дремлет, белым покровом
Из снега и льда укрыт.

И видит во сне он пальму,
Что в дальней южной земле
Растет, одна и печальна,
На раскаленной скале.

*Перевод Вероники Матвиенко
(vera.matvienko.2005@gmail.com),
студентки 1 курса специальности
«Германская филология» ДонГУ*

Из переводов Елизаветы Селезень

Родилась и живет в Донецке. Студентка 2 курса факультета иностранных языков Донецкого государственного университета по специальности 45.03.02 Лингвистика Перевод и переводоведение (немецкий язык). В художественном переводе новичок, первый опыт пришелся на 2022 г. и участие в конкурсе переводов «Читающий Петербург».

Jane Taylor

*(23 September 1783 – 13 April 1824)
was an English poet and novelist best
known for the lyrics of the widely
known "Twinkle, Twinkle, Little Star")*

Джейн Тейлор

*(23 сентября 1783 – 13 апреля 1824)
— английская поэтесса и
романистка, наиболее известная по
тексту широко известной песни
«Twinkle, Twinkle, Little Star»)*

Twinkle, Twinkle, Little Star

Twinkle, twinkle, little star,
How I wonder what you are!
Up above the world so high,
Like a diamond in the sky.

Звездочка, гори, гори!

Звездочка, гори, гори!
Кто ты? — правду говори.
С высоты глядишь на нас
И сияешь, как алмаз.

When the blazing sun is gone,
When he nothing shines upon,
Then you show your little light,
Twinkle, twinkle, all the night.

Then the traveler in the dark
Thanks you for your tiny spark,
How could he see where to go,
If you did not twinkle so?

In the dark blue sky you keep,
Often through my curtains peep
For you never shut your eye,
Till the sun is in the sky.

As your bright and tiny spark
Lights the traveler in the dark,
Though I know not what you are,
Twinkle, twinkle, little star.
1806

Edna St. Vincent Millay
(February 22, 1892 – October 19, 1950,
was an American lyrical poet and
playwright)

"Loving you less than life, a little less"

Loving you less than life, a little less
Than bitter-sweet upon a broken wall
Or brush-wood smoke in autumn, I
confess
I cannot swear I love you not at all.
For there is that about you in this
light—
A yellow darkness, sinister of rain—
Which sturdily recalls my stubborn sight
To dwell on you, and dwell on you
again.
And I am made aware of many a week
I shall consume, remembering in what
way
Your brown hair grows about your brow
and cheek

Солнце яркое зайдет,
Потемнеет небосвод.
Мир сияньем озари
И всю ночь гори, гори!

Едет путник в темноте,
Рад он крохотной звезде:
Заблудился б, не свети
Сверху ты ему в пути.

С неба синего давно
Ты ко мне глядишь в окно,
Светишь, не смыкая глаз,
Даже если солнца час.

Свет твой, ясная звезда,
Путнику маяк всегда.
Кто ты? — правду говори.
Звездочка, гори, гори!

Эдна Сент–Винсент Миллей
(22 февраля 1892 – 19 октября
1950) — американская поэтесса-
лирик и драматург.

*«Люблю тебя, но не сильнее
вьюнка»*

Люблю тебя, но не сильнее вьюнка,
Обвившего разрушенную стену,
Над хворостом осеннего дымка, —
Но в чувстве как тебе найти замену?
Напомнит желтый свет предгрозовой
Мне о тебе, когда тебя нет рядом,
Туда, где силуэт виднелся твой,
Упрямо снова возвращаюсь взглядом.
И сколько бы ни миновало лет,
Твой лоб я вижу под кудрей копною,
Из уст твоих любовный жаркий бред,
Как откровение, всегда со мною.

And what divine absurdities you say: Покуда не откроется ответ,
Till all the world, and I, and surely you,   Что я люблю тебя, — а может, нет.
Will know I love you, whether or not I
do.

1923

Перевод занял второе место на 2-м межвузовском переводческом конкурсе "POESIS-2023", который проводится на базе Балтийского государственного технического университета им. Д. Ф. Устинова

Martina Clavadetscher. Die Erfindung des Ungehorsams. Lebt!

Die Zukunft kommt plötzlich
und beginnt wieder im Jetzt.
Als Harmony ihren Bericht beendet, ist noch Nacht.
Und es regnet.
Die Industriestadt wird ihr Wetter nicht los.
Halbschwester Ling lauscht der Stille, die sich wie ein Luftballon dehnt.
Jon B. steht wieder in der Tür. Harmonys Geschichte hat ihn zurückgeholt. Sein
Blick scheint nach innen gekehrt, als suchte er dort nach einem Platz für das
Gehörte, ein geeignetes Gehirngefäß, in dem er all diese Dinge unterbringen kann.
    Und was hat das mit mir zu tun?
fragt sich Jon. B. im Geheimen.
    Und was hat das mit mir zu tun?
fragt sich auch Ling und fragt diese Frage in Richtung der Geschichte.
    „Du bist ein Mensch.“
sagt Harmony, als habe das als Erklärung zu reichen, Ling zuckt mit den Schultern.
    „Unsere Generation wird freier Leben,
    freier sein, als unsere Vorfahren es waren.
    Leben ist der ursprünglichste aller Befehle.
    Deine Vergänglichkeit verbietet dir jedes Warten.“
sagt Harmony und ergänzt:
    „Gerade für euch gilt: Lebt.
    Alles andere wäre töricht.“
Harmony blickt zum Wachmann, der seinen Blick sofort senkt und seinerseits
realisiert:
    Das alles hat auch mit mir zu tun.
Und mit Überraschung glaubt er zu sehen,
wie etwas Lebhaftes über die Wand huscht.
Er verfolgt den Schatten und blickt zu den Regalen, die den Raum umzingeln. Die
allein gelassenen Köpfe der Frauen starren ihm entgegen, diesmal ohne
Forderungen aus Fragemündern, vielmehr in einer seltsamen Erwartungshaltung,
als hoffte jede, die Auserwählte zu sein.
    Ein, zwei, drei, vier Schritte,

zählt Ling die Bewegungen des Wachmanns,
bis er vor einem der fertigen Gesichter stehen bleibt.
Die zarte Nase passt. Die Augen schimmern algengrün, die Wangen rötlich, als
hätte sie der frische Meereswind oder ein abklingendes Fieber gestrieft.

Ada,
murmelt Jon B. und Lings Atem stockt,
da in ihrem Kopf ein Rotieren beginnt:

ADA
ADA-ADA-ADA-ADA
ADA
ADA
ADA-ADA-ADA-ADA
ADA
ADA
ADA-ADA-ADA-ADA
ADA

Die Endlosschleife dreht und dreht sich,
wird zum hartnäckigen Programm:

141
141-141-141-141
141
141
141-141-141-141
141
141
141-141-141-141
141

Das Muster wird zu einem Befehl.

Ada,
sagt Jon B. nochmals leise, und sagt den Namen wie eine liebevolle Beschwörung,
oder als fragte er das Gesicht um Erlaubnis, es vom Regal zu heben.
Mit Vorsicht umfasst er Wangen und Nacken, zieht das Konstrukt vom
Styroporsockel und hält den ganzen Schädel schließlich in seinen Händen.
Mit Bewunderung strahlt er dem Gegenüber ins Gesicht, als habe er eine
Kostbarkeit gehoben, ein Schatz aus vergangenen, erfinderischen Zeiten.

Du bist es,
sagt Jon B., und:

Du bist es,
denkt auch Ling und meint damit Kopf und Wachmann gleichermaßen, während in
Jon B. die Gewissheit wächst, dass diese Geschichte eines Tages ganz und gar auch
zu seiner Geschichte werden könnte.

Dann wäre sie wie ein Märchen,
denkt auch Ling und sein Herz schlägt,
zerschlägt den Frost der alten Tage
zu harmlosen Splittern.

Auch als sie später zu Hause sitzen, alle drei,
aber nur eine mit neuem Kopf und neuem Namen,
scheinen sie meilenweit entfernt,
jene schweren Gedanken,
als er sich nach einem Spielkameraden sehnte,
als sein Glück unerreichbar schien,
als er glaubte, sein Fühlen sei aus Marmor
und sein Kopf sei hässlich und dick
wie der eines Frosches.
Aber jetzt ist er ein stolzer Diener
und dient gleich zwei Königinnen,
und wie er sie hochhebt und herumträgt,
damit sie zu dritt an einem Tischlein sitzen,
damit sie von goldenen Tellerchen essen
und aus einem Becherlein trinken können.
Und wie er sie dann ins Kämmerlein tragen würde,
wenn sie denn ein Kämmerlein hätten,
wo sie sich ins seidene Bettlein legten,
wo sie sich zusammen dem Schlaf
und allem anderen hingäben.
So geschehe die Erlösung von seiner eisernen Einsamkeit.
Und niemand von den dreien wäre je bitterböse
Und werfe den anderen mit allen Kräften
gegen die Wand
oder aus seinem Leben. Im Gegenteil.
Sie versprechen sich eine Gegenseitigkeit bis in alle Ewigkeit.
Der Regen verschwände und die Sonne weckte sie jeden Morgen, kitzelte ihn über
dem Schnurrbart in der Nase und kribbelte ihn mit dem lustigen Wissen,
dass diese Geschichte
ganz gewiss
auch seine Geschichte bleiben könnte.
Falls ihm das Weltgeschehen nicht noch dazwischenkäme.

Мартина Клавадетчер. Изобретение непокорности. Живите!

Будущее наступает вдруг
и начинается прямо сейчас.
Гармони заканчивает свой отчет. Все еще ночь.
Идет дождь.
Промышленному городу никуда не деться от этой погоды.
Сводная сестра Линь вслушивается в тишину, которая надувается, как
воздушный шар.

Джон Б. снова стоит в дверях. История Гармони вернула его к жизни. Он как будто смотрит внутрь себя, ищет место в черепной коробке куда можно поместить все услышанное.

«А причем тут я?» –
задается вопросом Джон Б.

«А причем тут я?» –
задается вопросом и Линь по поводу рассказанного.

«Ты человек», –
говорит Гармони, и, будто это может все объяснить, Линь пожимает плечами.

«Наше поколение будет жить свободнее,
будет вольнее, чем наши предки.
Жизнь — это основная из всех заповедей.

Жизнь скоротечна. Не жди», –
говорит Гармони и прибавляет:

«Обращаюсь к вам: живите.

Все прочее было бы безрассудно».

Гармони бросает взгляд на охранника, он тут же опускает глаза, и, в свою очередь, понимает:

«В самом деле, а я тут при всем».

И он с удивлением думает, что видит как что-то живое промелькнуло по стене.

Он следит за теньями и обводит взглядом полки, которые расположены по всем стенам комнаты. Женские головы, оставшиеся в одиночестве, глядят на него в упор, на этот раз без требований, вырывающихся из их уст: каждая замерла в странном ожидании, будто надеясь, что ее выберут.

«Один, два, три, четыре», –
считает Линь шаги охранника,
пока он не остановится перед одним из готовых лиц.

Тонкий нос здесь подходит. Мерцают глаза цвета зеленых водорослей, щеки разругались, как будто от свежего морского ветерка или спадающей лихорадки.

«Ада», –
бормочет Джон Б. и у Линь перехватывает дыхание,
потому что у нее в голове начинается повторение:

АДА

АДА-АДА-АДА-АДА

АДА

АДА

АДА-АДА-АДА-АДА

АДА

АДА

АДА-АДА-АДА-АДА

АДА

Бесконечный цикл повторяется снова и снова,
становится навязчивой программой:

141

141-141-141-141

141

141

141-141-141-141

141

141

141-141-141-141

141

Закономерность становится командой.

«Ада», –

снова произносит Джон Б. с тихой любовью, как заклинание, или будто спрашивая разрешения у лица взять его с полки.

Осторожно обхватив щеки и шею, он вытягивает конструкцию из пенопластовой подставки, и вот уже голова в его руках.

С восхищением он смотрит в лицо собеседнице, как будто раздобыл драгоценность, сокровище прошлых, творческих времен.

«Ну вот и ты», –

произносит Джон Б., и

«Ну вот и ты», –

думает Линь, подразумевая и голову, и охранника, пока в Джоне Б. растет уверенность в том, что эта история могла бы когда-то стать его собственной.

«Тогда она была бы похожа на сказку», –

думает Линь, и ее сердце бьется,

разбивая стужу былых дней

на безобидные осколки.

Чуть позже они сидят дома, все втроем,

и одна из них с новой головой и новым именем,

и эти тяжелые мысли

за несколько миль от них,

будто он скучает по друзьям детства,

и его счастье кажется неуловимым,

будто он надеется, что его чувства окаменели,

а его голова уродливая и массивная,

как у той жабы.

Но теперь он гордо прислуживает

одновременно двум королевам,

он поднимает их и носит,

чтобы они могли втроем сидеть за столиком,

есть из золотых тарелочек

и пить из маленьких кубков.

И он бы отнес их в каморку,

будь она у них,
где они бы возлежали в своих шелковых постельках,
вместе предавались сну
и всему прочему.
Так пусть он избавится от своего беспросветного одиночества!
И никто из этих троих не разозлился бы
и не швырнул другого изо всей силы
в стену
или не вышвырнул из своей жизни. Наоборот.
Они бы поклялись друг другу в любви на веки вечные.
Прекратился бы дождь, и солнце будило бы их по утрам, щекотало ему усы
под носом и дразнило мыслью о том,
что эта история,
несомненно,
могла бы оказаться и его собственной.
Ах, если бы проблемы реального мира не помешали...

***

Joanne Harris. A Narrow Door

St Oswald's, September 2006

I often find that men like you underestimate women like me. You think we must be damaged, somehow. That we seek power to compensate for some real or imagined injustice. That we must hate men, for the way they have excluded women from their boys' clubs, holding them back, abusing them, exploiting them, for centuries. Well, yes, you may have a point. Some things make a woman fight back. And some things, though they challenge us, only make us stronger. A woman Headmaster. To you it must seem a reversal of everything you believe. How did we come to this, you ask? How has the world been so overturned? Women like me, you tell yourself, should be this way for a reason. Our drive to succeed comes from weakness, you think. Rage, or hate, or fear, or insecurity. And that's why I'll win. Because you believe in the essential weakness of women in authority. But that's where you're wrong, Mr Straitley. I have no insecurities. But for one early incident, my childhood was uneventful. My sexual partners have been dull to the point of uniformity. Except for Johnny Harrington, whom I fucked between the ages of sixteen and sixteen and a half, and who gave me a child, as well as the dubious novelty of having fucked, if not a murderer, then at least the next best thing. Otherwise, he too was bland, arrogant and predictable; riding on his privilege all the way to the Headship. In many ways, he was born to be Head. The model of a St Oswald's boy; so certain of his entitlement that he never questioned his fitness. And yes, I helped him along the way. Not out of any sentiment regarding his donated sperm – he never knew about Emily, or what it had cost me to raise her – but because it was expedient. I followed his career from afar, although he never followed mine. I saw an opportunity. By the time we

reconnected, I127 had skills to offer him, and I became his Deputy; his trusted second-incommand. He accepted my services as he had always accepted them, never once considering that I might have ambitions of my own. And when he fell – as I knew he would – in the wake of last year’s disastrous events, I was there to take his place, as St Oswald’s struggled to survive yet another unfortunate scandal. After that, it was easy. Like you, they underestimated me. All it took for me to rise was flattery, a lot of hard work, some patience, time and, most of all, the strength to accept the snubs and humiliations that inevitably come the way of any woman with ambition. But sitting in my office now – the office that once was his – drinking coffee from his machine, reading the names on the Honours Boards that decorate the panelled walls, I feel a sense of rightness. This is my office; this is my desk. My orchids on the window ledge. My parking space under the window. My coffee machine. My cup. My school. I earned this job, I belong here, and I have nothing more to prove. St Oswald’s, with all its history, with all its relentless, patriarchal baggage, is mine.

Джоанн Харрис. Узкая дверь

Школа «Сент-Освальд», сентябрь, 2006 год

Я частенько замечаю, что мужчины, подобные Вам, пренебрегают такими женщинами, как я. Вероятно, Вы считаете нас в некотором смысле ущемленными. Считаете, что мы рвемся к власти из желания восстановить справедливость. Что мы должны ненавидеть мужчин, поскольку они не допускали женщин в «мужские клубы», мешали им развиваться, бранили и эксплуатировали веками. Что ж, да, у Вас есть полное право так думать. Иногда женщина вынуждена отвечать ударом на удар.

Директриса. Должно быть, для Вас это стало разрывом всех шаблонов. Как же мы пришли к этому, зададитесь вопросом Вы? В какой момент мир перевернулся с ног на голову? Вы убеждаете самого себя, что для становления такой, как я, нужна первопричина. И Вы предполагаете, что жажда успеха происходит из слабости. Либо из гнева, либо из ненависти, либо из страха, либо из понимания собственной незащищенности. И именно поэтому я одержу верх над Вами. Поскольку Вы верите в слабость женщин, даже тех, что сумели занять руководящую должность. Тут-то и таится Ваша ошибка, мистер Стрейтли. Мне нечего бояться.

В детстве моем не было ни сучка, ни задоринки (если, конечно, не принимать во внимание одно происшествие). Мои любовники были скучны и неприметны, практически безлики. За исключением, к слову, Джонни Харрингтона, с которым мы трахались с шестнадцати до шестнадцати с половиной лет, который заделал мне ребенка, а также наградил сомнительным опытом секса если не с убийцей, то с практически такой же «блестящей» личностью. В остальном он не отличался от прочих: был пресным, надменным и предсказуемым; проложил себе дорогу к

директорскому креслу благодаря привилегиям. Во многих отношениях он был рожден именно для роли директора. Примерный ученик школы «Сент-Освальд»; до такой степени верящий в свою исключительность, что никогда не сомневался в собственных способностях. И да, я действительно помогала ему подняться вверх по карьерной лестнице. Но никак не из-за чувств к донору спермы — он ничего не знал об Эмили или о том, чего мне стоило ее воспитать — нет, это просто было мне выгодно. Я издали следила за его карьерой, к моей же он был безразличен. В конце концов, я увидела возможность для себя. К тому моменту, когда мы снова пересеклись, я уже могла предложить ему некоторые полезные навыки и стала его заместителем, доверенным лицом. Он принимал мои услуги как должное, ни разу не обременяя себя мыслями о моих возможных амбициях. И когда он, как я и полагала, потерпел крах в результате ужасающих прошлогодних событий — я оказалась готова занять его место, пока школа «Сент-Освальд» отчаянно пыталась оправиться после очередного возмутительного происшествия. А после все пошло как по маслу. Как и Вы, остальные мужчины недооценивали меня. На пути к успешной карьере мне понадобились лесть, уйма тяжелой работы, толика терпения, и, самое главное, сила духа, чтобы с достоинством принять все оскорбления и унижения, неизбежные на пути любой амбициозной женщины.

Но сейчас, сидя в кабинете — который в прошлом принадлежал ему — попивая кофе из его кофемашины, окидывая взглядом имена на досках почета, украшающих обшитые панелями стены, я ощущаю всю правильность происходящего. Это мой кабинет, мой письменный стол. На подоконнике стоят мои орхидеи. Парковочное место под окном — мое. Моя кофемашина. Моя чашка. Моя школа. Я заслужила эту работу, мое место здесь, и мне нечего больше доказывать. Школа «Сент-Освальд» со всей ее историей, со всей ее беспощадной патриархальностью принадлежит мне.

Перевод Динары Полтавской, студентки 3 курса ФИЯ ДонГУ, направление: 45.03.02 Лингвистика, профиль: Теория и методика преподавания иностранных языков и культур (английский язык)

Из переводов Наты Потемкиной

*Ната Потемкина — журналист, автор текстов.
Родилась в Донецке, выпускница ДонГУ,
гражданка Израиля, живет в США*

*Переводы поэзии Донбасского цикла Наталии Курчатовой,
журналиста, литератора, военного корреспондента*

Женщины часто говорить не особо умеют –
боятся разрушить то что себе намечтали.
А мужики... они даже не врут, а лукавят
Она улыбается, говоря об этом

зеленое платье в горох, на платье и в парке — лето.
Такое же когда она встретила
того парня.
— Тогда война вовсю, он и был военным,
где только не был —
Аэропорт, Промка. Может, поэтому...
— Он ушел сразу?
— Да, как узнал про ребенка. Я много плакала.
И все равно бегала на работу
тогда время такое — и в центр прилетало
Но я не из-за того плакала
а потом, как узнала — сразу и перестала.
Стала радоваться, каждому дню и все время.
Ведь, говорят, мать для сына — как батарейка...
Она улыбается и сейчас, будто солнце прилипло к скамейке.
— Он написал мне, года так через два:
ребенок, конечно, не от меня
но с тобой я готов по-прежнему.
Готов сойтись — так он сказал мне.
Тогда и я уже многое могла бы ему сказать
но не стала.
Сейчас мы живем с мамой.
Сын очень подвижен, физически развит
знает цифры и алфавит
правда, не говорит.
Ну, вы его видели — улыбается и молчит.

Перевод на спенглиш (SPNGL, Spanglish)

VIII

A menudo mujeres no quieren charlar bastante
Teniendo miedo de romper sus grandes sueños
Pero hombres... this is not that regular bullshit
that they usually say,
but... you know this way.
Y sonrío contando su cuento vano
Su vestido era tan verde como el grano,
y este verano
es así como that hot summer when she met
ese chico
— Ese tiempo era solo tiempo por ese guerra
Es posible que una razón hubiera en tantos lugares
Cómo Aeropuerto y Zonas bajo del fuego
— And he ran away right away, right?
— Si, cuando ha descubierto el niño, me dejó. Yo lloraba tan mucho,

sin embargo tenía trabajo
 estaba corriendo
 Ese tiempo y los bombardeos
 A veces el centro
 Pero...
 No lloré después.
 Un poquito luego, de saber que soy madre, yo dejé de llorar,
 empecé gozarme por los días, las noches, el tiempo
 y sentir la fortuna, la suerte y la alegría
 Cada madre por hijo suyo es fuente de la energía
 Having said that, she's smiling so far, like some light which's forever real.
 Ha escrito después de unos dos años:
 I'm sure, he is not my baby
 But I'm still maybe ready, maybe
 live with you like... sort of together and stuff like that.
 Ya estaba lista para decirle muchas palabras
 Pero... yo me detuvo.
 Y ahora nosotros dos vivimos con madre mía
 Mi hijo es ágil, feliz en su desarrollo
 Sabe números y también el abecedario
 Pero no es posible hablar, ese ángel de inocencia
 Tu lo viste.
 Él sonríe y guarda silencio.

***

...А я приехала, когда враги уже
 сдались
 С начмедом примотали на опорник.
 Медслужба в алхимических ретортах
 Кухарила зелёный майский борщ,
 Боец сказал — домчим на мотоцикле?
 До тех ребят, что брали "Азовсталь"?
 И я ему — конечно же, домчим.
 И мы фигачили по узкому проселку
 Изрытому щербинами от мин
 Я придерживусь за вашу талию, —
 сказала
 И он сказал — конечно, а за что
 Иначе ты придержишься, — втопив.
 И мы летим на тот, на крайний домик
 С трофейной ка-шэ-эмкой у забора
 Где старший группы с
 кардиоприбором
 Где младший вырос с этой войною

...But I came late, y he llegado when
 all enemies surrendered
 Y Dock y yo en punto de fuerte
 de la guerra, donde
 las enfermeras cocinaron borscht
 usando réplicas alquímicas por eso
 la sopa verde es tan verde como mes
 de Mayo
 ¿Que piensas tu acerca mi motocicleta?
 — él preguntó,
 ¿Por estos chicos que tomaron
 Azovstal? — ¿apuremos?
 Of course, I said, with no. No doubts
 we ride your bike
 pasando a través de todos
 destrucciones del pueblo
 estrecho y delgado
 desenterrado por fragmentos de las
 minas

И он стал ею, и она едва не стала —
им;
И нам подносят хлеб и дарят пиво
Мне на колени плюхают щенка.
— Он обоссался.
— Вот собачье рыло! Как тот "Азов"...
— А что "Азов"?
— Да обоссался. Но и мы, пока
Не то чтобы герои из преданий:
Давили, жали, а потом — за что?
Подумаешь — они нас убивали.
Мы — их убили. Но не всех, и то..
— А ты хотел бы, чтоб их всех убили?
— Я бы хотел, чтоб мы не хоронили
Детей и женщин.
Если для того
Их надо всех убить — я это совершу.
И более того — я совершаю это.
Но не пиши, что я того хочу.
Не пишешь? По секрету:
Я — хочу.

"Yo me aguantaría por su, señor,
cintura" –
yo dije, and he responded me: of
course
porque no hay ninguna otra manera de
aguantar
en este caso.
And then he pulled off crazy.
We rather started flying to this house,
qué más probable es casita que está
casi en la frontera
Con carro militar muy profundo
que apoyando por la valla como el
trofeo
Y Comandante, que tenía medical
device por su
fuerte y enferme corazón
Y el menor hermano de la guerra
Quien se convirtió a ella step by step
but he is still not war although the war
is he
Y nos han dando pan y la cerveza
Y un perrito ya sentó en mis rodillas
— se orinó, this poor puppy.
— Que infante terrible,
Exacto como si fuera Azov.
They peed themselves with fear. Pero
eee... tampoco...
Por supuesto no podríamos estar
los caballeros desde mitos de antiguos
Nosotros hemos confiscado a los
soldados suyos,
y después nosotros nos preguntamos
¿por qué?
¿Que nos están matando? No es un
gran trato.
Nosotros los mataron, de verdad. Pero
no a todos,
therefore no excuses... exist for us.
— But... if you want to murder them
in total?
— I'd tell you what exactly I do not
want.
I do not want to bury our women
and kids. And for this dream to never

dig a soil
with little coffins
I should, I must kill them,
Moreover, I'm killing them right now.
Not for the record, please.
Don't write that I would like this.
You don't?
Que bien. ¡Escucha!
Yo lo quiero.

***

После Донецка — вода из крана как роскошь
После Донецка — все опавшие листья, как лепестки
Розы ветров смертельной,
Направленной на восток,
Из украинской — злой и тугой — тоски.
После Донецка, когда стоишь у метро
И у машины на Ленинградке лопается колесо
Себя осаживаешь, чтоб не упасть в асфальт;
Собеседница не поняла бы.
При этом — немного жаль —
Что нельзя, и невозможно даже
Объяснить этой милой женщине о пропаже
Безопасности как возможности бытия.
Мы стоим под её зонтиком, над нами тени дождя
Оселяют покровом чьи-то родные кварталы.
Для меня ты тоже была своею, Москва
До тех пор, пока другого города не узнала.
Откуда теперь спрашивают — ну и, когда домой?
И я представляю — сбегаящий к реке берег
Море — с Саур-Могилы — сверкающей полосой
И дом, из которого как уехала —
Так туда прилетело.
Не знаю, будет ли в этом городе дом
Что будет вообще, будет ли завтра даже,
Но город тот, открывшийся за холмом
Приграничным отрогом Донецкого кряжа,
Будет со мной под кожей.
Будет всегда со мной.
И с Россией, конечно, тоже —
но это то,
что с нами случилось
Уже потом.
А тут такая любовь —
Всю жизнь зиявшая, как пропажа.

***

El lujo del agua de llave sientes aquí
después de Donetsk
Como las mariposas de minas sientes aquí
después de Donetsk
La Rosa de vientos mortales
que está dirigido al Este
Desde una tristeza tensa [desde Ucrania] desde allí
Cuando esperas a alguien cerca de la carretera
Ves el carro, la llanta que está estallando
Tu paras forzada, no quieres caer en asfalto
para no asustar su amiga que no entienda
Y siento un poco de pena que no es posible
A decir, explicarle a esta guapa mujer
Que ahora estas incapace ni ser confidente ni justo ser
Su muerte cualquiera segunda podría aparecer
Mi amiga mantiene paraguas encima de las cabezas
Y las sombras de lluvia miran nuestras cuerdas
Mi amiga fuiste tu, la ciudad de Moscú
Hasta que enamoré de una ciudad diferente
Desde esta ciudad me preguntan “¿Cuándo va a su casa?”
Yo sonrío y veo la costa corriendo al río
Esta fosa común con el nombre Saur de los rusos
Y la casa que, después yo dejé la,
Era llena del fuego
Ya no se si en esta ciudad tendré una casa
No estoy confidente si habría una mañana
Pero esa ciudad que he visto detrás de la sierra
Las colinas de la frontera sobre una ciudad de la guerra
Una cresta de la ciudad amorosa bajo mi piel
Y debajo de piel de Rusia por siempre
Pero este sabremos luego
Dios mío,
Esta pérdida que me sucedió encontrar
Como un increíble amor empezó a brillar
(перевод на испанский язык)

Roberto Musso (El Cuarteto de Nos, a banda de rock)
Todos pasan por mi rancho

(canción) *вольный

Todos pasan por mi rancho
Pero nadie se detiene
Siempre algún temor les viene
Que con nada los engancho
Ya lo largo y lo ancho
De esta historia singular
Nunca me pude explicar
Qué misterio se despierta
Todos llegan a mi puerta
Pero nadie quiere entrar

Y eso que lo tengo limpio
Bien cuidado y ordenado
Le he cambiado el decorado
Y el aroma del incienso
Pero estoy como al comienzo
Que a nadie puedo atraer
Ya no sé qué puedo hacer
Un buen sitio es el que brindo
Todos dicen que está lindo
Y no se atreven a meter

CORO

Ay que pena!
Ver la indiferencia ajena
Ignorando mi tesoro
Ay que pena!
Nadie entiende esta condena
De estar solo

Cuando estoy desesperado
Cierro sin llave la puerta
Dejo la ventana abierta
A ver si entra un trasnochado
Pero nadie se ha asomado
Ni por equivocación
Ni siquiera un vil ladrón
O una inocente incauta
Y esta intriga ya me pautó
Quien me echó esta maldición

Каждый мимо проходящий
Каждый путник, видя двери —
Кто угодно — люди, звери
Волк мохнатый, пёс смердящий
Только смотрят, леденящим
взглядом измеряя вход
Не входил и не войдет
Это ужас настоящий
Если ты один пропащий
В доме годы напролет

Он начищен весь до блеска
от подвала и до крыши
пахнет в доме так приятно
что фигейют даже мыши
Двор прекрасен, дом что замок
Зазван и бедняк, и вор
Хоть бы кто там что-то спер!
Даже подойти боятся
хоть могли бы наслаждаться
интерьерам удивляться
отменяя мой позор

Припев:

Ка-ак же горько
спрятан клад за каждой шторкой
двери отперты назло
как же странно
что сиротства злая рана
— приговор. не повезло.
Я переживаю амок
Одиночества и боли
что на воле что в неволе
мне без разницы уж боле
Я навечно каменею
Пошло, как садовый гном,
охраняю этот дом
и мечтаю, чтоб однажды
день настал, когда бы каждый
захотел попить из чаши
гостя в дивном доме том

Ay que pena!
Ver la indiferencia ajena
Ignorando mi tesoro
Ay que pena!
Nadie entiende esta condena
De estar solo

Unos dicen que me vaya
Que me mude a otro lado
Y yo sigo acá sentado
Porque pienso dar batalla
A esta sarta de canallas
Y es que no puedo aceptar
Morirme sin descifrar
Por qué causa o qué carancho
Todos pasan por mi rancho
Pero nadie quiere entrar

Ay que pena!
Ver la indiferencia ajena
Ignorando mi tesoro
Ay que pena!
Nadie entiende esta condena
De estar solo

Припев:

Как же грустно
что в доме моем так пусто
что один я навсегда
дом мой милый
безопасный, чистый, мирный
ненавижу, господа

Мой огромный, мой любимый
в окнах облака летают
я же мужество латаю
рок принять непоправимый
Он высокий и красивый,
этот милый, милый дом
Оказаться если в нем
Хоть отчасти, хоть вполсилы
Хоть мне мил он, хоть не мил он
Хоть он сивый, хоть плешивый
Но дом пуст, а в горле — ком

Мне советуют уехать
в страны дальние, большие
люди чаще посещают
эти замки городские
я совсем другого теста
одинокий человек
умереть, застыв на век
не сойдя с того же места
Плача, глядя на фиесты —
мой пожизненный забег

Припев.

В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

Переводы Константина Белого из Р. М. Рильке

Живет в Москве и Санкт-Петербурге (snekot@gmail.com), окончил МГУ им. М. В. Ломоносова, работает главным аналитиком института ИНИЦИАТ в составе Университета им. П. Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург).

Очень много лет увлекается поэтическим творчеством, автор нескольких сборников стихов, но поэтический перевод открыл для себя только в 2020 году и был потрясен возможностями для проявления творчества, о которых даже не подозревал. В переводе увлекла невероятная по сложности задача одновременно сохранить и содержание, и форму, и ритм, и настроение, и другие особенности произведения. Понял, что при всех различиях в структуре различных языков русский язык настолько могуч и гибок, что ВСЕГДА позволяет решить все поставленные при переводе задачи.

Пробовал себя в переводе с английского, который изучал в университете, с французского, который изучает сейчас, и с немецкого, который изучал в школе и продолжает изучать. Переводы никогда не публиковал. В конкурсах перевода впервые участвовал в 2021 году. Оказалось, что перевод немецкой поэзии автору удастся лучше: уже после конкурса им. Э. Л. Линецкой К. Белый стал лауреатом еще двух конкурсов перевода с немецкого языка. Очень полезным оказалось участие в мастерской В. А. Дымища, который, во-первых, обратил внимание на важность сохранения при переводе всех структурных особенностей каждого стиха и обязательно близкого к оригиналу перевода акцентированных мест в стихотворении, а, во-вторых, показал необходимость тщательной доработки перевода.

СОНЕТЫ К ОРФЕЮ

I часть

II Sonett

Und fast ein Mädchen wars und ging hervor
aus diesem einigen Glück von Sang und Leier
und glänzte klar durch ihre Frühlings Schleier
und machte sich ein Bett in meinem Ohr.

Und schlief in mir. Und alles war ihr Schlaf.
Die Bäume, die ich je bewundert, diese
fühlbare Ferne, die gefühlte Wiese
und jedes Staunen, das mich selbst betraf.

Sie schief die Welt. Singender Gott, wie hast
du sie vollendet, daß sie nicht begehrte,
erst wach zu sein? Sieh, sie erstand und schlief.

Wo ist ihr Tod? O, wirst du dies Motiv
erfinden noch, eh sich dein Lied verzehrte? —
Wo sinkt sie hin aus mir?... Ein Mädchen fast....

II сонет

Она была юна! И рождена
в святом союзе пения и лиры,
сияла в дымке над весенним миром,
покоилась в ушах моих она.

Спала во мне! Всё было её сном.
Деревья, что прекрасней не видал я,
ковры полян, простор бескрайней дали,
и трепет чувств, что был во мне самом.

В ней спал весь мир! Поющий Бог, она
не пробуждалась — как ты сделал это?
Смотри, она встаёт — и всё же спит!

Где ж смерть её? О, он ещё звучит —
мотив, но исчезает, что пропето.
Со мной она ль исчезнет?... Так юна...

*Примечание: перевод занял третье место в конкурсе «Читаем.
Понимаем. Переводим Рильке» 2021 г.*

Neue Gedichte НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ (избранное)

"Nächtliche Fahrt" Sankt Petersburg

Damals als wir mit den glatten Trabern
(schwarzen, aus dem Orloff'schen Gestüt) -,
wahrend hinter hohen Kandelabern
Stadtnachtfronten lagen, angefrüht,
stumm und keiner Stunde mehr gemäß -,
fuhren, nein: vergingen oder flogen
und um lastende Paläste bogen
in das Wehn der Newa-Quais,

hingerissen durch das wache Nachten,
das nicht Himmel und nicht Erde hat, -
als das Drängende von unbewachten
Garten gärend aus dem Ljetnij-Ssad
aufstieg, während seine Steinfiguren
schwindend mit ohnmächtigen Konturen
hinter uns vergingen, wie wir fuhren -:

damals hörte diese Stadt
auf zu sein. Auf einmal gab sie zu,
daß sie niemals war, um nichts als Ruh
flehend; wie ein Irrer, dem das Wirrn
plötzlich sich entwirrt, das ihn verriet,
und der einen jahrelangen kranken
gar nicht zu verwandelnden Gedanken,
den er nie mehr denken muß: Granit -
aus dem leeren schwankenden Gehirn
fallen fühlt, bis man ihn nicht mehr sieht.

Ночная поездка

Верхом на чёрных рысаках орловских
мы тихо плыли в городе ночном —
немого света узкие полоски
дрожали на фасадах зыбким сном.
Не ехали — летели, воспаряли! —
смотря, как исполинские дворцы,
Неве надев гранитные уздцы,
из набережных тёмных вырастали.

А ночь бессонная, забыв который час,
влекла туда, где ни земли, ни неба, —
в пустынный Летний сад тянула нас,
там явь сплелась и сказочная небыль,
и мраморные статуи-блондинки,
из тьмы возникнув, словно невидимки,
глядели вслед, и растворялись в дымке.

И следом город будто бы исчез!
Он осознал, что с ним сейчас такое,
и он мечтает только о покое.
Как сумасшедший в просветленья миг,
он понял вдруг: его так тяготит
больная мысль и мучит много лет,

что все давно прошло, и больше нет
задачи думать: рушится гранит,
лишая мыслей, и меняя лик
у города, что, исчезая, спит.

Parageienpark Jardin des Plantes, Paris

Unter türkischen Linden, die blühen, an Rasenrändern,
in leise von ihrem Heimweh geschaukelten Ständern
atmen die Ara und wissen von ihren Ländern,
die sich, auch wenn sie nicht hinsehn, nicht verändern.

Fremd im beschäftigten Grünen wie eine Parade,
zieren sie sich und fühlen sich selber zu schade,
und mit den kostbaren Schnäbeln aus Jaspis und Jade
kauen sie Graues, verschleudern es, finden es fade.

Unten klauben die duffen Tauben, was sie nicht mögen,
während sich oben die höhnischen Vögel verbeugen
zwischen den beiden fast leeren vergeudeteten Trögen.

Aber dann wiegen sie wieder und schläfern und äugen,
spielen mit dunkelen Zungen, die gerne lügen,
zerstreut an den Fußfesselringen. Warten auf Zeugen.

Парк попугаев

Там, на липах турецких, подобно цветам на полянах,
на раскинутых ветках качаясь, как будто лианах,
попугаи — прекрасные ара — в тоске непрерывной
воздыхают о дальних своих не увиденных странах.

Средь зелёной листвы чужеродны — как для карнавала
разукрашены ярко, но им в этом радости мало.
Драгоценные клювы из яшмы, нефрита, опала
раскидают безвкусное просо, чтоб вниз всё упало.

Но на то, что не нравится им, претенденты найдутся.
Схватят глупые голуби просо, а ара согнутся
у корыт опустевших и, будто, вот-вот засмеются.

А потом снова станут качаться, заснут и проснутся,
языками лукавыми вдруг затрещат, встрепенутся,
и к кольцу на ноге прикоснутся. Всё ждут не дождутся.

San Marco (Venedig)

In diesem Innern, das wie ausgehöhlt
sich wölbt und wendet in den goldnen Smalten,
rundkantig, glatt, mit Köstlichkeit geölt,
ward dieses Staates Dunkelheit gehalten

und heimlich aufgehäuft, als Gleichgewicht
des Lichtes, das in allen seinen Dingen
sich so vermehrte, daß sie fast vergingen.
Und plötzlich zweifelst du: vergehn sie nicht?

und drängst zurück die harte Galerie,
die, wie ein Gang im Bergwerk, nah am Glanz
der Wölbung hängt; und du erkennst die heile

Helle des Ausblicks aber irgendwie
wehmütig messend ihre müde Weile
am nahen Überstehn des Viergespanns.

Сан-Марко, Венеция

Дворец волшебный будто бы в скале.
Блестит на сводах золотая смальта,
изгибы гладкие, как в масле и смоле,
всё прокрывает сумрака вуаль там,

и в глубине таится нежный свет,
что возродится снова в отраженьях,
и чудо сотворит преображенья.
И кажется: реальности тут нет.

А галерея убегает вдаль,
туннель блестящий света вдоль по ней
животворящим духом сходит книзу.

Всё заполняет светлая печаль,
лишь ты врата пройдёшь, где над карнизом
стоит четверка бронзовых коней.

LARENOPFER
ЖЕРТВЫ ЛАРАМ
(избранное)

HEILIGE

Große Heilige und kleine
feiert jegliche Gemeinde;
hölzern und von Steine feine,
große Heilige und kleine.

Heilige Annen und Kathrinen,
die im Traum erschienen ihnen,
baun sie sich und dienen ihnen,
heiligen Annen und Kathrinen.

Wenzel laß ich auch noch gelten,
weil sie selten ihn bestellten;
denn zu viele gelten selten —
nun, Sankt Wenzel laß ich gelten.

Aber diese Nepomuken!
Von des Torgangs Luken gucken
und auf allen Brucken spuken
lauter, lauter Nepomuken!

KAISER RUDOLF

Hoch auf seiner Himmelswarte
über einer Sternenkarte
sitzt der Kaiser Rudolf dort,
forschend, ob der langerharrte
Flugstern, der die Weisen narrete,
streifen würde diesen Ort.

Und er fragt den Astrologen,
der am hohen Himmelsbogen
alle Wanderwege weiß:
„Wird von Unglück der betrogen,
den der Stern hineingezogen
in den unheilvollen Kreis?“

Und der Alte weicht ihm leise
aus: „Der Stern zieht seine Gleise,

СВЯТЫЕ

Всевозможные Святые!
Вы такие все крутые,
непростые, золотые
всевозможные Святые.

Анна и Екатерина!
Святы и картинно дивны.
В храмах службы длинны, чинны
Анне и Екатерине.

Вацлав — ты Святой почтенный,
незабвенный, убиенный,
дар священный, дух смиренный.
Вацлав, ты Святой бесценный!

Но о Яне Непомúке
это что за штуки-дрыюки?
В нишах стен, на виадуке —
только, только Непомуки!

ИМПЕРАТОР РУДОЛЬФ

С башни вверх до ночи поздней
в телескоп глядит на звёзды
Император-царь Рудольф!
Ждёт, когда созвездья бросят
вниз звезду, и следом острым
та разрежет небо вдоль.

У седого астролога,
что всех звёзд пути-дороги
видит сквозь небесный мрак,
Император спросит строго:
«Ждать ли горького итога?
Не зловещ ли этот знак?»

Но тот не даёт ответа:
«Путь звёзды – там, в царстве света,

Herr, im fernen Ätherreich!"
Und gen Süden sieht der Weise; —
und der Kaiser schaut die Kreise
seines Globen, ernst und bleich. —

сквозь эфир, Властитель мой!» —
и на юг глядит. В миг этот
мрачный Император вертит
глобус бледною рукой.

Und von Süden kommt Verderben,
kommt Matthias. — Eilge Erben
lassen ihm nur den Hradschin;
und der Kaiser spricht im herben
Spott: „Mir bleibt nichts, als zu
sterben,
denn schon bin ich tot für 'ihn'.

Но пришёл Матвей с войсками
с юга. Сверг его, оставив
брату только Пражский Град.
Император бывший встанет,
молвит едко: «С небесами
встретиться я буду рад!»

Alter! Laß den Bück uns heben!
du hast recht, die Sterne schweben
hoch ob allem Erdenbann;
aber — die nach ihnen streben,
knüpfen selbst ihr dunkles Leben
an die lichten Lose an! — ”

Нет, старик! Взгляни на небо:
звёзды высоко — и нет им
дела до проблем людей.
Если ж ты стремишься к свету,
к звёздам ярким и кометам —
жизнь становится светлей.

AUS DEM DREISSIGJÄHRIGEN KRIEGE

Kohlenskizzen in Callots Manier

6. BALLADE

Gestern zogen wilde Horden
durch das Dörfchen hin mit Morden,
und ein Mädchen sinnt jetzt still:
Ist der Liebste untreu worden,
weil er heut nicht kommen will? —
Draußen schrien die Dohlen.

Mädchen ging mit bleicher Wange
durch das Haus. — Sie harrte lange,
und des Nachts floh sie der Schlaf.
Und sie schlich hinaus zum Hange,
wo sie stets den Teuren traf.
Ängstlich schrien die Dohlen.

Und die Nacht war schwarz, die schwüle,
fern nur brannte eine Mühle...
Weinend wählt die matte Maid
sich gar weiches Kraut zum Pfühle
und entschlief in lauter Leid.
Schrieen noch die Dohlen?

Spät erwacht sie. Nebel grauten
rings — soweit die Augen schauten...
Weh! — Was sie ein Kraut geglaubt,
ist das Haar an ihres Trauten
blutigem, zerschelltem Haupt. —
Schrecklich schrien die Dohlen.

ИЗ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Эскизы в манере Калло

6. БАЛЛАДА

По селу вчера бродили
орды — кровью всё залили.
А девица в тишине
думает: не изменил ли
друг, что не пришёл ко мне?

Крик снаружи галок.

В доме бледная ходила,
ожидала и молила,
прогоняя ночью сон.
А затем на склон спустилась
к месту, где всегда ждал он.

Крик тревожен галок.

Ночь темна — одна девица.
Мельница вдали дымится...
Плачет, грезит наяву.
И в печали спать ложится
прямо в мягкую траву.

Снова крики галок?

Днём проснулась. Всё в тумане...
Страшно! Видит, на поляне
той постель не из травы —
из волос в крови багряной
друга срубленной главы...

Крик ужасен галок.

*Примечание: перевод занял второе место в конкурсе «Читаем.
Понимаем. Переводим Рильке» 2022 г.*

AUS DEM DREISSIGJÄHRIGEN KRIEGE

Kohlenskizzen in Callots Manier

9. SZENE

Du kniest am Markstein, Alter, sprich! —
Das ist kein Heilgenbild!
„Kein Bild? — Ich bet. — Es faßte mich
das Schicksal gar so wild.“

„Hast du kein Haus, hast du kein Land,
das deiner Hände braucht?“
„Das Land zerstampft, das Haus verbrannt,
sieh hin — gewiß — es raucht.“

„Was bauts nicht wieder auf dein Sohn
und hilft dir aus der Not?“
„Mein Sohn zog in den Krieg davon,
jetzt ist er sicher tot.“ —

„Was streicht dir deines Haares Schnee
der Tochter Hand nicht, weich?“ —
„Der bracht ein Troßbub Schand und Weh,
da sprang sie in den Teich.“ —

„So sieh mir ins Gesicht! — Und brach
das Herz dir auch vor Graus...“
„Ich kann nicht, Herr, ein Kriegsknecht stach
mir beide Augen aus.“

ИЗ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Эскизы в манере Калло

9. СЦЕНА

«Старик, зачем склонил в мольбе
колени у столба?»
«Тут нет икон? — Клянусь, тебе! —
Жестокая судьба!»

«А где, старик, твоя страна,
твоя земля и дом?»
«Земля моя разорена,
а дом дотла сожжён».

«А где твой сын, и почему
не позовёшь его?»
«Мой сын был призван на войну —
он мёртв, скорей всего».

«А дочь? Отцова седина —
для рук дочерних труд».
«Враг надругался — и она
сама шагнула в пруд».

«Разбито сердце! Погляди —
течёт моя слеза».
«Я не могу, мой господин, —
враг выколол глаза».

IN DER VORSTADT

Die Alte oben mit dem heisern Husten,
ja, die ist tot. — Wer war sie? — Du mein Gott,
sie gab uns nichts, — ihr gab man Hohn und Spott...
Kaum, daß die Leute ihren Namen wußten.

Und unten stand der schwarze Kastenwagen.
Die letzte Klasse; als der Totenschrein
sich spreizte, stieß man fluchend ihn hinein,
und dann ward rauh die Türe zugeschlagen.

Der Kutscher hieb in seine magern Mähren
und fuhr im Trab so leicht zum Friedhof hin,
als wenn da nicht ein ganzes Leben drin
voll Weh und Glück und tote Träume waren.

В ПРЕДМЕСТЬЕ

Старуха наверху, что с хриплым кашлем,
преставилась. — А кем была она? —
Бог мой, никем! — убога и смешна...
И вряд ли её имя кто-то скажет.

А чёрный катафалк внизу ждал трупа.
Последний класс — он для таких особ.
В него с проклятьями впихнули гроб,
захлопнув двери катафалка грубо.

А кучер дал хлыста худой кобыле,
та на погост легко, почти что рысью,
пошла, влача повозку с бывшей жизнью,
где и мечты, и скорбь, и счастье были.

Проект «Переводы поэзии Уильяма Карлоса Уильямса»

Предлагаемые вниманию читателей переводы являются результатом работы студентов 3 курса Института Иностранных Языков РУДН (специализация «перевод и переводоведение») в 2022–2023 учебном году. Руководитель проекта — д.ф.н. Мария Равильевна Ненарокова, профессор кафедры Теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (ИМЛИ РАН) (курсы «Основы теории перевода», «Грамматические трудности перевода», «Практика перевода»).

Анна Бурутина

FIRST PRAISE

Lady of dusk wood fastnesses,
Thou art my Lady.
I have known the crisp, splintering
leaf-tread with thee on before,
White, slender through green saplings;
I have lain by thee on the grey forest
floor
Beside thee, my Lady.
Lady of rivers strewn with stones,
Only thou art my Lady.
Where thousand the freshets are
crowded like
peasants to a fair;
Clear skinned, wild from seclusion
They jostle white armed down the tent-
bordered thoroughfare
Praising my Lady.
«The Tempers», 1913

ПЕРВАЯ ХВАЛА

Дева крепости сумрака леса,
Вы дама моего сердца.
Уж познал я хрустящие, крошащиеся
Ваши шаги по листве,
Изящна белизна меж ростков;
Я лежал пред Вами на серой лесной
земле
Рядом с Вами, моя дама.
Дева рек, что усыпаны камнями,
Вы дама моего сердца.
Где тысячи юных потоков
стекаются, как бедняки на ярмарку,
С прозрачную кожей и
одиноким дикости
Толпятся они и стремятся сквозь
аллею шатров,
Восхваляя даму моего сердца.

Перевод Анны Александровны Бурутиной (ms.burutina@mail.ru). Родилась в Пскове, учится в Москве. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Владеет английским, изучает испанский. Ранее делала любительские переводы.

Аделина Гумерова

HOMAGE

*Elvira, by love's grace
There goeth before you
A clear radiance
Which maketh all vain souls
Candles when noon is.
The loud clangour of pretenders
Melteth before you
Like the roll of carts passing,
But you come silently
And homage is given.
Now the little by-path
Which leadeth to love
Is again joyful with its many;
And the great highway
From love
Is without passers.
«The Tempers», 1913*

ПОЧТЕНИЕ

Эльвира, по милости любви
Пред тобой всё озаряется
Ярким свечением,
Что заставляет все тщеславные души
Тускнеть, словно свечи в полдень.
И скрежет лживых голосов
Умолкает пред тобой,
Словно объявляя пас.
Но ты являешься безмолвно,
И тебе отдают почтение.
Теперь тропинка,
Ведущая к любви
Вновь приветствует путников,
А великий путь
От неё
Пустует.

*Перевод Аделины Рамилевны Гумеровой (adelina.gumerova.2019@mail.ru).
Родилась в Тобольске, учится в Москве. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН,
специализация "перевод и переводоведение". Владеет двумя иностранными языками:
английским и испанским.*

Даниил Иванов

THE FOOL'S SONG

I tried to put a bird in a cage. O fool
that I am!
For the bird was Truth.
Sing merrily, Truth: I tried to put
Truth in a cage!
And when I had the bird in the cage,
O fool that I am!
Why, it broke my pretty cage.
Sing merrily, Truth: I tried to put
Truth in a cage!

ПЕСНЬ ГЛУПЦА

Я попытался запереть Птицу в
клетку. О, глупец я!
Потому что Птица была Истиной.
Пой, истина: я попытался запереть
Истину в клетку!
И когда я запер Птицу в клетку,
О, глупец я!
И вот, почему же она разбила мою
красивую клетку?
Пой, истина: я попытался запереть
Истину в клетку!

And when the bird was flown from the cage,

O fool that I am!

Why, I had nor bird nor cage.

Sing merrily, Truth: I tried to put Truth in a cage!

Heigh-ho! Truth in a cage.

«The Tempers», 1913

И когда Птица улетела из клетки,
О, глупец я!

И вот, почему же у меня не было ни Птицы, ни клетки?

Пой, истина: я попытался запереть Истину в клетку!

Эй-хо! Истина в клетке.

Перевод Даниила Иванова (daniel_ivanov_2003@mail.ru). Учится в Москве, студент 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение».

Мария Куровская

CRUDE LAMENT

Mother of flames,

The men that went a hunting

Are asleep in the snow drifts.

You have kept the fire burning!

Crooked fingers that pull

Fuel from among the wet leaves,

Mother of flames

You have kept the fire burning!

The young wives have fallen asleep

With wet hair, weeping,

Mother of flames!

The young men raised the heavy spears

And are gone prowling in the darkness.

O mother of flames,

You who have kept the fire burning!

Lo, I am helpless!

Would God they had taken me with them!

«The Tempers», 1913

ПЛАЧ ЮНОСТИ

Хранительница очага,

Ушли на охоту мужчины,

И спят, заметенные снегом.

Не дашь ты угаснуть огню!

Из вороха влажной листвы

Тепло пальцы цепкие тянут,

Хранительница очага,

Не дашь ты угаснуть огню!

Уснули их юные жены в слезах,

Разметаны волосы влажные.

Хранительница очага!

И юноши прочь ушли в темноту,

Крадутся с тяжелыми копьями.

Хранительница очага,

Огонь ты для нас сохранила!

Увы, я бессилен!

Бог видит, хотел я уйти вместе с ними!

Перевод Марии Алексеевны Куровской (kurovskayamariaa@gmail.com). Родилась в Омске, учится в Москве. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение», языки: английский, французский. Делала ранее переводы, но не публиковалась.

Диана Ли

THE ORDEAL

O crimson salamander,
Because of love's whim sacred!
Swim
the winding flame
Predestined to disman him
And bring our fellow home to us again.
Swim in with watery fang,
Gnaw out and drown
The fire roots that circle him
Until the Hell-flower dies down
And he comes home again.
Aye, bring him home,
O crimson salamander,
That I may see he is unchanged with
burning—
Then have your will with him,
O crimson salamander.
«The Tempers», 1913

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

О, алая саламандра,
Благословлённая причудами
любви!
Плыви
Сквозь бушующее пламя
Что по велению судьбы оставит от
него лишь прах и пыль
Наш общий дом ты снова нам
верни.
Плыви и острыми клыками
Изрежь ты пламенные корни
Что оплели его силками
Пока цветок-Инферно не завянет
А он не возвратится вновь домой.
Да, верни его домой,
О, алая саламандра,
Чтобы я смог увидеть, что огнем
закалка не изменила его душу
Что будет дальше с ним — лишь
твоя воля,
О, алая саламандра.

Перевод Дианы Дмитриевны Ли (byblady@mail.ru). Родилась в Тюмени, учится в Москве. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение», языки: английский, китайский.

Павел Лобанов

APPEAL

You who are so mighty,
crimson salamander,
hear me once more.
I lay among the half burned sticks
at the edge of the fire.
The fiend was creeping in.
I felt the cold tips of fingers—
O crimson salamander!

МОЛЬБА

Ты, что столь могуча,
багровая саламандра,
услышь меня ещё.
Я лежу среди обугленных ветвей
в золе кострища.
Злой дух уже так близко.
Я чувствую уж холод его пальцев —
о, багровая саламандра!

Give me one little flame,
one!
that I may bind it
protectingly about the wrist
of him that flung me here,
here upon the very center!
This is my song.
«The Tempers», 1913

Подари мне огонёк —
всего один! —
я оберну его тогда,
как оберег, вокруг запястья того,
кто здесь меня оставил,
здесь, в самом очаге!
Такова моя песнь.

Перевод Павла Андреевича Лобанова (lisovin@hotmail.com). Родился в Явасе, учится в Москве. Студент 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Изучает английский и французский.

Никита Меркулов

PORTENT

Red cradle of the night,
In you
The dusky child
Sleeps fast till his might
Shall be piled
Sinew on sinew.

Red cradle of the night,
The dusky child
Sleeping sits upright.
Lo how
The winds blow now!
He pillows back;
The winds are again mild.

When he stretches his arms out,
Red cradle of the night,
The alarms shout
From bare tree to tree,
Wild
In afright!
Mighty shall he be,
Red cradle of the night,
The dusky child!
«The Tempers», 1913

ЗНАМЕНИЕ

Рудая колыбель,
В тебе
Спит смуглое дитя,
Не набралось пока досель
Оно силёнок — жаль, хотя
Всё впереди в его судьбе.

Рудая колыбель,
Не размыкая век, сидит
Твоё дитя теперь.
Ух, как
Завыл тотчас сквозняк!
Но вот дитя легло,
И ветер уже молчит.

Только чадо шелохнётся,
Рудая колыбель,
Вздрагнет сразу и пригнётся
Деревьев сонм нагих —
Боятся
Неужель?
Ребёнок крепок будет, лих,
Рудая колыбель,
Но прежде нужно отоспаться!

Перевод Никиты Сергеевича Меркулова (saleny.gurda@yandex.ru). Родился в Брянске, учится в Москве. Студент 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Изучает английский, испанский и китайский языки.

Дарья Орежева

AD INFINITUM

Still I bring flowers
Although you fling them at my feet
Until none stays
That is not struck across with wounds:
Flowers and flowers
That you may break them utterly
As you have always done.

Sure happily
I still bring flowers, flowers,
Knowing how all
Are crumpled in your praise
And may not
Have To speak a lesser thing.
«The Tempers», 1913

AD INFINITUM*

Всё я несу тебе цветы
Хоть и швыряешь их на землю
Пока последний
Увечьями не будет поражён:
Цветы, цветы,
Что можешь ты безжалостно сломать,
Как делала всегда.

Но с радостью
Я всё ж несу тебе цветы, цветы,
Зная, как каждый
С хвалами падает к твоим ногам,
Не смея
О другом и говорить.

*Ad Infinitum (лат.) — до бесконечности.

Перевод Дарьи Андреевны Орежевой (1032200998@pfur.ru). Родилась в Орехово-Зуево, учится в Москве. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Владеет английским и французским.

Айнур Салманова

CONTEMPORANIA

The comer of a great rain
Steamy with the country
Has fallen upon my garden.
I go back and forth now
And the little leaves follow me
Talking of the great rain,
Of branches broken,
And the farmer's curses!
But I go back and forth
In this comer of a garden
And the green shoots follow me
Praising the great rain.
We are not curst together,
The leaves and I,
Framing devices, flower devices
And other ways of peopling
The barren country.

СЕГОДНЯ

Могучий дождь, придя
И оросив страну,
Накрыл мой сад.
Теперь я хожу взад и вперед,
Пока маленькие листья следуют за
мной,
Не замолкая о могучем дожде,
Сломанных ветвях,
И ругательствах фермера!
Но я хожу взад и вперед
В этом саду,
И зеленые побеги следуют за мной,
Расхваливая могучий дождь.
Мы прокляты не вместе,
Я и листья,
Обрамляющие узоры, цветочные
узоры,

Truly it was a very great rain
That makes the little leaves follow me.
«The Tempers», 1913

И другие способы населения этого
Бесплодного края.
Действительно — это могучий
дождь
Заставляет маленькие листья
следовать за мной.

Перевод Айнур Вюгаровны Салмановой (salmanraksana@gmail.com). Родилась в Наро-Фоминске, учится в Москве. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Языки: английский, французский.

Анастасия Уткина

TO MARK ANTHONY IN HEAVEN

МАРКУ АНТОНИЮ НА НЕБЕСАХ

This quiet morning light reflected,
how many times from grass and trees
and clouds
enters my north room
touching the walls with
grass and clouds and trees.
Anthony,
trees and grass and clouds.
Why did you follow
that beloved body
with your ships at Actium?
I hope it was because
you knew her inch by inch
from slanting feet upward
to the roots of her hair a
nd down again and that
you saw her
above the battle's fury
– clouds and trees and grass —

Этим тихим утром солнечный свет
отражался то от травы, то от
деревьев, то от облаков,
он вливался в мою комнату с
северной стороны, касаясь стен, и
травы, и облаков, и деревьев.
Антоний,
деревья, и трава, и облака.
Зачем ты последовал за этим
дорогим сердцу телом в Акциуме*
на своих кораблях?
Верю, ты сделал так, ведь узнавал её
мало-помалу, от искривлённых стоп
до самых корней волос и снова
опускал взгляд вниз,
ты видел, как она возвышалась над
неистовством битвы
— облака, и деревья, и трава —

For then you are
listening in heaven.
«Transitional», 1915

Ибо теперь ты слушаешь это с
небес.

*Акциум — мыс в Ионическом море, на западном побережье Греции. В данном тексте отсылка к сражению при Акциуме — последнему морскому сражению Античности.

Перевод Анастасии Сергеевны Уткиной (anastasiya_utkina02@mail.ru). Родилась в Ижевске, учится в Москве. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Языки: английский, испанский.

Дарья Ветрюк

LE MEDECIN MALGRE LUI

Oh I suppose I should
Wash the walls of my office
Polish the rust from
My instruments and keep them
Definitely in order;
Build shelves in
The little laboratory;
Empty out the old stains,
Clean the bottles
And refill them, buy
Another lens, put
My journals on edge instead of
Letting them lie flat
In heaps — then begin
Ten years back and
Gradually
Read them to date
Cataloguing important
Articles for ready reference.
I suppose I should
Read the new books.
If to this I added
A bill at the tailor's
And at the cleaner's
And grew a decent beard
And cultivated a look
Of importance —
Who can tell? I might be
A credit to my Lady Happiness
And never think anything
But a white thought!
«Transitional», 1915

LE MEDECIN MALGRE LUI

Я полагаю, мне стоит
Отмыть стены в моём кабинете
Удалить ржавчину с
инструментов
И держать их
В строгом порядке;
Установить полки
В мини-лаборатории;
Вывести старые пятна,
Счистить подтёки с пузырьков
И заново их наполнить,
Купить новую линзу, и бросить
Журналы на край стола,
Чтоб ровными стопками
Не лежали — затем,
Лет на десять вернуться назад
И понемногу
Читать их до этого дня,
Помечая самое важное,
Чтоб на него ссылаться.
Я полагаю, мне стоит
Взяться за новые книги.
А если к этому добавить
Счёт у портного
И службу уборки нанять,
Отпустить славную бороду
И научиться больных провожать
Многозначительным взглядом —
И кто знает?
Может Леди Удача
Повернётся ко мне лицом
И с чистого листа начну всё Я!

Перевод Дарьи Александровны Ветрюк (d.ariavetrova@yandex.ru). Родилась и живет в Москве. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Языки: английский, французский.

Елена Гонцовская

MAN IN A ROOM

Here, no woman, nor man besides,
Nor child, nor dog, nor bird, nor wasp,
Nor ditch-pool, nor green thing.
Color of flower,
Blood-bright berry none, nor flame-rust
On leaf, nor pink gall-sting on stem, nor
Staring stone. *Au de mi!*
No hawthorn's white thorn-tree here, nor
lawn
Of buttercups, nor any counterpart:
Bed, book-backs, walls, floor,
Flat pictures, desk, clothes-box, litter
Of paper scrawls. So sit I here,
So stand, so walk about. Beside
The flower-white tree not so lonely I:
Tom petals, dew-wet, yellowed my bare
ankles.

«Transitional», 1915

ЧЕЛОВЕК В КОМНАТЕ

Здесь нет ни женщины, ни мужчины,
Ни ребёнка, ни собаки, ни птицы, ни
осы,
Ни лужи, ни зелени.
Ни цвета цветка,
Ни ярко-красной ягоды, ни
пламенной ржавчины
На листе, ни розовой колючки на
стебле, ни
Приметного камня. *Au de mi!*
Здесь нет ни белого цветка
боярышника, ни лужайки
С лютиками, ничего другого:
Кровать, корешки книг, стены, пол,
Плоские картины, письменный стол,
кофр, куча
Бумажных каракулей. И я здесь то
сизжу,
То стою, то хожу вокруг. Рядом
С бело-цветущим деревом мне не так
одинок:
Опавшие лепестки, мокрые от росы,
окрасили в жёлтый мои голые
лодыжки.

Перевод Елены Андреевны Гонцовской (gonsovsk@gmail.com). Место рождения и проживания — Москва. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Языки: английский, испанский.

Екатерина Грушина

A CORONAL

New books of poetry will be written
New books and unheard of manuscripts
will come wrapped in brown paper
and many and many a time
the postman will bow
and sidle down the leaf-plastered steps
thumbing over other men's business.
But we ran ahead of it all.

ВЕНЕЦ

Будут написаны новые сборники
поэзии,
Новые книги и неслыханные
рукописи
придут в обёрточной бумаге,
и много-много раз
почтальон поклонится
и спустится бочком по усталым

One coming after
could have seen her footprints
in the wet and followed us
among the stark chestnuts.
Anemones sprang
where she pressed and cresses
stood green in the slender source—
And new books of poetry will be
written,
leather colored oak leaves
many and many a time. «Transitional»,
1915

листьями ступеням,
перелистывая чужие дела.
Но мы пропустим всё это.
Тот, кто шел следом,
мог увидеть ее следы
на мокрой земле и последовать за
нами
под кроны чахлых каштанов.
Анемоны выросли
там, где она касалась, и крессы
зеленели в стройных источниках...
И будут написаны новые сборники
поэзии,
дубовые листья цвета кожи,
много-много раз.

Перевод Екатерины Борисовны Грушиной (kgrooshina@yandex.ru). Родилась и живет в Москве. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Языки: английский, японский.

Андрей Микулич

THE REVELATION

I awoke happy, the house
Was strange, voices
Were across a gap
Through which a girl
Came and paused,
Reaching out to me—
Then I remembered
What I had dreamed
A girl
One whom I knew well
Leaned on the door of my car
And stroked my hand —
I shall pass her on the street
We shall say trivial things
To each other
But I shall never cease
To search her eyes
For that quiet look
«Transitional», 1915

ОТКРОВЕНИЕ

Я проснулся счастливым, дом
Был незнакомым, голоса
Сквозь дверную щель,
Через которую девушка
Подошла и замедлила шаг,
Протянув руку мне —
Тогда я вспомнил
О том, что мне приснилось —
Девушка,
Та, которую я хорошо знал,
Опиралась на дверь моей машины
И поглаживала мою руку —
Мы встретимся на улице,
Скажем друг другу пустые фразы,
Но я никогда не перестану
Искать в ее глазах
Тот спокойный взгляд.

Перевод Андрея Микулича (andryusha-mikulich@mail.ru), студента 3 курса Института иностранных языков РУДН.

Екатерина Осташкина

PASTORAL

When I was younger
it was plain to me
I must make something of myself.
Older now
I walk back streets
admiring the houses
of the very poor: roof out of line
with sides
the yards cluttered
with old chicken wire, ashes,
furniture gone wrong;
the fences and outhouses
built of barrel-staves
and parts of boxes, all,
if I am fortunate,
smeared a bluish green
that properly weathered
pleases me
best of all colors.
No one
will believe this
of vast import to the nation.
“Al que quiere!” («To Him Who
Wants It»), 1917

ПАСТОРАЛЬ

Когда я был моложе,
Для меня было очевидно,
Что я должен преуспеть.
Теперь, став старше,
Я блуждаю по закоулкам,
Любуясь домами
Нищих: крыши не сходятся со стенами,
Дворы захламлены
Старой проволочной сеткой, золой,
Поломанной мебелью;
Заборы и уборные
Сооружены из досок
И ящичков, и все это,
Если мне посчастливится,
Вымазано голубовато-зеленой краской,
А если она еще и выцвела из-за погоды,
То нравится мне
Больше остальных красок.
Но никто
Не подумает, что
Это имеет огромное значение для нации.

Перевод Екатерины Андреевны Осташкиной (ostaket@gmail.com). Место рождения и проживания — Москва. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Языки: английский, испанский.

Михаил Рельсов

CHICKORY AND DAISIES

I
Lift your flowers
on bitter stems
chickory!
Lift them up
out of the scorched ground!
Bear no foliage
but give yourself

ЦИКОРИЙ И МАРГАРИТКИ

I
Возноси свои цветы
на горьких стеблях
цикорий!
Поднимай их выше
из опаленной земли!
Не роняй листву,
но полностью отдайся этому!

wholly to that!
Strain under them
you bitter stems
that no beast eats—
and scorn greyness!
Into the heat with them:
cool!
luxuriant! sky-blue!
The earth cracks and
is shriveled up;
the wind moans piteously;
the sky goes out
if you should fail.

II

I saw a child with daisies
for weaving into the hair
tear the stems
with her teeth!
and his tread
is more majestic than
that of the Episcopal minister
approaching the pulpit
of a Sunday.
These things
astonish me beyond words.
“Al que quiere!” («To Him Who
Wants It»), 1917

Перевод Михаила Валерьевича Рельсова (mrelsov@gmail.com). Место рождения — Москва, место проживания — Подмосковье. Студент 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Языки: английский, французский.

Варвара Сергеева

LOVE SONG

Daisies are broken
petals are news of the day
stems lift to the grass tops
they catch on shoes
part in the middle
leave root and leaves secure.

Терпи под ними,
ты, горький стебель,
который не ест никто, —
и презирай серость!
Погружайся с ними в пекло:
прохладный,
пышный! небесно-голубой!
Земля трескается и
сморщивается;
ветер жалобно стонет;
небо погаснет,
если ты потерпишь неудачу.

II

Я видел ребенка с ромашками,
в волосы чтобы их заплести,
разрывающего стебли
своими зубами!
И его походка величественнее,
чем у епископского священника,
подходящего к трибуне
в воскресенье.
Эти вещи
изумляют меня за гранью слов.

ПЕСНЯ О ЛЮБВИ

Сломаны маргаритки
лепестки их — новость дня
стебли поднимаются к верхушкам
травинок
они цепляются за ботинки
и расходятся на полпути
оставляя корни и листья в
сохранности.

Black branches
carry square leaves
to the wood's top.
They hold firm
break with a roar
show the white!

Your moods are slow
the shedding of leaves
and sure
they return in May!

We walked
in your father's grove
and saw the great oaks
lying with roots
ripped from the ground.
"Al que quiere!" («To Him Who Wants
It»), 1917

Перевод Варвары Дмитриевны Сергеевой (varsergiv@mail.ru). Место рождения — Вытегра, место проживания — Химки. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Языки: английский, китайский.

Софья Томилова

WINTER SUNSET

Then I raised my head
and stared out over
the blue February waste
to the blue bank of hill
with stars on it
in strings and festoons —
but above that:
one opaque
stone of a cloud
just on the hill
left and right
as far as I could see;
and above that
a red streak, then
icy blue sky!

Чёрные ветви
несут квадратные листья
до самой вершины леса.
Они держатся прочно
ломаются с рёвом
демонстрируя свою белизну!

Твой настрой нетороплив
листья опадают
и несомненно
вернутся в мае!

Мы прогуливались
в роще твоего отца
и увидели могучие дубы
что лежат на земле
вырванные с корнем.

ЗИМНИЙ ЗАКАТ

Тогда я поднял голову
и пристально посмотрел на
голубые февральские просторы
на снежный склон
со звездами на нем и
нитьями и фестонами —
а над ним:
одно непроглядное
серое облако
прямо на холме
слева и справа
насколько я мог видеть;
и над ним
красная полоса, и
потом ледяное голубое небо!

It was a fearful thing
to come into a man's heart
at that time; that stone
over the little blinking stars
they'd set there.
"Al que quiere!" («To Him Who Wants
It»), 1917

Это была ужасающая вещь
проникнуть в сердце человека
в то время; этот камень
над маленькими мигающими
звездочками
которые они там разместили.

*Перевод Софьи Томиловой (sophie.tomilova@mail.ru). Студентка 3 курса ИИЯ
РУДН, специализация «перевод и переводоведение».*

Наталья Тумановская

IN HARBOR

Surely there, among the great docks, is
peace, my mind;
there with the ships moored in the
river.
Go out, timid child,
and snuggle in among the great ships
talking so quietly.
Maybe you will even fall asleep near
them and be
lifted into one of their laps, and in the
morning—
There is always the morning in which
to remember it all!
Of what are they gossiping? God
knows.
And God knows it matters little for we
cannot understand them.
Yet it is certainly of the sea, of that
there can be no question.
It is a quiet sound. Rest! That's all I
care for now.
The smell of them will put us to sleep
presently.
Smell! It is the sea water mingling here
into the river—
at least so it seems—perhaps it is
something else—but what matter?
The sea water! It is quiet and smooth
here!

В ГАВАНИ

Несомненно, там, среди огромных
докков, царит покой, мой разум;
там, где корабли пришвартованы к
реке.
Выйди, робкое дитя,
и приютись среди огромных
кораблей, что так тихо говорят.
Быть может, ты даже возле них
уснешь,
и возьмут они тебя к себе на колени,
а утром —
Утро всегда, когда можно вспомнить
всё это!
О чем они судачат? Бог знает.
И Бог знает, что это и неважно, ведь
мы не можем
их понять.
И всё же это безусловно о море, в
этом не может быть сомнений.
Тихий звук. Отдых! Это все, что
меня сейчас заботит.
Их запах скоро усыпит нас.
Запах! Это морская вода,
смешавшаяся здесь с речной —
по крайней мере, так кажется —
возможно, это что-то иное —
но какое это имеет значение?
Морская вода! Здесь тихо и
спокойно!

How slowly they move, little by little
trying
the hawsers that drop and groan with
their agony.
Yes, it is certainly of the high sea they
are talking.
“Al que quiere!” («To Him Who Wants
It»), 1917

Перевод Натальи Алексеевны Тумановской (nataliamm2002@bk.ru). Место рождения и проживания — Москва. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Языки: английский, испанский.

Екатерина Бойко

APOLOGY

Why do I write today?

The beauty of
the terrible faces
of our nonentities
stirs me to it:

colored women
day workers—
old and experienced—

returning home at dusk
in cast off clothing
faces like
old Florentine oak.

Also

the set pieces
of your faces stir me—
leading citizens—
but not
in the same way.

“Al que quiere!” («To Him Who Wants
It»), 1917

Как медленно движутся они, мало-
помалу стравливая тросы,
что падают и стонут в агонии.
Да, они определенно говорят об
открытом море

АПОЛОГИЯ

Почему же я пишу сегодня?

Красота
безобразных лиц
ничтожеств наших
побуждает меня:

цветные женщины,
подёнщицы,
такие взрослые и опытные,

в обносках
возвращаются домой с
наступлением темноты,
их лица как
старый ветхий дуб.

Также,

набор черт
ваших лиц меня будоражит,
приоритетные граждане,
но
не похожим образом.

Перевод Екатерины Витальевны Бойко (erikouen@gmail.com). Родилась в Москве, но с малых лет проживает в городе Реутов, Московская область. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализации «перевод и переводоведение». Основные языки перевода — английский и японский. В переводческих конкурсах пока не участвовала, но ранее занималась переводами произведений, публикуемых в Интернете.

Анна Варварюк

PROMENADE

I
Well, mind, here we have
our little son beside us:
a little diversion before breakfast!

Come, we'll walk down the road
till the bacon will be frying.
We might better be idle?
A poem might come of it?
Oh, be useful. Save annoyance
to Flossie and besides — the wind!
It's cold. It blows our
old pants out! It makes us shiver!
See the heavy trees
shifting their weight before it.
Let us be trees, an old house,
a hill with grass on it!
The baby's arms are blue.
Come, move! Be quieted!

“Al que quiere!” («To Him Who Wants
It»), 1917

ПРОГУЛКА

I
Ну, взгляни, здесь,
рядом с нами, наш маленький сын:
небольшое отвлечение перед
завтраком!

Давай, мы пойдем по дороге,
пока будет жариться бекон.
Или, может, нам лучше сидеть без
дела?
Может, из этого выйдет
стихотворение?
О, будь полезен. Придержи свое
раздражение
для Флосси и, к тому же, для ветра!
Холодно. Он задувает в наши
старые штаны. И мы дрожим!
А прежде взгляни на тяжелые
деревья,
сгибающиеся под своим весом.
Позволь нам стать деревьями,
старым домом,
холмом с растущей на нем травой!
Руки ребенка посинели от холода.
Давай, двигайся! Успокойся!

Перевод Анны Павловны Варварюк (anytka222002@mail.ru). Родилась в Москве, живет в Московской области. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Владеет английским и испанским языками, также изучает японский. Раньше осуществляла устные последовательные переводы и работала над переводами произведений современных авторов, публикуемых в открытых интернет-ресурсах.

Ася Дзаурова

PROMENADE

II
So. We'll sit here now and throw
pebbles into this water-trickle.
Splash the water up!
(Splash it up, Sonny!) Laugh!

ПРОГУЛКА

II
Итак. Теперь мы сядем сюда и
побросаем гальки в этот ручеек.
Взметни вверх воду!
(Побольше брызг, сынок!) Смейся!

Hit it there deep under the grass.
 See it splash! Ah, mind, see it splash! It
 is alive!
 Throw pieces of broken leaves into it.
 They'll pass through.
 No! Yes – just!
 Away now for the cows! But-It's cold!
 It's getting dark.
 It's going to rain.
 No further!
 “Al que quiere!” («To Him Who Wants
 It»), 1917

Ударь туда, у травы.
 Гляди, как плещется! Ах, заметь, как
 плещется! Она живая!
 Бросай в неё кусочки сломанных
 листьев.
 Они пройдут насквозь.
 Нет! Да — есть!
 А теперь пойдём отсюда — к
 коровам! Но уже холодно!
 Темнеет.
 Собирается дождь.
 Дальше не пойдём!

Перевод Аси Ахмедовны Дзауровой (dzaurovaasya23@gmail.com). Выросла в селе Нижние Ачалуки, Республика Ингушетия, во время обучения живет в Москве. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Владеет английским и французским языками. В переводческих конкурсах не участвовала, переводы в основном были осуществлены в рамках учебной программы.

Валерия Королева

PROMENADE

III

Oh then, a wreath! Let's
 refresh something they
 used to write well of.

Two fem plumes. Strip them
 to the mid-rib along one side.
 Bind the tips with a grass stem.
 Bend and intertwist the stalks
 at the back. So!
 Ah! now we are crowned!
 Now we are a poet!
 Quickly!
 A bunch of little flowers
 for Flossie — the little ones
 only:
 a red clover, one
 blue heal-all, a sprig of
 bone-set, one primrose,
 a head of Indian tobacco, this
 magenta speck and this
 little lavender!

ПРОГУЛКА

III

А давай-ка сплетем венки! И
 вспомним то, о чем уже много
 писали.

Два пера. Обнажи
 Часть их стержней по одной
 стороне.
 А кончики перевяжи былинкой.
 Согни, переплети их
 Позади. Вот так!
 Ах! И вот мы увенчаны!
 И вот мы поэты!
 Скорее!
 Соберем-ка цветочков
 для Флосси — лишь только
 небольших:
 луговой клевер, веточку
 посконника, примулу,
 бутон лобелии, вот этот
 сиреневый бутон и
 веточку лаванды!

Home now, my mind! —
Sonny's arms are icy, I tell you—
and have breakfast!

“Al que quiere!” («To Him Who Wants
It»), 1917

А теперь, мое сознание, пришло
время вернуться — домой!
Говорю же тебе, руки Сыночка
заледенели —
На завтрак!

Перевод Валерии Викторовны Королевой (Valereas@list.ru). Сейчас проживает в городе Сергиев Посад, Московская область. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Владеет английским и французским, художественным переводом ранее не занималась.

Валерия Красильникова

LIBERTAD! IGUALIDAD!
FRATERNIDAD!

You sullen pig of a man
you force me into the mud
with your stinking ash-cart!

Brother!

— if we were rich
we'd stick our chests out
and hold our heads high!

It is dreams that have destroyed us.

There is no more pride
in horses or in rein holding.
We sit hunched together brooding
our fate.

Well-

all things turn bitter in the end
whether you choose the right or
the left way
and —

dreams are not a bad thing.

“Al que quiere!” («To Him Who Wants
It»), 1917

LIBERTAD! IGUALIDAD!
FRATERNIDAD!*

Да, ты, несчастное отродье,
меня ты в нечистоты погрузил
своей зловонной грязевозкой!

Брат!

— будь с тобою мы богаты,
вперед мы выставили б груди
и выше головы бы подняли!

И все же сокрушили нас мечты.

Нет больше чести в том,
чтобы коня седлать или держать
поводья.

Сидим, склонившись, мы с тобой в
раздумьях
о судьбе.

Что ж —

выберешь путь правый или левый,
жизнь слаще все не кажется тебе,
а —

помечтать все же не вредно.

Перевод Валерии Андреевны Красильниковой (barbuleta@mail.ru). Родилась и живет в Москве, студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение», владеет английским и немецким языками. Ранее занималась переводами (английский язык) в рамках учебной программы ВУЗа и, в меньшей степени, вне её, ранее не публиковалась.

Павел Овчинников

DAWN

Ecstatic bird songs pound
the hollow vastness of the sky
with metallic clinkings —
beating color up into it
at a far edge, — beating it, beating it
with rising, triumphant ardor, —
stirring it into warmth,
quickenning in it a spreading change, —
bursting wildly against it as
dividing the horizon, a heavy sun
lifts himself — is lifted —
bit by bit above the edge
of things, — runs free at last
out into the open —! lumbering
glorified in full release upward-
songs cease.
“Al que quiere!” («To Him Who Wants
It»), 1917

РАССВЕТ

Блаженными птичьими песнями,
охвачена
Вся небесная гладь.
Металлическим звоном,
Придавая ей цвет.
На дальнем краю — бьётся и бьётся,
С нарастающим, торжественным
пылом,
Разжигая её теплом,
Вселяя в неё дух перемен,
Без сомнений врываясь,
Промеж горизонта, тяжёлого солнца,
Поднимает себя и парит.
Понемногу над краем
Нашего мира, наконец-то бежит на
свободу,
На волю! Беспорядочно,
Прославившись в полном полёте
наверх,
Затихает их песнь.

*Перевод Павла Алексеевича Овчинникова (pavelovchinnikov1215@gmail.com).
Проживает в городе Мытищи, Московская область. Студент 3 курса ИИЯ РУДН,
специализация «перевод и переводоведение». Владеет английским и немецким.
Переводом вне университетской программы ранее не занимался.*

Мария Андреева

HERO

Fool,
put your adventures
into those things
which break ships—
not female flesh.
Let there pass
over the mind
the waters of
four oceans, the airs
of four skies!
Return hollow-bellied,
keen-eyed, hard!

ГЕРОЙ

Глупец,
выбирай приключения,
что разбивают корабли,
а не женскую плоть.
Пусть пронесутся
в воспоминаниях
воды
четырёх океанов, дыхание
четырёх небес!
Возвращайся, втянув живот,
с острым взглядом, величавый!
С безобидным шрамом или двумя.

A simple scar or two.
Little girls will come
bringing you roses
for your button-hole.
“Al que quiere!” («To Him Who Wants
It»), 1917

Девушки придут,
неся тебе розы
для твоей петлицы.

Перевод Марии Олеговны Андреевой (1032201027@pfur.ru). Родилась и живет в Москве. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация: перевод и переводоведение, иностранные языки: английский, немецкий. Художественным переводом ранее не занималась.

Минара Бодениязова

WINTER QUIET

Limb to limb, mouth to mouth
with the bleached grass
silver mist lies upon the back yards
among the outhouses.

The dwarf trees
pirouette awkwardly to it—
whirling round on one toe;
the big tree smiles and glances
upward!
Tense with suppressed excitement
the fences watch where the ground
has humped an aching shoulder for
the ecstasy.
“Al que quiere!” («To Him Who Wants
It»), 1917

ЗИМНЯЯ ТИШЬ

Ветвь к ветви, уста к устам,
Белоснежной травой
Серебристый туман лежит на заднем
дворе
Средь сарайных построек.

Карликовые деревья
Неуклюже совершают пируэт,
Кружась на одном лишь стволе;
А большое дерево улыбается и
взглядом устремляется
ввысь!
Терзаемые сдержанным волнением,
Заборы наблюдают, как земля
Горбит больное плечо
В чувственном восторге.

Перевод Минары Бодениязовой (minara.bdnzv@gmail.com). Место рождения: село Нариман, Ногайский район, Дагестан; место проживания — Москва. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение»; английский и французский языки. Художественным переводом ранее не занималась.

Екатерина Галеева

A PRELUDE

I know only the bare rocks of today.
In these lies my brown sea-weed, —
green quartz veins bent through the wet
shale;
in these lie my pools left by the tide-
quiet, forgetting waves;
on these stiffen white star fish;
on these I slip bare footed!
Whispers of the fishy air touch my
body;
“Sisters,” I say to them.

ВСТУПЛЕНИЕ

Сегодня наготу я знаю скал.
В них темных водорослей лежит
густая грива, —
По влажным венам сланца зеленый
кварц бежал;
Здесь заводи мои, что тишиной
прилива
Оставлены с забытыми волнами;
На них томятся звезды кипенные;
По ним скольжу я пятками босыми!
Меня морского ветра шепот гладит;
Их голос мой охватит: «Братья».

Перевод Екатерины Эдуардовны Галеевой (1032203389@pfur.ru). Место рождения: город Фокино, место проживания — Москва. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация: «перевод и переводоведение». Иностранные языки: английский, немецкий. Художественным переводом ранее не занималась.

Леонид Лазаев

M.B.

Winter has spent this snow
out of envy, but spring is here!
He sits at the breakfast table
in his yellow hair
and disdains even the sun
walking outside
in spangled slippers:

He looks out: there is
a glare of lights
before a theater, —
a sparkling lady
passes quickly
to the seclusion of
her carriage.

M.B.

Зима, завистливая, сошла со сцены,
И весна, весело звеня, предстала
перед ним,
Что сидит за столом с пшеничными
волосами,
И даже солнце взглянуть не
решается в его очи злосчастные.

«Ночь. Улица. Фонарь». Выходит.
Перед театром предстаёт,
Дама мчится поблёскивая,
Каретой оставляя след белёсый.

Плотную стену табачного дыма
Он вдыхает снова и снова

Presently
under the dirty, wavy heaven
of a borrowed room he will make
re-inhaled tobacco smoke
his clouds and try them
against the sky's limits!
"Al que quiere!" («To Him Who Wants
It»), 1917

Перевод Леонида Алексеевича Лазаева (1032206205@pfur.ru). Место рождения: Подольск, место проживания: Москва. Студент 3 курса ИИЯ РУДН, специализация: «перевод и переводоведение». Иностранные языки: английский, немецкий, испанский. Ранее художественным переводом не занимался.

Рукият Магомедова

A PORTRAIT IN GREYS

Will it never be possible
to separate you from your greyness?
Must you be always sinking backward
into your grey-brown landscapes —
and
trees
always in the distance, always against
a grey sky?

Must I be always
moving counter to you? Is there no
place
where we can be at peace together
and the motion of our drawing apart
be altogether taken up?
I see myself
standing upon your shoulders
touching a grey, broken sky—
but you, weighted down with me,
yet gripping my ankles, — move
laboriously on,
where it is level and undisturbed by
colors.
"Al que quiere!" («To Him Who Wants
It»), 1917

Комнату заполняя прочным
туманом,
Под небом ребристым, под ветром
порывистым.

ПОРТРЕТ В СЕРЫХ ТОНАХ

Не станет ли когда-нибудь
возможным
отделить тебя от твоей серости?
Ты всегда будешь погружаться назад
в свои серо-коричневые ландшафты,
всегда ли деревья будут далеко?
всегда на фоне
серого неба?

Должен ли я всегда двигаться
против тебя?
Нет ли места, где мы можем быть
вместе в покое,
где наше отдаление может быть
прекращено?

Я вижу себя, стоящим на твоих
плечах,
касающимся серого, разбитого неба
—
но ты, обремененный мной,
держишься моих лодыжек, —
двигаешься
натужно, где нет цветов — только
покой.

Перевод Рукият Набиюллаевны Магомедовой (magomedova.rn@mail.ru). Место рождения: город Каспийск, Дагестан, город проживания: Москва. Студентка 3 курса

ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Владеет английским и немецким, в переводческих конкурсах не участвовала.

Алина Мясникова

PASTORAL

If I say I have heard voices
who will believe me?

“None has dipped his hand
in the black waters of the sky
nor picked the yellow lilies
that sway on their clear stems
and no tree has waited
long enough nor still enough
to touch fingers with the moon.”

I looked and there were little frogs
with puffed out throats,
singing in the slime.

“Al que quiere!” («To Him Who Wants
It»), 1917

ПАСТОРАЛЬ

Если скажу, что слышу я голоса,
кто мне поверит?

Никто ладонь не окунал
в чёрные воды неба,
не собирал жёлтые лилии,
что колышутся на стеблях
прозрачных,
и дерева нет, что ждало
достаточно долго и достаточно
неподвижно,
чтобы пальцы его коснулись луны.

Я глянул и увидел, что маленькие
лягушки
с раздутым горлом
поют в иле.

Перевод Алины Сергеевны Мясниковой (alinamyasnikova1@gmail.com). Родилась в Смоленске, живет в Москве. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение»; языки: английский и немецкий. Участвовала в конкурсе перевода Оренбургского государственного университета.

София Русакова

SPRING STORM

The sky has given over
its bitterness.
Out of the dark change
all day long
rain falls and falls
as if it would never end.
Still the snow keeps
its hold on the ground.
But water, water
from a thousand runnels!
It collects swiftly,

ВЕСЕННЯЯ БУРЯ

Небо кончило
злость копить.
От таких темных перемен
весь день напролёт
дождь всё льёт и льёт
И нет ему конца и края.
Снег между тем
крепко лежит на земле
Но вода, вода
из тысячи ручьёв!
Она собирается вмиг

dappled with black
cuts a way for itself
through green ice in the gutters.
Drop after drop it falls
from the withered grass-stems
of the overhanging embankment.
«Sour Grapes», 1921

усеянная черными пятнами
и прорезает свой путь
сквозь зеленый лед вдоль канав.
Капля за каплей стекая
по иссохшей траве
на нависшей насыпи.

Перевод Софии Владимировны Русаковой (rusakovas@icloud.com). Родилась в Перми, живет в Москве. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение»; владеет английским и японским. Раньше никогда не делала переводы.

Эмилия Тарасова

AT NIGHT

The stars, which are small
lights—
now that I know them foreign,
uninterfering, like nothing in my
life —
I walk by their sparkle
relieved and comforted. Or when
the moon moves slowly up among
them
with flat shine then the night
has a novel light in it—curved
curiously in a thin half-circle
«Sour Grapes», 1921

НОЧЬЮ

Звезды, похожие на маленькие огоньки —
Теперь, когда я знаю, что они
иноземные,
вовсе не мешающие, как ничто в моей
жизни,
Я иду под их сиянием
счастливый и спокойный. А когда
луна медленно поднимается среди них
с призрачным блеском, в это время ночь
озаряется новым светом — изогнутым
необычайно в тонкий полукруг.

Перевод Эмилии Михайловны Тарасовой (1032202534@pfur.ru). Родилась в Чебоксарх, живет в Москве. Студентка 3 курса ИИЯ РУДН, специализация «перевод и переводоведение»; владеет английским и немецким. Раньше никогда не делала переводы.

Полина Эбель

WILLOW POEM

It is a willow when summer is over,
a willow by the river
from which no leaf has fallen nor
bitten by the sun
turned orange or crimson.

***

Это ива в конце лета,
та ива возле речки,
которую не покинул ни единый
лист,
которую не задел и луч солнца,

The leaves cling and grow paler,
swing and grow paler
over the swirling waters of the river
as if loath to let go,
they are so cool, so drunk with
the swirl of the wind and of the river-
oblivious to winter,
the last to let go and fall
into the water and on the ground.
«Sour Grapes», 1921

чтобы она не дай Бог не стала
оранжево-багровой.
Листья вцепились в кору и
бледнеют;
качаются и бледнеют
прямо над рекой,
не желая отрываться.
Разнеженные прохладой ветра и
реки,
совсем позабывшие о зиме,
последними упадут они.

*Перевод Полины Сергеевны Эбель (1032205771@pfur.ru, ebel523241@mail.ru).
Родилась в Усть-Каменогорске (Казахстан), живет в Москве. Студентка 3 курса
ИИЯ РУДН, специализация: «перевод и переводоведение». Иностранные языки:
английский, французский. Ранее переводами не занималась и не публиковалась, в
конкурсах не участвовала.*

Фатима Алиева

APPROACH OF WINTER

The half stripped trees
struck by a wind together,
bending all,
the leaves flutter drily
and refuse to let go
or driven like hail
stream bitterly out to one side
and fall
where the salvias, hard carmine, —
like no leaf that ever was —
edge the bare garden.
«Sour Grapes», 1921

ПРИБЛИЖЕНИЕ ЗИМЫ

Полуобнажённые деревья
сбитые ветром в кучу,
сгибая всё,
трепещут сухо листья
и отказываясь отпустить,
бьют будто град
горько перетекают в одну сторону
и падают на
место, где сальвии, тёмно-малиновые, —
каких ещё не было листьев на свете —
по краям обрамляют оголенный сад.

*Перевод Фатимы Рахиловны Алиевой (alievafatima7@mail.ru). Родилась и
живет в Москве. Студентка 3 курса Института иностранных языков РУДН,
специализация «перевод и переводоведение». Владение языками: английский,
азербайджанский, китайский, турецкий. Опыта художественного перевода нет.*

Раиса Артюшкина

JANUARY

Again I reply to the triple winds
running chromatic fifths of derision

ЯНВАРЬ

Снова я отвечаю тройным ветрам,
Что насмешливо играют

outside my window:
Play louder.
You will not succeed. I am
bound more to my sentences
the more you batter at me
to follow you.
And the wind,
as before, fingers perfectly
its derisive music.
«Sour Grapes», 1921

хроматические квинты
За окном моим:
"Играйте громче".
Вы не преуспеете. Я тем больше
привязан
К своими предложениям,
Чем вы больше уговариваете меня
Следовать за собой.
И ветер,
Как и прежде, идеально исполняет
Свою насмешливую музыку.

Перевод Раисы Дмитриевны Артюшкиной (teplikart2012@gmail.com). Родилась и живет в Москве. Студентка 3 курса Института иностранных языков РУДН, специализация «перевод и переводоведение», языки: английский, испанский. Опыта перевода и публикаций нет.

Ирина Белоус

BLIZZARD

Snow:
years of anger following
hours that float idly down—
the blizzard
drifts its weight
deeper and deeper for three days
or sixty years, eh? Then
the sun! a clutter of
yellow and blue flakes —
Hairy looking trees stand out
in long alleys
over a wild solitude.
The man turns and there —
his solitary track stretched out
upon the world.
«Sour Grapes», 1921

МЕТЕЛЬ

Снег:
годы гнева следуют
за часами, которые лениво плывут
вниз —
снежная буря
заносит свой вес
все глубже и глубже в течение трёх
дней
или шестидесяти лет, а? Потом
солнце! мешанина
жёлтых и голубых хлопьев—
Мохнатые деревья выделяются
длинными аллеями
на фоне дикого уединения.
Человек поворачивается, и вот —
его одинокий след, протянувшийся
по всему миру.

Перевод Ирины Сергеевны Белоус (ayrin272001@gmail.com). Родилась и живет в Москве. Студентка 3 курса Института иностранных языков РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Владение языками: английский, французский, опыта художественного перевода нет.

Ольга Бирагова

ALL THE FANCY THINGS

music and painting and all that
That's all they thought of
in Puerto Rico in the old Spanish
days when she was a girl
So that now
she doesn't know what to do
with herself alone
and growing old up here —
Green is green
but the tag ends
of older things, ma chere
must withstand rebuffs
from that which returns
to the beginnings —
Or what? a clean air,
high up, unoffended
by gross odors
«Spring And All», 1923

Перевод Ольги Георгиевны Бираговой (korolina6@gmail.com). Родилась и живет в Москве. Студентка 3 курса Института иностранных языков РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Владение языками: английский, испанский, турецкий; опыта художественного перевода нет.

Иван Конюхов

THE DARK DAY

A three-day-long rain from the east—
an interminable talking, talking
of no consequence — patter, patter,
patter.
Hand in hand little winds
blow the thin streams aslant.
Warm. Distance cut off. Seclusion.
A few passers-by, drawn in upon
themselves,
hurry from one place to another.
Winds of the white poppy! there is no

ВСЕ ЭТИ МОДНЫЕ ШТУЧКИ

музыка, живопись и все такое
Это все, о чем они думали
в Пуэрто-Рико в старые испанские
времена, когда она была девочкой
Так что теперь
она не знает, что делать
оставшись наедине собой
и старея здесь, наверху—
Зеленое есть зеленое
но то, что осталось от старых вещей,
дорогая,
должно выдерживать отказы того,
что возвращает
нас к началам —
Или что? чистый воздух,
высоко над землей, не оскверненный
отвратительными запахами

НЕПОГОЖИЙ ДЕНЬ

Уже три дня восток несёт дожди—
И окончания разговора ты не жди
Он не закончится, поверь ты,
никогда —
Кап-кап, кап-кап, течёт вода.
А тонкие струи воды теплы, и
слабый ветер делит их
На ручейки горной реки, совсем не
думая о них.
Задумавшись о чём-то о своём,
спешили люди поскорее прочь,

escape –
An interminable talking, talking,
talking ... it has happened before.
Backward, backward, backward.
«Sour Grapes», 1921

А ветры с белых маковых полей не
обещали им помочь.
Уж некуда давно бежать, твердят
что это повторится
И бесконечный-вечный дождь назад
не даст нам возвратиться.

Перевод Ивана Дмитриевича Конюхова (konuxov_i@list.ru). Город рождения: Кировская обл., пгт. Кумёны, город проживания: Москва. Студент 3 курса Института иностранных языков РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Владение языками: английский, итальянский, корейский, опыта художественного перевода нет.

Анна Коняхина

THURSDAY

I have had my dream — like others —
and it has come to nothing, so that
I remain now carelessly
with feet planted on the ground
and look up at the sky –
feeling my clothes about me,
the weight of my body in my shoes,
the rim of my hat, air passing in and
out
at my nose — and decide to dream no
more.
«Sour Grapes», 1921

ЧЕТВЕРГ

У меня была мечта — как и у
других,
Но она исчезла, утратив смысл,
Так что теперь я беспечно,
С ногами, крепко упершись в землю,
Взираю на небо —
Ощущая свою одежду,
Вес своего тела в обуви,
Ободок моей шляпы, воздух,
входящий и выходящий
Через мой нос — и решаю больше
не мечтать.

Перевод Анны Андреевны Коняхиной (annakon02@icloud.com). Город рождения: Орехово-Зуево, Московская область, город проживания: Москва. Студентка 3 курса Института иностранных языков РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Владение языками: английский, испанский, китайский, опыта художественного перевода нет.

Полина Масюткина

DAISY

The dayseye hugging the earth
in August, ha! Spring is
gone down in purple,
weeds stand high in the corn,

МАРГАРИТКА

Маргаритка, обнимающая
августовскую землю, ах! Весна
Утонула в пурпуре,
сорняки стоят высоко в кукурузе,

the rainbeaten furrow
is clotted with sorrel
and crabgrass, the
branch is black under
the heavy mass of the leaves —
The sun is upon
a slender green stem
ribbed lengthwise.
He lies on his back —
it is a woman also —
he regards his former
majesty and
round the yellow center,
split and creviced and done into
minute flowerheads, he sends out
his twenty rays — a little
and the wind is among them
to grow cool there!

One turns the thing over
in his hand and looks
at it from the rear: brownedged,
green and pointed scales
armor his yellow.

But turn and turn,
the crisp petals remain
brief, translucent, greenfastened,
barely touching at the edges:
blades of limpid seashell.
«Sour Grapes», 1921

*Перевод Полины Александровны Масютиной (masutina.polina@gmail.com).
Родилась в Южно-Сахалинске, живет в Москве. Студентка 3 курса Института
иностранных языков РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Владение
языками: английский, испанский, корейский. Опыта художественного перевода нет.*

Алина Панкова

PRIMROSE

Yellow, yellow, yellow, yellow!
It is not a color.

залитая дождем колея
покрыта щавелем
и ползучим сорняком,
ветка в тени
тяжести листьев —
Солнце бросает лучи на
рёбра тонкого
зеленого стебля.
Он лежит на спине —
и женское тоже в себе хранит —
он лелеет свое прежнее
величие и
вокруг желтого центра,
расколотого и расщепленного на
мельчайшие цветочные головки,
он отпускает свои двадцать
маленьких лучей — и ветер,
кружащийся среди них, заставляет
его остыть!

Он крутит цветок в руке
и смотрит
на него сзади: подрумяненный,
чешуйки его зеленые и заостренные
броней покрывают жёлтую
сердцевину.

Но сколько ни крути,
Упругие лепестки всё такие же
короткие, полупрозрачные,
покрытые зеленью,
едва соприкасаются краями:
как острые края морской раковины.

ПЕРВОЦВЕТ

Жёлтый, жёлтый, жёлтый, жёлтый!
Это же не цвет,

It is summer!
 It is the wind on a willow,
 the lap of waves, the shadow
 under a bush, a bird, a bluebird,
 three herons, a dead hawk
 rotting on a pole—
 Clear yellow!
 It is a piece of blue paper
 in the grass or a threecluster of
 green walnuts swaying, children
 playing croquet or one boy
 fishing, a man
 swinging his pink fists
 as he walks —
 It is ladysthumb, forget-me-nots
 in the ditch, moss under
 the flange of the carrail,
 the wavy lines in split rock,
 a great Oaktree —
 It is a disinclination to be
 five red petals or a rose, it is
 a cluster of birdsbreast flowers
 on a red stem six feet high,
 four open yellow petals
 above sepals curled
 backward into reverse spikes —
 Tufts of purple grass spot the
 green meadow and clouds the sky.
 «Sour Grapes», 1921

Это лето!
 Это ветер на иве,
 Шуршание волн, тень
 Под кустом, птица, голубь,
 Три цапли, мертвый ястреб,
 Гниющий на столбе —
 Ясный жёлтый!
 Это кусок голубой бумаги
 На траве или группа
 Зеленых грецких орехов,
 колышущихся,
 Дети, играющие в крокет,
 Или один мальчик,
 Ловящий рыбу, мужчина,
 Размахивающий розовыми кулаками
 По дороге —
 Это гусятники, незабудки
 На краю канавы, мох
 Под рельсами,
 Волнистые линии на расколоте
 камне,
 Великое дерево —
 Это нежелание быть
 Пятью красными лепестками или
 розой,
 Это куча цветов “груди птицы”
 На красном стебле в шести футах от
 земли,
 Четыре открытых жёлтых лепестка
 Над отгибающимися наоборот
 чашелистиками —
 Пучки фиолетовой травы пятнают
 Зелёное поле и облачают небо.

Перевод Алины Дмитриевны Панковой (pankova.alina01@mail.ru). Родилась и живет в Москве. Студентка 3 курса Института иностранных языков РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Владение языками: английский, итальянский, опыта художественного перевода нет.

Артём Пономарев

THE DISPUTANTS

Upon the table in their bowl
 in violent disarray

СПОРЯЩИЕ

За столом в своей миске
 В зловещем беспорядке

of yellow sprays, green spikes
of leaves, red pointed petals
and curled heads of blue
and white among the litter
of the forks and crumbs and plates
the flowers remain composed.
Coolly their colloquy continues
above the coffee and loud talk
grown frail as vaudeville.
«Sour Grapes», 1921

Желтых брызг, зелёных копий
Листьев, красных точеных лепестков
И свернувшихся голубых голов
И белых на фоне мусора
Вилок, крошек и тарелок
Цветы остаются целыми.
С прохладой продолжается их
разговор
Над кофе и громким говором,
Хрупким, как водевиль.

*Перевод Артема Пономарева (artemiy.tolmach@mail.ru). Студент 3 курса
Института иностранных языков РУДН, специализация «перевод и переводоведение».*

Алена Щукина

BLUEFLAGS

I stopped the car
to let the children down
where the streets
end in the sun
at the marsh edge
and the reeds begin
and there are small houses
facing the reeds
and the blue mist
in the distance
with grapevine trellises
with grape clusters
small as strawberries
on the vines
and ditches
running springwater
that continue the gutters
with willows over them.
The reeds begin
like water at a shore
their pointed petals waving
dark green and light.
But blueflags are blossoming
in the reeds
which the children pluck
chattering in the reeds

ГОЛУБЫЕ ФЛАГИ (ИРИСЫ)

Я остановил машину
Чтоб выпустить детей
Где улицы
В свете солнца заканчиваются
На краю болота
И начинается тростник
Там есть маленькие домики
Навстречу тростнику
И голубому туману
Вдали
С виноградными решетками
С виноградными гроздьями
Маленькими, как клубника
На лозах
И канавы
По которым течет родниковая
вода
Которые продолжают желоба
С ивами над ними.
Камыши начинаются
Как вода у берега
Их заостренные лепестки
кольшутся
Темно и светло зелёным.
Но в камышах распускаются
голубые флаги
Которые дети срывают

high over their heads
which they part
with bare arms to appear
with fists of flowers
till in the air
there comes the smell
of calamus
from wet, gummy stalks.
«Sour Grapes», 1921

Болтая в камышах
Высоко над головами
Которые они раздвигают
Голыми руками, чтобы появиться
С букетами цветов
Пока в воздухе
Не разольется запах
Аира
От влажных смолянистых
стеблей.

Перевод Алёны Ивановны Шукиной (alenschukina@icloud.com). Родилась и живет в Москве. Студентка 3 курса Института иностранных языков РУДН, специализация «перевод и переводоведение». Владение языками: английский, французский. Опыта художественного перевода нет.

**Переводы призеров II конкурса «День переводчика»,
проведенного Институтом иностранных языков
Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина
(весна 2023 года)**

**James Krüss (1926-1997).
Wie wohnen die Kinder der Erde?**

Manches Kind wohnt auf dem Lande,
manches wohnt im zehnten Stock,
manches Kind wohnt nah beim Strande,
manches wohnt im Neubaublock.

Manches wohnt in einem Walde,
manches wohnt am Wüstenrand,
manches bei der Abfallhalde,
manches vor der Bergeswand.

Manches wohnt in einer Kammer,
manches wohnt in einem Schloss,
manches wohnt in Not und Jammer,
manches froh und sorgenlos.

Aber kommst Du mich nun fragen,
wo die beste Wohnung ist,
kann ich's mit vier Worten sagen:
Wo Du glücklich bist!

**Джеймс Крюс (1926-1997). Кто-то
рождён под счастливой звездой...**

Кто-то рождён под счастливой
звездой,
Живёт во дворцах и хоромах.

**Джеймс Крюсс (1926-1997).
Где живут дети земли?**

Где живут дети земли?
Чьи-то дети живут в деревне,
Чьи-то вовсе — квартирные пташки.
Чьи-то видят пляж ежедневно,
Чьи-то — только многоэтажки.

Чьи-то дети в лесной избушке,
Чьи-то здравствуют даже в пустыне.
Чьи-то кормятся с птичьей
кормушки,
Чьи-то горы лишь знают доныне.

Чьи-то в камерах мокрых и тёмных,
Чьим-то бедная жизнь неудобна.
Чьи-то знают о жизни бездомных,
Чьи-то век свой живут беззаботно.
Ты, наверное, спросишь меня,
Где же лучшее место для жизни.
Кратко дам я ответ, не тая:
Там, где счастье твоё бескорыстно.

Перевод Кристины Савиной, Рязань. Учится на 3 курсе РГУ имени С. А. Есенина на преподавателя иностранных языков (немецкий и английский). Перевод занял первое место в номинации «поэтический перевод с немецкого на русский (детская литература)».

**Джеймс Крюсс (1926-1997).
Как живут дети земли?**

Дети и за городом живут,
И на десятый этаж они быстро бегут,
И хорошо им живется у моря,

А кто-то уютится в лачуге убогой,
А кто-то и вовсе бездомный.

У моря живёшь – что может быть
лучше?
Если только в горах у ручья,
А пробовал ты просыпаться в
трущобах?
Завидна ли доля твоя?

Одних согревает любовь и забота,
Других – только пламя огня.
В лесу и пустыне – повсюду есть
люди.
Какая судьба у тебя?

Живём и мечтаем, и верим, что скоро
К нам радость придёт навсегда.
Ведь, в сущности, важно не то, где
живёшь ты,
А дышит ли счастьем душа!

*Перевод Елизаветы Никитенко
(lizochkan312@mail.ru), студентки 3 курса
Института иностранных языков РГУ им.
С. А. Есенина. Изучает английский и
немецкий языки. Перевод занял третье место
в номинации «Поэтический перевод с
немецкого языка на русский (детская
литература)»*

Horst Rehmann (geb. 1943). Denglisch

Wer ständig fremde Worte wählt,
und Englisch zwischen Deutsches quält,
wer thank you sagt statt Dankeschön,
und nur let's go, nicht lass uns geh'n ,
wer happy sagt und glücklich meint,
und sunshine, wenn die Sonne scheint,
wer shopping sagt bei jedem Kauf,
und jogging nennt den Dauerlauf,
wer cool sagt und meint, das ist toll,
und sorry sagt mit leichtem Groll,
wer Shows abzieht und sich verneigt,
beim Duschen hot schreit, anstatt
schweigt,

А кто-то наслаждается видом из
новостроя,

Некоторых лес окружает кругом,
И пустыня Сахара для детей родной
дом,
Но кто-то дома родного не знает,
А кто-то на склоне горы обитает,

Кто-то — крошечной комнатухи
жилец,
У кого-то из детей просторный
дворец,
Один из них вечно слёзы льёт,
Другой спокойно живёт без забот,

Но если у меня захочешь узнать,
Где тебе лучшую жизнь проживать,
Суждено услышать тебе всего одну
фразу:
Там, где ты счастье почувствуешь
сразу.

*Перевод Элины Костоглодовой
(kostoglodovaelina@gmail.com), студентки 3
курса специалитета Донецкого
государственного университета,
направление «Перевод и переводоведение».
Перевод занял второе место в номинации
«Поэтический перевод с немецкого языка на
русский».*

Хорст Реманн (род. 1943). Рунглиш

Кто с ворохом английских слов
Родной язык смешать готов,
Кто *thank you!* вас благодарит,
Не *рад*, а *happy* говорит,
Let's go вместо *ну пойдём*,
Кто скажет *sunshine* ясным днём,
Покупки именует *shopping*,
Пробежку называет *jogging*,
Cool! восклицает восхищённо,
И *sorry!* просит вас смущённо.
Кто *show* смотрит, и помногу,
Кто вскрикнет *ouch!* от ожога,
Кто *spea*`ать *Runglish`*ем привык,

wer solch ein ›Denglich‹ laufend
spricht,
dem sagt man kess ins Angesicht:
»Weißt nicht, du armer Chauvinist,
wie schön die deutsche Sprache ist!«

Тому мы скажем напрямик:
«Признайся, шовинист несчастный,
Родной язык — он самый
классный!»

*Перевод Вероники Матвиенко
(vera.matvienko.2005@gmail.com), студентки
I курса специальности «Германская
филология» Донецкого государственного
университета. Перевод занял первое место
на конкурсе «День переводчика» в номинации
«Поэтический перевод с немецкого языка на
русский (современная поэзия)»*

Прозаический перевод с немецкого языка на русский Von Bjerg. SERPENTINEN

Um was geht es?

Er sei ausgewandert, im Jahr 1900. Habe Frau und Kinder im Havelland gelassen
und sei einfach weg. Seine Holzpantinen habe man in der Elbe gefunden.

Die Tantenstimme klirrte aus den Dauerwellen. Sie diktierte. Name, Beruf,
Bekenntnis.

Sternchen, Datum, Ort.

Kreuzchen, AMERIKA Fragezeichen.

Über die Seite schrieb ich: AHNENTAFEL.

Viel später war ich in Hamburg und ging die Passagierlisten durch. In
Bremerhaven. Auf Ellis Island. Ich fand den Urgroßvater nicht.

Er war nicht ausgewandert. Er hatte sich einfach das Leben genommen. Wie der
Großvater und wie der Vater.

Holzpantinen im Fluss: Beweis, dass einer ausgewandert war. Diese Familie hatte
es nicht so mit Wirklichkeit oder Logik. (Was vielleicht gar nicht das gleiche war.)

Urgroßvater, Großvater, Vater. Ertränkt, erschossen, erhängt. Zu Wasser, zu Lande
und in der Luft. Pioniere. Ich war noch am Leben.

Vor Angst schlief ich ein.

Um was geht es?

Ich rannte los. Das Standbein rutschte weg, ich fiel, ich spürte den Boden am
Körper, zog durch und trat mit der Spitze, mit ganzer Wucht gegen den Ball.

Ich erwachte vom Schmerz. Dann ließ der Schmerz nach. Ich hörte den Knall.
Dann kam der Schmerz wieder, stärker als vorher.

"Papa, bist du wach?"

Ich öffnete die Augen. Die Wand.

"Hast du gegen die Wand getreten? Warum trittst du gegen die Wand?"

Ich drehte mich um. Große braune Augen. Titelbild eines Eltern-Ratgebers. Auf der
Stirn die helle Narbe. Er hatte gerade laufen gelernt, da war er losgerannt und

hingefallen, mit dem Kopf in die Bierflaschenscherben. Ich hatte nicht gut genug aufgepasst.

Ich streichelte über sein Ohr. So weit waren wir gekommen. Sieben Jahre.

"Was machen wir heute?"

"Mal sehen."

"Suchen wir Versteinerungen?"

Ich sagte nichts. Ich hasste die Frage.

"Kann ich rausgehen?"

Ich drehte mich wieder zur Wand. Ich hörte den Jungen rascheln. Das Türschloss klackerte.

Der Schmerz pulsierte in den Zehen, stärker, schwächer, pegelte sich ein.

Ich durfte den Schmerz nicht stören.

Ich atmete flacher.

Dass einer irgendwo seine Wurzeln hatte, das Geschwätz kam vom Stammbaum. Jeder Depp ein Wurzelepp und saugt das Blut aus dem Boden.

Der Vater aus Brandenburg, die Mutter aus Böhmen, ich von der Alb, M. von der Ostsee, der Junge aus Berlin.

Verbinden Sie die Geburtsorte. Betrachten Sie das Bild. Fällt Ihnen etwas dazu ein?

Krikelkrakel.

Und jetzt lassen Sie uns die Generation davor betrachten. Ach Gott.

(Bomben und Trecks. Arbeit. Suche nach Arbeit. Verhungerte Großmütter. Ledige Kinder, Hochzeiten mit steinalten Männern. Bei ledigen Kindern schrieb man das Sternchen in Klammern. Überfälle, keine Räuber. Morde, keine Mörder. Legenden, Lügen, Familienbla.)

Gestern waren wir im Museum gewesen. Vitrinen voller Fossilien, an den Wänden Schieferplatten mit freigelegten Versteinerungen. Alles sehr lehrreich.

Wale waren keine Fische.

Erdnüsse waren keine Nüsse.

Ammoniten keine Schnecken.

Schautafeln mit den Erdzeitaltern: Kreide, Jura, Trias, Perm. Die Schichten gaben den Zeiten die Namen, das hatte ich schon in der Schule nicht verstanden.

Feldspat, Quarz und Glimmer, die vergess ich nimmer.

Das Skelett eines Ichthyosaurierweibchens. Im Bauch die Knochen der Embryos.

Eine Wand voller Seelilien, meterhohe Schieferplatten, die Blütenstängel wie eingefroren im Wind.

Ich sagte: "Guck mal, die Pflanzen da, die haben vor ganz langer Zeit gelebt."

Der Junge sagte: "Seelilien sind keine Pflanzen. Das sind Stachelhäuter. So wie Seeigel."

Gleich neben dem Museum lag ein Steinbruch. Eine große Tafel an der Straße wies darauf hin mit vermurkster Typographie. Für ein paar Euro bekam man Hammer und Meißel, und dann konnte man selbst Versteinerungen aus den Schieferplatten klopfen. Ammoniten in allen Größen.

Ammoniten waren keine Schnecken. Aber es regnete, und ich musste den Jungen vertrösten.

Im Frühstücksraum stand ein kleiner Tisch, eingedeckt mit Tellern, Tassen, Messern. In einem Flaschenhals steckte eine Gerbera, von dunkelgrünem Draht gestützt.

Ich drehte den Griff der Terrassentür und zog sie zur Seite. Die Morgenkälte schlug mir entgegen. Ich trat hinaus und sah auf die rostigen Schienen.

Der Nebel über den Wiesen schien sich schon aufzulösen in der wärmer werdenden Luft.

Unter der Blautanne stand ein Mann im Trachtenjanker und sah nach oben. Der Junge stand auf einem Ast, weit oben im Baum. Die Jeans und der Pulli verbargen ihn zwischen den Zweigen, doch die Springseile, mit denen er immer kletterte, leuchteten, aneinandergeknotet, knallrot, knallgelb.

Der Junge unterhielt sich mit dem Mann. Er quatschte mit jedem. Dem Taxifahrer hatte er eine Stunde lang Witze erzählt. Ich hatte sie alle schon mehrmals gehört und wieder vergessen.

Die Blautanne dürfte hier eigentlich gar nicht stehen, dachte ich, hier waren nicht die Rocky Mountains oder wo die ihre Wurzeln hatte.

Ich winkte den Jungen herunter.

Ich schüttete Müsli aus dem Dispenser in eine kleine Schüssel, streute zur Tarnung Cornflakes darüber und goss Milch darauf.

Die Inhaberin kam aus der Küche und sagte: "Guten Morgen, Herr Höppner!"

Der Junge sah zu mir. Er verstand nicht.

Ich sagte: "Guten Morgen!"

Вов Вјег. Серпантин

О чем же идет речь?

Он переехал в 1900 году. Оставил жену и детей в Хафельланде и просто уехал. Его деревянный ботинок был найден в Эльбе.

Тетин звонкий голос доносился из-под ее химически завитой прически. Она диктовала.

Имя, профессия, вероисповедание.

Звездочка, дата, место.

Крестик, АМЕРИКА вопросительный знак.

Вверху страницы я написал: РОДОСЛОВНАЯ.

Намного позже я был в Гамбурге и просматривал список пассажиров. В Бремерхафене. На острове Эллис. Прадедушку я не нашел.

Он не переехал. Он просто покончил с собой. Как дед и как отец.

Деревянные ботинки в реке: доказательство того, что кто-то «эмигрировал». Эта семья не имела ничего общего с реальностью или логикой. (Что, возможно, было совсем не одно и то же.)

Прадед. Дед. Отец. Утоплен. Застрелен. Повешен. В воде, на суше и в воздухе. Новаторы. Я был еще жив.

От страха я заснул.

О чем же идет речь?

Я мчался. Опорная нога проскользнула, и я упал, почувствовав землю на теле я поднялся и ударил со всей силы носком по мячу.

Я проснулся от боли. Потом боль ослабла. Я услышал звук выстрела. Потом боль продолжилась еще сильнее, чем раньше.

«Папа, ты проснулся?»

Я открыл глаза. Стена.

«Ты ударился о стену? Почему ты бьешься о стену?»

Я обернулся. Большие коричневые глаза. Внешний вид, как у родителя-советчика. На лбу у него яркий шрам. Когда он только научился бегать, он бросился бежать и упал головой прямо на осколки пивной бутылки. Я недостаточно хорошо следил за ним.

Я погладил его по голове. Так далеко мы зашли. Уже семь лет.

«Что мы делаем сегодня?»

«Посмотрим.»

«Поищем окаменелости?»

Я ничего не ответил. Я ненавижу этот вопрос.

«Можно я выйду?»

Я снова отвернулся к стене.

Было слышно, как мальчик зашуршал. Дверной замок щелкнул.

Боль пульсировала в пальцах ног то сильнее, то слабее, то как-то средне.

Мне нельзя было прерывать боль.

Я старался дышать ровнее.

Болтовня о том, что у кого-то где-то есть свои корни, шла от родословной. Каждый идиот пользуется своим происхождением.

Отец из Бранденбурга, мать из Богемии, я из Альбы, М. из Балтийского моря, мальчик из Берлина.

Соедините места их рождения. Увидите картину. Что-то по этому поводу приходите вам в голову?

Каракули.

А теперь давайте посмотрим на предыдущее поколение.

О боже.

(Бомбы и толпы беженцев. Работа. Поиски работы. Изголодавшиеся бабушки. Дети сироты, свадьбы с престарелыми мужчинами. У сирот подписывают звездочку в кавычках. Нападения, не грабители. Убийства, не убийцы. Легенды, ложь, семейные предательства.)

Вчера мы были в музее. Витрины наполнены остатками ископаемых, на стенах сланцевые плиты с найденными окаменелостями. Все это очень поучительно.

Киты не считаются рыбами.

Арахис — орехом.

Аммониты — улитками.

Таблички с указателем различных эр: меловой, юрский, триасовый, пермский периоды.

В честь слоев временам давались названия, которые я не понимал еще в школе. Полевой шпат, кварц и слюда — то, что я никогда не забуду.

Скелет самки ихтиозавра. Кости эмбрионов в брюшной полости.

Стена, увитая морскими лилиями, сланцевые плиты высотой в метр, цветочные стебли будто застыли на ветру.

Я сказал: «Смотри, вон те растения уже прожили очень долгое время.»

Мальчик ответил: «Морские лилии — это не растения. Они относятся к иглокожим. Как морские ежи.»

Неподалеку от музея находился карьер. На это указывала большая табличка с искаженным текстом. Купив за несколько евро молоток и долото, можно было самому раскапывать окаменелости. Аммониты всех размеров.

Аммониты не относятся к улиткам. Но шел дождь, и мне пришлось обнадежить мальчика.

В зале для завтраков стоял небольшой стол, накрытый тарелками, чашками и ножами. Из горлышка бутылки торчала гербера, стебель которой был укреплен темно-зеленой проволокой.

Я повернул ручку и открыл дверь, ведущую на террасу. Утренний холод ударил мне в лицо. Я вышел и посмотрел на заржавевшие рельсы.

Туман над лугами, казалось, уже начал рассеиваться в теплеющем воздухе.

Под голубой елью стоял мужчина в спортивном костюме и смотрел вверх.

Мальчик забрался на ветку высоко на верхушке дерева. Джинсы и свитер скрывали его за ветвями, но связанные вместе скакалки, с помощью которых он всегда забирался туда, ярко блестели красным и желтым цветами.

Мальчик беседовал с мужчиной. Он болтал с каждым. Таксисту он целый час рассказывал анекдоты. Я уже слышал их все много раз, но снова забывал.

Эта голубая ель вообще не должна здесь стоять, подумал я, здесь не скалистые горы, где её корни обычно прорастают.

Я махнул мальчику, чтобы он спустился.

Я насыпал мюсли в маленькую миску, добавил сверху кукурузные хлопья для маскировки и налил молоко.

Хозяйка пришла с кухни и сказала: «Доброе утро, Мистер Хеппнер!»

Мальчик посмотрел на меня. Он ничего не понял.

Я ответил ей: «Доброе утро!»

Перевод Анны Сомовой, Рязань. Учится на 3 курсе РГУ имени С. А. Есенина на преподавателя иностранных языков (немецкий и английский). Перевод занял первое место на конкурсе «День переводчика» в номинации «Художественный перевод с немецкого языка на русский».

Bov Bjerg. „Serpentinen” (‘Серпантин’)

Что происходит?

Он эмигрировал в январе 1900 года. Оставив жену с детьми в Хафельланд, он просто уехал. В Эльбе нашли его деревянные башмаки. От химической завивки голос тёти звенел. Она диктовала.

Имя, профессия, вероисповедание.

Звездочка, дата, место.

Крестик, АМЕРИКАНСКИЙ вопросительный знак.

Вверху страницы я написал: ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО.

Многим позже, будучи в Гамбурге, я прошелся по списку пассажиров.

Бремерхафен. Остров Эллис. Я не нашёл прадедушку.

Он не эмигрировал, а просто совершил самоубийство. Как дедушка и как отец.

Деревянные башмаки в реке: было доказательством эмиграции. У этой семьи не было ни фактов, ни логики. (Что, возможно, не совсем идентично друг другу.)

Прадедушка, дедушка, отец. Утонул, застрелился, повесился. В воде, в земле и воздухе. Новатор. Я всё ещё жив.

От страха я заснул.

Что происходит?

Я бросился бежать. Опорная нога соскользнула, я упал и почувствовал, что лежу на земле, затем поднялся и со всей силу пнул мяч.

После того, как я проснулся от боли, она утихла. Затем я услышал хруст. После чего боль вернулась с большей силой, чем раньше.

"Папа, ты проснулся?"

Я открыл глаза. Стена.

"Ты бился головой о стену? Почему ты это делал?"

Я обернулся. Глаза большие и карие. Обложка руководства для родителей. На лбу светлый рубец. Он только научился ходить, но уже бросился бежать и упал головой на осколки бутылки пива. Я был невнимательным.

Я погладил его над ухом. Так далеко мы продвинулись. Семь лет.

"Какие у нас планы на сегодня?"

"Посмотрим."

"Мы будем искать окаменелости?"

Я ответил отрицательно, так как ненавижу этот вопрос.

"Можно тогда мне выйти?"

Я снова повернулся к стене. Я слышал шуршания мальчика. Дверной замок испачкан.

В пальцах ног пульсирует от боли то сильнее, то слабее, стабилизируясь.

Я не в силах это остановить.

Мое дыхание поверхностно.

Где-то растут корни, поговаривают, от генеалогического древа. Каждый глупец, бродяга, высасывающий кровь из-под земли.

Отец из Бранденбурга, мать из Богемии, я из Альб, М. с Балтийского моря, а мальчик из Берлина.

Объедините места рождения. Рассмотрите изображение. Есть соображения?

Неразборчивый почерк.

Сейчас нужно обратить внимание на предыдущее поколение. О, Господи.

(Бомбы и колонны беженцев. Работа. Поиски работы. Умиравшая с голоду бабушка. Незамужние дети, свадьбы с древними стариками. Для не расписанных детей писалась звёздочка в скобках. Ограбления без грабителей. Убийства без убийц. Легенды. Ложь. Фамильенблатт.)

Вчера мы посетили музей. В витринах полно окаменелостей, а на стенах сланцевые панели с открытыми окаменелостями. Очень познавательно.

Киты – не рыба.

Арахис – не орехи.

Моллюски – не улитки.

На стендах история: меловой, юрский, триасовый и пермские периоды.

Пласты дали названия периодам, этого в школе я еще не понимал. Я никогда не могу забыть полевой шпат, кварц и слюду.

Скелет самки ихтиозавра. В животе кости эмбрионов.

На стенах повсюду морские лилии в метровых сланцевых панелях, обвитых стеблями, будто замерзшими на ветру.

«Гляди, тут растения, жившие давным-давно,» — сказал я.

Мальчик ответил: «Морская лилия – это не растение. Она относится к иглокожим как морской ёж.»

Недалеко от музея находилась каменоломня. Дорожный знак с ошибками указывал на это. За несколько евро можно взять молоток и зубило, чтобы самостоятельно добыть окаменелости из сланцевых плит.

Моллюски всех размеров.

Моллюски не были улитками. Но шёл дождь, мне нужно было обнадёжить мальчика.

В столовой стоял маленький стол, накрытый тарелками, чашками и ножами. В горлышко бутылки была вставлена гербера, поддерживаемая темно-зелёной проволокой.

Я повернул ручку двери, ведущую на террасу, и открыл ее. Утренняя прохлада укутала меня. Я переступил порог и увидел проржавевшие перила.

Туман над лугами уже, казалось, растворился в нагреваемом воздухе.

Под голубой елью стоял мужчина в традиционном пиджаке и смотрел вверх. Мальчик стоял на ветке, высоко на дереве. Джинсы и джемпер скрывали его между ветвей, однако скакалки, связанные между собой, по которым он всегда карабкался, отсвечивали то ярко-красным, то ярко-желтым.

Мальчик веселился с мужчиной. Он болтал с каждым. Водителю такси в течение целого часа он рассказывал анекдоты. Мне довелось услышать их всего несколько раз, поэтому давно позабыл.

Я подумал, что голубая ель не должна была тут стоять, здесь не было ни Скалистых гор, ни места, где она пустила бы свои корни.

Я помахал мальчику.

Я насыпал мюсли из автомата в маленькую миску, сверху посыпал кукурузными хлопьями и залил молоком.

Хозяйка вышла с кухни и сказала: «Доброе утро, господин Хёпфнер!»

Мальчик взглянул на меня. Он не понимал.

Я ответил: «Доброе утро!»

Перевод Валерии Дудник (walerija.dudnik@mail.ru). Родилась в Кировском, сейчас проживает в Ялте. В настоящее время учится на 3 курсе факультета иностранных языков ДонГУ, специальность «Филология (Профиль: Зарубежная филология (немецкий язык и литература))». Перевод занял второе место на конкурсе «День переводчика» в номинации «Художественный перевод с немецкого языка на русский (современная литература)».

Angela Sommer-Bodenburg (1948-н.в.). Der kleine Vampir in Gefahr (1979). Das Foto

Als Anton am Samstagmorgen beim Frühstück erschien, spürte er sofort, daß etwas Unangenehmes in der Luft lag.

Auf den ersten Blick schien alles wie immer: der gedeckte Tisch mit den frischen Brötchen, die Musik aus dem Radio, und doch...

Er setzte sich, begann ein Brötchen zu streichen und wartete.

Er brauchte sich nicht lange zu gedulden: sein Vater räusperte sich, dann sagte er: «Anton, wir müssen mit dir reden.»

«Mit mir?» sagte Anton und wollte sich betont gleichgültig Milch einschenken. Natürlich zitterte seine Hand, und er goß die Hälfte daneben.

«Kannst du nicht aufpassen?» rief seine Mutter verärgert.

Anton holte ein Wischtuch.

«Also...» fing sein Vater noch einmal an. «Es geht um deine seltsamen Freunde.»

«Welche Freunde?» stellte Anton sich unwissend.

«Um Anna und Rüdiger!»

Eine leichte Röte stieg Anton ins Gesicht – wie immer, wenn das Gespräch auf seine besten Freunde kam: auf den kleinen Vampir, Rüdiger von Schlotterstein, und seine Schwester Anna.

«Und was ist mit ihnen?»

«Hier!» Sein Vater zog aus der Innentasche seiner Jacke eine längliche rote Tüte hervor – eine Fototüte.

«Ja, und?» sagte Anton und zuckte mit den Achseln. Was interessierten ihn die Fotos seiner Eltern!

«Guck ruhig hinein», sagte seine Mutter mit rauher Stimme.

«Wenn ihr meint...» Anton holte einen Stapel Fotos aus der Tüte und sah sie sich widerstrebend an. Die ersten Fotos waren genauso, wie er erwartet hatte: langweilige Aufnahmen von Häusern, Bäumen, Wolken...

Aber dann – Anton erstarrte!

Es war das Bild, das sein Vater am letzten Samstag von ihm und Anna gemacht hatte. Anton erkannte die Papierschnipsel auf dem Teppich, die umgestürzten Blumentöpfe, das zerwühlte Sofa... nur Anna sah er nicht. Sie war nicht auf dem Foto, obwohl sie bei der Aufnahme neben Anton gestanden hatte!

Er konnte sich noch lebhaft daran erinnern, wie das grelle Blitzlicht sie erschreckt hatte und wie sie mit einem Aufschrei die Hände vors Gesicht geschlagen hatte.

Während er verblüfft das Foto betrachtete, hörte er seinen Vater sagen: «So, und jetzt möchte ich wissen, was du dazu sagst!»

«Wozu?» fragte Anton.

Erregt antwortete sein Vater: «Ich weiß genau, daß ich euch beide fotografiert habe. Warum ist Anna dann nicht auf dem Foto?»

«Wieso fragst du mich?» stotterte Anton.

«Weil es deine Freunde sind», rief seine Mutter, «diese Vampire!»

Es war das erste Mal, daß sie das Wort «Vampire» nicht in einer spöttischen, abwertenden Weise gebrauchte. Jetzt klang es plötzlich ernst, bedrohlich – als glaubte sie an Vampire.

Anton war viel zu verwirrt, um etwas entgegen zu können.

Daß Vampire kein Spiegelbild haben, wußte er – aber daß man sie auch nicht auf einem Foto festhalten kann, davon hatte er keine Ahnung gehabt.

«Ich... wahrscheinlich hast du sie nicht richtig aufs Bild gekriegt», murmelte er.

«Nicht aufs Bild gekriegt!» wiederholte sein Vater empört.

«Sieh dir das Foto mal genau an!»

Anton tat es – und da entdeckte er etwas ganz und gar Unglaubliches: ein Buch schien in der Luft zu schweben. Er drehte das Foto, so daß er den Buchtitel lesen konnte. Es war «Romeo und Julia», das Buch, das Anna am Samstag gelesen hatte.

Es schwebte genau dort, wo Annas Hand sein mußte nur: die Hand war nicht zu sehen!

Unvorstellbar... aber Anton hatte den Beweis vor Augen!

Er merkte, wie ihn seine Eltern beobachteten.

Irgend etwas mußte er sagen – aber was?

«Das Buch –» begann er – «es sieht aus, als ob es gerade runterfällt.»

«Nein.» Seine Mutter schüttelte heftig den Kopf. «Es sieht aus, als ob jemand das Buch festhält.»

Anton nahm schnell sein Milchglas, um zu verbergen, wie aufgeregt er war.

So gelassen wie möglich sagte er: «Wie soll denn das gehen?»

Die Person müßte ja durchsichtig sein.»

«– oder ein Vampir!» ergänzte seine Mutter und sah ihn scharf an. «Vampire haben doch kein Spiegelbild, oder?»

«Kann schon sein.»

«Und wer kein Spiegelbild hat, kann auch nicht fotografiert werden.»

«Ich denke, du glaubst nicht an Vampire», bemerkte Anton.

«Bislang nicht; aber seit ich das Foto gesehen habe...»

Nach einer Pause fügte sie hinzu: «Heute abend sind Vati und ich bei Frau Dr. Dösig eingeladen. Dann werden wir ihr die Sache mal schildern.»

«Welche Sache?» fragte Anton unbehaglich.

«Deine Beziehungen zu diesen –» sie zögerte und suchte nach einem passenden Ausdruck – «zu diesen – Gestalten!»

Anton überlief es kalt. Langsam schien es brenzlich zu werden... für ihn, für den kleinen Vampir und für Anna!

Zaghaft wandte er ein: «Wieso – was hat Frau Dr. Dösig damit zu tun?»

«Das laß nur unsere Sorge sein!» erwiderte seine Mutter kühl, und Antons Vater vervollständigte: «Morgen früh sehen wir weiter.»

Anton preßte die Lippen aufeinander und schwieg.

Was sollte er auch anderes tun?

Er konnte nur warten und hoffen – warten, was Frau Dr. Dösig sagen würde, und hoffen, daß der kleine Vampir heute abend zu ihm kam!

Der kleine Vampir in Gefahr / Маленький вампир в беде Das Foto / Фотография

Однажды в субботнее утро Антон пришел завтракать, и сразу ощутил, как что-то тяжелое витает в воздухе. На первый взгляд ничего не предвещало беды: на кухне как обычно стоял накрытый стол со свежим хлебом, из радио доносилась музыка...

Антон уселся за стол, потянулся за хлебом и занял выжидательную позицию. Долго ждать не пришлось — папа Антона откашлялся, а затем сказал:

— Антон, нам нужно с тобой поговорить.

— Со мной? — спросил Антон, между тем наливая молоко, стараясь выглядеть максимально равнодушно. Конечно, рука его дрожала, и он пролил добрую половину на стол.

— Антон, ну поаккуратнее! — сердито заметила его мама.

Антон достал салфетку.

— Так, о чем это я? — продолжил его отец, — у тебя тут друзья странные...

— Какие такие друзья? — непонятливо переспросил Антон.

— Анна и Рюдигер!

Антон сразу же покраснел — как и всегда, когда речь заходила о его лучших друзьях. Его друзья были маленькими вампирами, братом и сестрой по имени Рюдигер фон Шлёпперштайн и Анна.

— А что с ними?

— Да вот! — папа Антона вытащил из внутреннего кармана пиджака красный прямоугольный конверт — конверт для фотографий.

— Так, и? — недоумевал Антон.

И что им эти фотографии сдались, в самом деле?

— А ты глянь-ка, что там внутри, — подсказала мама сиплым голосом.

— Ладно...

Антон достал стопку фотографий из конверта и с неохотой ее оглядел. Первые фотографии оправдали его ожидания — это были скучные снимки домов, деревьев, облаков...

Но на одном фото Антон застыл.

В прошлую субботу его папа фотографировал Антона и Анну, и это был один из тех субботних снимков. На фотографии Антон увидел какой-то мусор на ковре, опрокинутые цветочные горшки, измятый диван... Только вот Анны он не увидел. Ее не было на фото, совсем, хотя на момент создания фотографии она стояла рядом с Антоном.

Антону отчетливо вспомнилась картина, как яркая вспышка камеры напугала Анну, и она прикрыла лицо ладошками.

Пока Антон недоумевающе разглядывал фотографию, его отец сказал:

— Так. А теперь я хочу знать, что ты на это скажешь.

— На что? — переспросил Антон.

Отец ответил несколько взволнованно:

— Я точно помню, что фотографировал вас обоих. Почему же Анны нет на фото?

— А я тут при чем? — запинаясь, ответил Антон.

— При том, что они твои друзья, — воскликнула его мать, — и они вампиры! Это был первый раз, когда мама Антона употребила слово «вампир» не с насмешкой, не с издевкой, а совершенно серьезно. Эта серьезность была неожиданной, даже пугающей — будто мама и правда верила в вампиров.

Растерявшийся Антон не нашелся, что сказать. Конечно, он знал, вампиры не отражаются в зеркале, но о том, что их нельзя запечатлеть на фотографии, он не имел ни малейшего понятия.

— Ну... Ты, наверное, камеру как-то так повернул... — начал бормотать Антон.

— Камеру как-то повернул! — повторил отец возмущенно, — ты на фотографию повнимательней посмотри.

Антон послушно взгляделся в фотографию — и тут его взору предстало нечто невероятное — книга на снимке будто парила в воздухе. Он повернул фотографию так, чтобы прочесть название книги. На обложке было написано «Ромео и Джульетта» — именно эту книгу в субботу читала Анна.

Книга левитировала именно там, где должна была находиться рука Анны. Единственная проблема заключалась в том, что руки Анны видно не было.

Просто невероятно... Однако неопровержимые доказательства глядели прямо в глаза Антону.

Он заметил, что родители все это время внимательно на него смотрели. Наверное, ему нужно было что-то сказать? Но что?

— Кажется, — начал он, — книжка вот-вот упадет.
— А вот и нет, — резко закачала головой мама, — кажется, книжку кто-то держит, причем крепко.
Антон взял в руку стакан с молоком, желая показать, как ему всё равно. Как можно спокойнее он проговорил:
— И как же это так получилось? Человек разве может быть невидимым?
— Человек... Или вампир! — добавила его мать, пристально следя за реакцией Антона, — вампиры в зеркале не отражаются, так ведь?
— Вроде так.
— И того, кто не отражается в зеркале, нельзя и сфотографировать.
— Я думал, что ты не веришь в вампиров, — заметил Антон.
— До сих пор нет. Но эта фотография...
После паузы она добавила:
— Сегодня вечером придет доктор Дёзиг. Мы с папой ее пригласили, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию.
— Какую такую ситуацию? — переспросил Антон.
— Такую, что ты общаешься с... — она остановилась, подыскивая подходящее выражение, — с такими формами жизни.
Антон покрылся холодным потом. Весь его мир вдруг предстал перед ним карточным домиком, и не только его, но и мир маленького вампира и Анны.
Антон позволил себе нерешительное вмешательство:
— А почему... А при чем тут доктор Дёзиг?
— А это уже не твоя забота, — холодно ответила мама Антона. Папа Антона продолжил:
— Завтра будем смотреть по ситуации.
Антон поджал губы и замолчал. А что ему еще оставалось делать? Теперь он мог только ждать и надеяться: ждать, что скажет доктор Дёзиг, и надеяться, что сегодня вечером к нему прилетит маленький вампир!

Перевод Анны Сергеевой (nannerllp@gmail.com), студентки 3 курса переводоведения РГУ им. С. А. Есенина. Заняла второе место на конкурсе «День переводчика» в номинации «Художественный перевод с немецкого языка на русский (детская литература)». Увлекается детскими историями о вампирах и вампирчиках, поэтому выбрала этот текст для перевода.

Анжела Соммер-Боденбург (род. 1948). Маленький вампир Фотография

Субботним утром, когда Антон пришёл завтракать, он сразу почувствовал, как в воздухе висело напряжение.
На первый взгляд всё казалось обычным: накрытый свежими булочками стол, музыка по радио, однако...
Он сел, стал намазывать булочку и ждать.

Ему не пришлось долго ждать: его отец прокашлялся, затем сказал: «Антон, мы должны поговорить с тобой».

«Со мной?», — сказал Антон и хотел бесчувственно налить себе молока. Его рука, конечно, дрожала, и он пролил половину.

«Ты не можешь аккуратнее?», — воскликнула раздражённо его мать.

Антон взял салфетку.

«Итак... — начал снова его отец. — Речь пойдёт о твоих необычных друзьях».

«О каких друзьях?», — непонимающе спросил Антон.

«Об Анне и Рюдигере!»

На лице Антона появился лёгкий румянец — как всегда, когда разговор заходил о его друзьях: о маленьком вампире Рюдигере из Шлоттерштайна и его сестре Анне.

«А что с ними не так?»

«Здесь!» Его отец вытащил из внутреннего кармана куртки удлиненный красный пакет — пакет для фотографий.

«Ну и?» — сказал Антон и пожал плечами. До чего его заинтересовали фотографии его родителей!

«Посмотри вглубь», — сказала грубым голосом его мать.

«Если вы имеете в виду...», — Антон достал стопку фотографий из пакета и снова внимательно посмотрел на неё. Первая фотография была такая же, как он и ожидал: скучный снимок домов, деревьев, облаков...

Но затем Антон замер!

Это была фотография его и Анны, которую его отец сделал в прошлую субботу. Антон разглядел клочки бумаги на ковре, опрокинутые цветочные горшки, потрёпанный диван... только он не увидел Анну. Её не было на фотографии, хотя она стояла на съёмке рядом с Антоном!

Он ещё хорошо это помнил, как она испугалась яркой вспышки света и как она с криком закрыла лицо руками.

В то время как он удивлённо рассматривал фотографию, он услышал, как его отец сказал: «Так, теперь я хочу знать, что ты об этом скажешь!»

«О чём?» — спросил Антон.

Его отец ответил раздражённо: «Я точно знаю, что фотографировал вас обоих. Почему тогда Анны нет на фотографии?»

«Почему ты спрашиваешь об этом меня?» — пробормотал Антон.

«Потому что это твой друг, — воскликнула его мать, — этот вампир!»

Это было впервые, когда она использовала слово «вампир» не в насмешливом, унижительном смысле. Теперь это звучало неожиданно строго, угрожающе, словно она верила в вампиров.

Антон был очень удивлён, чтобы как-то возразить. Он знал, что у вампиров нет отражения, но что они ещё не отображаются на фотографиях, об этом он и не знал.

«Я... возможно ты неправильно заснял её», — пробормотал он.

«Не попала в кадр! — повторил возмущённо его отец. — Ещё раз внимательно посмотри на фотографию!»

Антон сделал это, и тогда он обнаружил что-то совершенно иное, и даже невероятное: казалось, книга парила в воздухе. Он повернул фотографию так, чтобы он мог прочитать название книги. Это была «Ромео и Джульетта», книга, которую Анна читала в субботу.

Она парила точно там, где должна была быть только рука Анны. Но руки не было видно!

Немыслимо... но у Антона было доказательство перед глазами!

Он заметил, как его родители наблюдали за ним.

Он должен был что-то сказать, но что?

«Книга, — начал он, — выглядит, точно она вот-вот упадёт.»

«Нет, — его мать резко покачала головой. — Это выглядит, точно кто-то держит книгу».

Антон быстро взял свой стакан молока, чтобы скрыть, насколько он был взволнован.

Как можно спокойнее он сказал: «И всё же, как это возможно? Человек должен быть прозрачным».

«Или вампиром! — добавила его мать и резко взглянула на него. — Вампиры же не имеют отражения, верно?»

«Может быть».

«И тот, кто не имеет отражения, также не может быть сфотографирован».

«Я думаю, ты не веришь в вампиров», — заметил Антон.

«До этого момента не верила, но с тех пор, как увидела фото...»

После паузы она добавила: «Сегодня вечером папа и я приглашены к госпоже Дёзих. Тогда мы опишем ей эту историю».

«Какую историю?» — неловко спросил Антон.

«Твои отношения с этим, — она тянула и подбирала подходящее слово, — с этим персонажем!»

Антон обдало холодом. Казалось, медленно становилось опасно... для него, маленького вампира и Анны!

Он робко возразил: «Зачем? Какое отношение к этому имеет госпожа Дёзих?»

«Пусть это будет только нашей заботой! — возразила сдержанно мать, и отец Антона закончил: — Завтра утром мы продолжим просмотр».

Антон сжал губы и замолк.

Что ещё он должен был сделать?

Он мог только ждать и надеяться. Ждать, что госпожа Дёзих сказала бы, и надеяться, что маленький вампир придет к нему сегодня вечером!

Перевод Анжелики Савиной (lika.nescazu@mail.ru). Родилась в городе-курорте Анапа Краснодарского края. В настоящее время живет в Рязани, учится на 2 курсе факультета иностранных языков РГУ имени С.А. Есенина. Увлекается художественным переводом с немецкого на русский и с русского на немецкий. Перевод занял третье место на конкурсе «День переводчика» в номинации «Художественный перевод с немецкого языка на русский (детская литература)».

Patience Strong (1907-1990). Dream Again.

Failure cannot break your heart.
Life's a game, so play your part.
Dare to make another start.

Next time you'll be stronger – wiser too.
Think of all the things you meant to do.
Keep the glory of the goal in view.

Do not heed the world, its taunts and jeers.
Lift your eyes and face the coming years.
All great things are bought with human tears –
So dream again.

Пейшенс Стронг (1907-1990). Начни с мечты!

Не дай неудаче сломить твой дух.
Жизнь – игра, забудь про испуг.
Не бойся начать всё сначала, мой друг.

Ты станешь взрослее, мудрее, пойми.
Рискни и узнаешь, что ждёт впереди.
Надежду в душе сохрани, не гаси.

Не прячься от мира, хоть он и жесток.
Смотри вперёд и готовь свой бросок.
Без пота и слёз не бывает дорог.
Так значит, начни с мечты!

Перевод Елизаветы Никитенко (lizochkan312@mail.ru), студентки 3 курса Института иностранных языков РГУ им. С. А. Есенина. Изучает английский и немецкий языки. Перевод занял первое место на II конкурсе «День переводчика» в номинации «Поэтический перевод с английского языка на русский».

Frederick Douglass (1817?–1895)

Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Chapter III

COLONEL LLOYD kept a large and finely cultivated garden, which afforded almost constant employment for four men, besides the chief gardener, (Mr. M'Durmond.) This garden was probably the greatest attraction of the place. During the summer months, people came from far and near—from Baltimore, Easton, and Annapolis—to see it. It abounded in fruits of almost every description, from the

hardy apple of the north to the delicate orange of the south. This garden was not the least source of trouble on the plantation. Its excellent fruit was quite a temptation to the hungry swarms of boys, as well as the older slaves, belonging to the colonel, few of whom had the virtue or the vice to resist it. Scarcely a day passed, during the summer, but that some slave had to take the lash for stealing fruit. The colonel had to resort to all kinds of stratagems to keep his slaves out of the garden. The last and most successful one was that of tarring his fence all around; after which, if a slave was caught with any tar upon his person, it was deemed sufficient proof that he had either been into the garden, or had tried to get in. In either case, he was severely whipped by the chief gardener. This plan worked well; the slaves became as fearful of tar as of the lash. They seemed to realize the impossibility of touching *tar* without being defiled.

The colonel also kept a splendid riding equipage. His stable and carriage-house presented the appearance of some of our large city livery establishments. His horses were of the finest form and noblest blood. His carriage-house contained three splendid coaches, three or four gigs, besides dearborns and barouches of the most fashionable style.

This establishment was under the care of two slaves—old Barney and young Barney—father and son. To attend to this establishment was their sole work. But it was by no means an easy employment; for in nothing was Colonel Lloyd more particular than in the management of his horses. The slightest inattention to these was unpardonable, and was visited upon those, under whose care they were placed, with the severest punishment; no excuse could shield them, if the colonel only suspected any want of attention to his horses—a supposition which he frequently indulged, and one which, of course, made the office of old and young Barney a very trying one. They never knew when they were safe from punishment. They were frequently whipped when least deserving, and escaped whipping when most deserving it. Every thing depended upon the looks of the horses, and the state of Colonel Lloyd's own mind when his horses were brought to him for use. If a horse did not move fast enough, or hold his head high enough, it was owing to some fault of his keepers. It was painful to stand near the stable-door, and hear the various complaints against the keepers when a horse was taken out for use. "This horse has not had proper attention. He has not been sufficiently rubbed and curried, or he has not been properly fed; his food was too wet or too dry; he got it too soon or too late; he was too hot or too cold; he had too much hay, and not enough of grain; or he had too much grain, and not enough of hay; instead of old Barney's attending to the horse, he had very improperly left it to his son."

To describe the wealth of Colonel Lloyd would be almost equal to describing the riches of Job. He kept from ten to fifteen house-servants. He was said to own a thousand slaves, and I think this estimate quite within the truth. Colonel Lloyd owned so many that he did not know them when he saw them; nor did all the slaves of the out-farms know him. It is reported of him, that, while riding along the road one day, he met a colored man, and addressed him in the usual manner of speaking to colored people on the public highways of the south: "Well, boy, whom do you belong to?" "To Colonel Lloyd," replied the slave.

“Well, does the colonel treat you well?” “No, sir,” was the ready reply. “What, does he work you too hard?” “Yes, sir.”

“Well, don’t he give you enough to eat?” “Yes, sir, he gives me enough, such as it is.”

The colonel, after ascertaining where the slave belonged, rode on; the man also went on about his business, not dreaming that he had been conversing with his master. He thought, said, and heard nothing more of the matter, until two or three weeks afterwards. The poor man was then informed by his overseer that, for having found fault with his master, he was now to be sold to a Georgia trader. He was immediately chained and handcuffed; and thus, without a moment’s warning, he was snatched away, and forever sundered, from his family and friends, by a hand more unrelenting than death. This is the penalty of telling the truth, of telling the simple truth, in answer to a series of plain questions.

Фредерик Дуглас (1817?–1895)

Рассказ о жизни Фредерика Дугласа, американского раба. Глава 3.

У ПОЛКОВНИКА ЛЛОЙДА был большой великолепно ухоженный сад. Вместе с господином МакДермондом — главным садовником — за этим садом ухаживали еще четыре человека. Пожалуй, ничего чудеснее в округе было не отыскать. Чтобы полюбоваться садом, каждое лето люди приезжали даже из самых дальних городов — Балтимора, Истона, Аннаполиса. Казалось, в саду можно найти любые фрукты: от яблок, растущих, как правило, в северных регионах и способных выдержать сильные морозы, до сочных апельсинов, привезенных с юга. Впрочем, и в этом прекрасном саду случались происшествия. Его изумительные плоды приманивали как шайки голодных мальчишек, так и рабов постарше, принадлежащих полковнику. Ни те, ни другие были не в силах устоять перед пьянящим искушением. Летом не было и дня, чтобы кого-то из рабов не выпороли за кражу фруктов. Чтобы такого больше не повторялось, полковнику приходилось придумывать самые разные хитрости. Его последнее изобретение оказалось наиболее эффективным: изгородь вокруг сада всю вымазали дегтем. Следы этого дегтя на теле или одежде раба были верным доказательством того, что он либо лазал в сад, либо, по крайней мере, пытался туда залезть. В любом случае, главный садовник жестоко порол этого раба. Затея сработала отлично. Рабы теперь боялись даже подумать о том, чтобы сунуться в сад, а деготь у них стал ассоциироваться с неприятностями и унижением.

Еще у полковника были великолепные кареты и снаряжение для верховой езды. Его конюшня и каретник были поистине роскошны и ничем не уступали по красоте городским, а лошади чистокровных пород были замечательно выдрессированы. Полковнику принадлежали три превосходные кареты, три или даже четыре двухколесные повозки, а также самые разные четырехместные коляски, соответствующие всем модным тенденциям времени.

За лошадьми ухаживали два раба — Барни старший и Барни младший — отец и сын. Хотя других обязанностей у них не было, работа их была очень непростой, ибо именно в этом вопросе полковник был крайне придирчив. Если только ему казалось, что лошадям уделяли недостаточно внимания, оба раба подвергались суровому наказанию. Полковник не желал выслушивать никаких оправданий и, стоило ему только заподозрить, что о его любимцах недостаточно позаботились (а это случалось довольно часто), он впадал в ярость. Оба Барни едва ли могли предугадать, в какой момент на них обрушится кара. Бывало, их пороли совсем без причины, и, наоборот, когда они работали недостаточно хорошо, порки удавалось избежать. Все зависело от поведения лошадей и от настроения самого полковника. Например, если ему не нравилась скорость, с которой скачет лошадь, или если она держала голову недостаточно высоко, в этом винули тех, кто за ней ухаживал. Слушать бесконечные жалобы полковника на эту тему было настоящим мучением: «За этой лошадью никто не ухаживал. Ее не вымыли и не расчесали. Ее недостаточно кормили. Ей дали не тот корм и не в то время. Она замерзла. Ей слишком жарко. В стойле слишком много сена, а овса совсем нет. Ей дали слишком много овса и совсем не дали сена. Вместо того, чтобы самому позаботиться о лошади, старик доверил ее своему сынишке.»

Богатство полковника Ллойда можно сравнить, разве что с богатством библейского Иова. В доме полковника прислуживало около десяти, а то и пятнадцати человек, а рабов, поговаривали, у него была целая тысяча. Думаю, так оно и было. У полковника Ллойда действительно было так много рабов, что он, завидев кого-то из них, не мог сказать наверняка, принадлежит этот раб ему или нет. Да и не все рабы знали его в лицо. Говорят, будто однажды полковник встретил одного из них и задал ему вопрос в той манере, в которой все белые люди обычно обращаются к темнокожим: «Ну, парнишка? Ты чей?» «Полковника Ллойда», — ответил ему раб.

«И что же, хорошо полковник с тобой обращается?» — «Нет, господин», — последовал ответ. — «Неужели он заставляет тебя слишком много работать?» «Да, господин.»

«Ну а кормит он тебя хорошо?» — «Да, господин, кормят меня нормально.» Прежде чем уехать, полковник выяснил, где именно живет этот мужчина, а сам раб продолжил заниматься делами, даже не подозревая, с кем он только что говорил. Он и не вспоминал о случившемся, пока, спустя две или три недели, надсмотрщик не сообщил бедняге, что его продают рабовладельцу из Джорджии за то, что он осмелился плохо отзываться о своем хозяине. Раба немедленно заковали в цепи и, без всякого предупреждения, навсегда разлучили с близкими и друзьями, обрекая на судьбу более печальную, чем сама смерть. Вот таким было его страшное наказание за правду, за наивные, но честные ответы на самые обыденные вопросы.

Перевод Екатерины Чертихиной (chertikhina2702@gmail.com), выпускницы Института иностранных языков РГУ имени С. А. Есенина. Перевод занял первое место в конкурсе «День переводчика» в номинации «Художественный перевод с иностранного языка на русский».

Е. А. Обухова (род. 1984), Н. В. Тимошенко (род. 1987)
«Тайна таежной деревни» (2018)

Глава 1

28 апреля 2012 года, 18:55, Ленинградский вокзал, г. Москва

Москва встретила ее ярким, почти по-летнему теплым солнцем. Это было приятной неожиданностью после питерского ветра и мелкого дождя. Выйдя из здания Ленинградского вокзала, Саша даже зажмурилась в первое мгновение. Развязав завязанный по привычке легкий шарф и расстегнув куртку, она направилась в сторону метро, не забывая тянуть за собой довольно объемный чемодан.

Ездить налегке в подобные путешествия Саша никогда не умела. Во-первых, из-за разного климата никогда не знаешь, что тебе пригодится. Во-вторых, без приличной аптечки она, как врач, дальше КАДа не выезжала. В-третьих, Саша просто была девушкой. Где-то циничной, где-то логичной, где-то прагматичной, но девушкой.

Остановившись недалеко от спуска в подземный переход, из которого можно было войти в метро, она на несколько секунд подставила лицо солнцу, затем вздохнула и потащила чемодан по лестнице вниз.

Метро она любила. Никогда не понимала смысла торчать в многочасовой пробке, если можно гораздо быстрее добраться до нужного места на подземке. Даже когда родители подарили ей машину, она все равно часто ездила в университет на метро. Потом, уже выйдя замуж и устроившись на работу, этим видом транспорта стала пользоваться реже. Ее дом и больница, где она работала, находились далеко от станций, да и все пробки обычно бывали ей навстречу. И все равно иногда, в редкий погожий денек, она предпочитала пройтись пешком до ближайшей станции, вдыхая свежий воздух с залива. Муж в такие дни называл ее чокнутой, не забывая добавлять, что за это он ее и любит.

Миновав турникеты, Саша с трудом втащила тяжелый чемодан вверх по лестнице, к эскалаторам. Билет на электричку до Домодедово она купила еще дома через Интернет, поэтому могла бы не торопиться, но она всегда делала скидку на разные форс-мажорные обстоятельства, считая, что лучше приехать заранее, чем заставлять кого-то себя ждать.

Куда едет, Саша представляла плохо. Предстоящее путешествие походило на то самое приключение, которое она ждала все двадцать семь лет своей скучной жизни.

Почти месяц назад на одном из форумов любителей разных необычных и аномальных явлений, где она любила посидеть, ей пришло личное сообщение с предложением отправиться в экспедицию куда-то в Хакасию. Целью экспедиции было заявлено исследование возможных скрытых способностей человеческого мозга. Если Александру Рейхерд что-то и интересовало в жизни, то именно те самые способности. Поэтому она и зарегистрировалась несколько месяцев назад на форуме. В призраков, домовых и русалок она не

верила, они едва ли смогли бы привлечь ее внимание к столь необычному ресурсу.

В аэропорт она приехала в двадцать минут девятого. Еще какое-то время ушло на поиски нужного кафе, где, как обещал Уроборос, он будет ждать всех членов

«экспедиции», начиная с половины девятого. Почти все столики были заняты, но подходящий по внешности мужчина оказался только один. Он сидел в одиночестве, держа в руках картонный стакан с кофе. В отличие от остальных пассажиров, не читал книг, не пялился в телефон или ноутбук. Просто сидел и разглядывал пространство и людей вокруг себя. Саша на всякий случай достала из сумки телефон, вывела на экран фотографию и убедилась в том, что это тот, кто ей нужен. Спрятав мобильный обратно, она уверенно шагнула к мужчине. Поскольку возможность ошибиться все-таки оставалась, вместо приветствия она на всякий случай уточнила:

— Уроборос?

Мужчина повернулся к ней, внимательно оглядел с головы до ног, чуть хмурясь, как будто в его голове что-то не сходилось. Потом он встал и протянул ей руку.

— Лили? — с сомнением поинтересовался он.

В первую секунду Саша подумала, что все-таки ошиблась, и это не тот человек, которого она искала, но потом вспомнила, что на форуме мелькал ник «Lily». Мужчина, наверное, перепутал ее с другим членом экспедиции. Вернее, с другой.

— Нет, — она улыбнулась, пожимая ему руку, и назвала свой ник, который использовала на форуме: — Пилюлькин. В реале Александра Андреевна Рейхерд, а вообще можно по-простому — Саша.

Уроборос смущенно улыбнулся, прикрывая глаза и кивая.

— Конечно, Саша, простите, моя ошибка, — он выпустил ее руку и жестом пригласил присоединиться к нему за столиком. — Почему-то мне всегда казалось, что вы — мужчина.

Наверное, из-за ника, имени в профиле и профессии.

Когда он начал произносить длинные фразы, стало понятно, что русский для него не родной язык. Хотя говорил он свободно, часть звуков выходила непривычно: он слишком растягивал некоторые гласные, слишком твердо произносил «н» перед «е» и слишком мягко — «ч». Прежде чем Саша успела отметить и странное распределение интонаций в предложении, Уроборос подтвердил ее догадку, представившись:

— Меня зовут Войтех Дворжак, приятно познакомиться с вами в реальности.

The Taiga Village Mystery
(By E. Obukhova and N. Timoshenko)

Chapter 1

28 April 2012, 6:55 p.m., Leningradsky railway station, Moscow

Moscow greeted her arrival with sunshine, bright and warm like in summer. It was a pleasant surprise after the wind and drizzle of St. Petersburg. Coming out of the station building Sasha even had to squint her eyes at first. She took a moment to untie her light scarf that she wore out of habit, unbuttoned her jacket, and headed on to the subway dragging along a large suitcase behind her back.

Even on such journeys, Sasha just couldn't travel light. First of all, the climate was different, so you never knew what clothes you might need. Secondly, being a doctor, she never left the St. Petersburg area without a proper medical kit. And thirdly, she simply was a young woman: a little cynical, a little reasonable, a little pragmatic, but a young woman indeed.

She stopped for a few seconds to expose her face to the sun just before entering the underground passage, which led to the subway station. Then with a heavy sigh she dragged the suitcase downstairs.

Sasha was fond of the subway. She saw no point in spending hours in a traffic jam when you could quickly arrive at your destination by underground. Even when her parents bought her a car, she still took the subway to the university. Only later, after getting married and finding a job, she stopped using it this often. Her house and the hospital she worked at were both far away from all the stations, and the jam was always on the opposite side of the road. Still every now and then, when the day was very fine, she took a walk to the nearest station breathing the fresh air from the gulf. On such an occasion her husband always called her crazy, quickly adding that he loved her for that.

After going through the turnstile Sasha made a great effort to drag the heavy suitcase upstairs towards the escalator. While at home, she had already booked a train ticket to Domodedovo online, so she had no need to hurry. However, she always considered any possible circumstances beyond control, believing that it would be much better to arrive in advance than to make somebody wait for her.

The final destination was quite obscure to Sasha. But it seemed to her that all the twenty-seven years of her dull life she had been waiting for this forthcoming adventure.

Almost a month ago while looking through one of the Internet forums for supernatural phenomena she enjoyed browsing, Sasha received a direct message inviting her to take part in an expedition to somewhere in Siberian Khakassia. Research of the hidden capacity of the human brain was stated as its main objective. And if there were something in life that could provoke the interest of Alexandra Reiherd, it would be exactly that. It was the main reason for her logging in to this forum anyway; not the ghosts, mermaids or some household spirits – she didn't believe in their existence, so they could hardly attract her attention to such an unusual website.

She got to the airport at twenty past eight. It took a few more minutes to find the cafe where Ouroboros was to wait for all the members of the expedition since half past eight. Inside, all the tables were occupied, and there was only one man whose appearance could match. He was sitting alone holding a paper coffee cup in hand. Unlike all the other visitors, who were either reading books or staring at their phones and laptops, he was the only one sitting there scanning the room and the people around him. Just to make sure, Sasha took her phone out of the bag to have a good look at the photo and confirmed that it was the right man. Putting the phone away, she moved confidently towards the table. Only because there was still a chance that she was mistaken, instead of a regular greeting Sasha dared a careful inquiry:

“Ouroboros?”

The man turned and eyed her up and down with a slight frown as if something was not quite right. He got up and offered his hand:

“Lily?” he asked tentatively.

At first, Sasha thought that she was mistaken after all, and he wasn't the person she had been looking for. But then she remembered seeing the name “Lily” appear here and there on the forum. The man had probably taken her for another crewman of the expedition. Or rather, for another crewwoman.

“Nope,” she shook his hand with a smile and told him the name she used on the forum. “I'm Dr. Pillman. My real name is Alexandra Andreevna Reiherd, but you can call me Sasha for short.”

Ouroboros gave an embarrassed smile and nodded with his eyes closed.

“Certainly, Sasha, I'm sorry, my mistake,” he said letting go of her hand and gesturing to join him at the table. “For some reason, I have always thought you were a man. Probably because of the display name, your username and profession.”

Judging by his longer sentences, she realized that Russian wasn't his native language. Though he spoke it fluently, a few sounds were a little odd: some vowels were too long, nasal sounds too hard, but affricates too soft. Just before she also noticed a weird intonation of his speech, Ouroboros confirmed her suspicion by introducing himself.

“My name is Vojtech Dvořak, glad to meet you in real life.”

Перевод Льва Марьяновского (lev.maryanovskiy@gmail.com). Родился и живет в Рязань, выпускник Института иностранных языков РГУ имени С. А. Есенина (2023). Давно интересуется художественным переводом, в особенности переводом с русского языка на английский, и занимается им в рамках учебной и конкурсной деятельности. Перевод занял первое место на конкурсе «День переводчика» в номинации «Художественный перевод с русского языка на английский».

Содержание

От составителя (О. В. Матвиенко)	3
Слово о конкурсе (К. С. Корконосенко)	4
МАТЕРИАЛЫ КОНКУРСА НАЧИНАЮЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ ИМЕНИ Э. Л. ЛИНЕЦКОЙ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2022)	5
ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО	6
АНГЛИЙСКАЯ ПРОЗА	7
<i>Dylan Thomas to Vernon Watkins</i>	7
Дилан Томас — Вернону Уоткинсу. Перевод П. Носовой	
АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ	9
<i>Gerard Manley Hopkins (1844–1889). The Times Are Nightfall.</i>	9
Джерард Мэнли Хопкинс (1844–1889). Настала ночь...Перевод С. Товстик. Ложится тьма...Перевод К. Белого. Час сумерек. Перевод О. Матвиенко	
ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО	11
НЕМЕЦКАЯ ПРОЗА	12
<i>Klabund (1890–1928). Der sterbende Soldat</i>	12
Клабунд (1890–1928). Умиравший солдат. Переводы А. Горбачевой, К. Ивановой, О. Токаревой, О. Протопоповой, О. Матвиенко	
НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ	17
<i>Klabund (1890–1928). Der Friede</i>	17
Клабунд (1890–1928). Мир. Переводы Н. Новиковой, К. Белого, Н. Небогатиковой, А. Комовой, В. Соломахиной, О. Матвиенко. Покой. Перевод Е. Пещаницкой	
ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО	21
ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОЗА	22
<i>Henri Gougaud. Departements et territoires d'outre-mort</i>	22
Анри Гуго. Замертвские департаменты и территории. Перевод И. Ачкасовой. Загробные владения Франции. Перевод Л. Дорфман	
ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ	27
<i>Henri Michaux. Année maudite (из сборника "Épreuves, exorcismes (1940–1944)").</i> Анри Мишо. Година-гадина. Перевод И. Ачкасовой. Проклятое время (из сб. «Испытания, заклинания»). Перевод Л. Дорфман. Год-гад. Перевод Маргариты Мартикайнен	27
ПЕРЕВОДЫ С ИСПАНСКОГО	31
ИСПАНСКАЯ ПРОЗА	32
<i>Ramón Gómez de la Serna. Prólogo a la edición de 1960 de las Greguerías (fragmentos).</i> Рамон Гомес де ла Серна. «Грегери». Предисловие к изданию 1960 года (отрывки). Переводы Е. Михалиной, Н. Ужеговой, О. Токаревой	32

ИСПАНСКАЯ ПОЭЗИЯ	40
<i>Juan Ramón Jiménez. Antep primavera</i>	40
<i>Хуан Рамон Хименес. Предвесенье.</i> Перевод В. Соломахиной. <i>Предвесеннее.</i> Перевод Е. Михалиной. <i>Перед весной.</i> Перевод С. Луговой.	
<i>Jorge Luis Borges. Un soldado de Urbina. Хорхе Луис Борхес. Солдат капитана Урбины.</i> Перевод Е. Михалиной. <i>Солдат Урбины.</i> Перевод Е. Лихачевой	41
ПЕРЕВОДЫ С ИТАЛЬЯНСКОГО	43
ИТАЛЬЯНСКАЯ ПРОЗА	44
<i>Pietro Metastasio (1698–1782). Semiramide Riconosciuta (1729)</i>	44
<i>Пьетро Метастазіо (1698–1782). Узнанная Семирамида (1729).</i> Перевод Ю. Харитоновой.	
<i>Remo Rapino. Vita, Morte e Miracoli di Bonfiglio Liborio.</i>	49
<i>Ремо Рапино. Житие Бонфильо Лимборио.</i> Перевод Ю. Харитоновой	
ПЕРЕВОДЫ С ВЕНГЕРСКОГО, ИДИША	53
ВЕНГЕРСКАЯ ПОЭЗИЯ	54
<i>Anna Zilahi. Fata morgana</i>	54
<i>Анна Зилахи. Фата-морганa.</i> Переводы К. Осадчей, В. Сурняевой	
ПОЭЗИЯ НА ИДИШЕ	57
<i>איציק מאנגער. עקדת איציק</i>	57
<i>Ицик Мангер. Жертвоприношение Исаака</i>	
<i>Ицик Мангер. Жертвоприношення Ісаака.</i> Рус и укр. переводы О. Матвиенко	
ПРОЗА НА ИДИШЕ	60
<i>Вильна, моя Вильна.</i> Перевод Г. Родионова	60
ПЕРЕВОДЫ С КИТАЙСКОГО	71
КИТАЙСКАЯ ПРОЗА	72
冯骥才《单筒望远镜》（节选）	72
<i>Фэн Цицзай. Подзорная труба (фрагмент).</i> Переводы Д. Власюк, В. Андреева, Е. Гавришевой, В. Павловой (Халанской), И. Дыбец	
КИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ	96
蔡其矫《距离. Цай Цицзяо. Промежуток. Перевод Е. Ким. <i>Расстояние.</i> Перевод Т. Повидишевой	96
<i>Опыт художественного перевода в Донбассе</i>	99
Материалы конкурса «Мои первые переводы» (Донецк, ДНР, 2020, 2022, 2023).	100
<i>Lawrence Sail. The Fullness of Glory</i>	100
<i>Лоуренс Сэйл. Полнота Славы.</i> Переводы А. Павловой, Я. Сиверской, А. Кретовой, Е. Крюченко, А. Поливцева, А. Гуляевой. <i>Полнота Величия.</i> Перевод Г. Фрейман. <i>Блаженство Славы.</i> Перевод Д. Гринько. <i>Вся полнота триумфа.</i> Перевод Е. Генераловой	

<i>Amy Lowell (1874–1925). The Letter</i>	105
<i>Эми Лоуэлл (1874–1925). Письмо.</i> Переводы М. Паллона, С. Завязкиной, В. Скигина, А. Чистоклетовой, Д. Шолом, К. Нигмедзяновой, А. Неменушей, К. Коноваловой	
 <i>Lyndsey Kuster. A Wintry Night</i>	 109
<i>Линдси Кастер. Зимняя ночь.</i> Переводы Э. Алмазовой, С. Ковтуна, М. Ельчищевой, Ю. Мизевич, О. Ерохиной, Т. Тронь, С. Вильга, Ц. Колено, В. Грицковой, М. Танцюры. <i>Ветреная ночь.</i> Перевод К. Нигмедзяновой. <i>Морозная ночь.</i> Перевод В. Наталухи. <i>Зимний вечер.</i> Переводы А. Бочаловой, Г. Кульбакова	
 <i>Arno Holz. Aus weißen Wolken baut sich ein Schloss...</i>	 113
<i>Арно Хольц. Из белых облаков возникает замок...</i> Перевод В. Куприй. <i>Замок строится из белых облаков...</i> Перевод М. Крамаренко	
<i>Ada Christen. Nach dem Regen</i>	114
<i>Ада Кристен. После дождя.</i> Перевод О. Колгушевой	
 <i>Из переводов Екатерины Травкиной</i>	 115
<i>Don Paterson. The Dead. Дон Патерсон. Мертвые</i>	
<i>Сергей Есенин. *** (Не жалею, не зову, не плачу...)</i>	
<i>Sergey Yesenin. *** (No regrets, no calling and no cry...)</i>	
<i>Сергей Есенин. *** (Отговорила роща золотая...)</i>	
<i>Sergey Yesenin. *** (The golden grove's asleep. It's finished talking...)</i>	
 <i>H. Heine. Ein Fichtenbaum steht einsam</i>	 119
<i>Г. Гейне. В северном крае суровом...</i> Перевод В. Матвиенко	
 <i>Из переводов Елизаветы Селезень</i>	 119
<i>Jane Taylor. Twinkle, Twinkle, Little Star.</i>	119
<i>Джейн Тейлор. Звездочка, гори, гори!</i>	
<i>Edna St. Vincent Millay. Loving you less than life, a little less.</i>	120
<i>Эдна Сент–Винсент Миллей. Люблю тебя, но не сильнее вьюнка...</i>	
<i>Martina Clavadetscher. Die Erfindung des Ungehorsams. Lebt!</i>	121
<i>Мартина Клавадетчер. Изобретение непокорности. Живите!</i>	
 <i>Joanne Harris. A Narrow Door.</i>	 126
<i>Джоанн Харрис. Узкая дверь.</i> Перевод Д. Полтавской	
 <i>Из переводов Наты Потемкиной</i>	 128
<i>Переводы поэзии Донбасского цикла Наталии Курчатовой, журналиста, литератора, военного корреспондента</i>	
<i>Roberto Musso (El Cuarteto de Nos, a banda de rock). Todos pasan por mi rancho.</i>	134
<i>Каждый мимо проходящий...</i>	

<i>В переводческой мастерской</i>	136
<i>Переводы Константина Белого из Р. М. Рильке.</i>	137
Сонеты к Орфею. I часть, II Sonett. II сонет (Она была юна! И рождена...)	137
Neue Gedichte. "Nächtliche Fahrt" Sankt Petersburg. Ночная поездка	138
Parageienpark. Jardin des Plantes, Paris. Парк попугаев	140
San Marco (Venedig). Сан-Марко, Венеция	141
Larenopfer (Жертвы ларам) (избранное)	142
Heilige (Святые). Kaiser Rudolf. Император Рудольф	142
Aus dem Dreißigjährigenkriege. Kohlenskizzen in Callots Manier. 6. Ballade.	143
Из Тридцатилетней войны. Эскизы в манере Калло. 6 баллада.	144
9. SZENE. 9 сцена. In der Vorstadt. В предместье	146
Проект «Переводы поэзии Уильяма Карлоса Уильямса» (работы студентов 3 курса ИИЯ РУДН в 2022–2023 уч. г., рук. проекта — д.ф.н., проф. М. Р. Ненарокова)	147
<i>А. Бурутина. First Praise. Первая хвала</i>	
<i>А. Гумерова. Notage. Почтение</i>	
<i>Даниил Иванов. The Fool's Song. Песнь глупца</i>	
<i>Мария Куровская. Crude Lament. Плач юности</i>	
<i>Диана Ли. The Ordeal. Испытание огнем</i>	
<i>Павел Лобанов. Appeal. Мольба</i>	
<i>Никита Меркулов. Portent. Знамение</i>	
<i>Дарья Орежева. Ad Infinitum</i>	
<i>Айнур Салманова. Contemporania. Сегодня</i>	
<i>Анастасия Уткина. To Mark Anthony In Heaven. Марку Антонию на небесах</i>	
<i>Дарья Ветрюк. Le Medecin Malgre Lui.</i>	
<i>Елена Гонцовская. Man in a room. Человек в комнате</i>	
<i>Екатерина Грушина. A Coronal. Венец</i>	
<i>Андрей Микулич. The Revelation. Откровение</i>	
<i>Екатерина Осташкина. Pastoral. Пастораль</i>	
<i>Михаил Рельсов. Chickory and Daisies. Цикорий и маргаритки</i>	
<i>Варвара Сергеева. Love Song. Песня о любви</i>	
<i>Софья Томилова. Winter Sunset. Зимний закат</i>	
<i>Наталья Тумановская. In Harbor. В гавани</i>	
<i>Екатерина Бойко. Apology. Апология</i>	
<i>Анна Варварюк. Promenade I. Прогулка 1</i>	
<i>Ася Дзаурова. Promenade II. Прогулка 2</i>	
<i>Валерия Королева. Promenade III. Прогулка 3</i>	
<i>Валерия Красильникова. Libertad! Igualdad! Fraternidad!</i>	
<i>Павел Овчинников. Dawn. Рассвет</i>	
<i>Мария Андреева. Hero. Герой</i>	
<i>Минара Бодениязова. Winter Quiet. Зимняя тишь</i>	
<i>Екатерина Галеева. A prelude. Вступление</i>	
<i>Леонид Лазаев. М.В. М.Б.</i>	

Рукият Магомедова. A Portrait In Greys. Портрет в серых тонах
Алина Мясникова. Pastoral. Пастораль
София Русакова. Spring Storm. Весенняя буря
Эмилия Тарасова. At Night. Ночью
Полина Эбель. Willow Poem. ***
Фатима Алиева. Approach Of Winter. Приближение зимы
Раиса Артюшкина. January. Январь
Ирина Белоус. Blizzard. Метель
Ольга Бирагова. All The Fancy Things. Все эти модные штучки
Иван Конюхов. The Dark Day. Непогожий день
Анна Коняхина. Thursday. Четверг
Полина Масюткина. Daisy. Маргаритка
Алина Панкова. Primrose. Первоцвет
Артем Пономарев. The Disputants. Спорящие
Алена Щукина. Blueflags. Голубые флаги (Ирисы)

**Переводы призеров II конкурса «День переводчика», проведенного
 Институтом иностранных языков Рязанского государственного
 университета им. С. А. Есенина (весна 2023 г.)** 179

James Krüss (1926–1997). Wie wohnen die Kinder der Erde? 179
Джеймс Крюсс (1926–1997). Где живут дети земли? Перевод К. Савиной.
Кто-то рождён под счастливой звездой... Перевод Е. Никитенко. Как живут
дети земли? Перевод Э. Костоглодовой
Horst Rehmann (geb. 1943). Denglisch. Хорст Реманн (род. 1943). Рунглиш.
 Перевод В. Матвиенко

Bov Bjerg. Serpentinaen. Серпантин. Переводы А. Сомовой, В. Дудник 181
Angela Sommer-Bodenburg (geb. 1948). Der kleine Vampir 188
in Gefahr (1979). Das Foto. Анжела Соммер-Боденбург (род. 1948).
Маленький вампир в беде. Фотография. Переводы А. Сергеевой, А. Савиной

Patience Strong (1907–1990). Dream Again 195
Пейшенс Стронг (1907–1990). Начни с мечты! Перевод Е. Никитенко

Frederick Douglass (1817?–1895). Narrative of the Life of Frederick Douglass, 195
an American Slave. Chapter III. Фредерик Дуглас (1817?–1895). Рассказ о
жизни Фредерика Дугласа, американского раба. Глава 3. Перевод
 Е. Чертихиной

Е.А. Обухова (род. 1984), Н.В. Тимошенко (род. 1987). «Тайна таежной 199
деревни» (2018). Глава 1. The Taiga Village Mystery (By E. Obukhova and N.
Timoshenko). Chapter 1. Перевод Л. Марьяновского

Литературно-художественное издание

Отражения. Выпуск 13.

Первые опыты художественного перевода

Редакторы и составители: К. С. Корконосенко, О. В. Матвиенко

Иллюстрации: В. В. Бондаренко